

Управление по делам архивов мэрии г. о. Тольятти

СТАВРОПОЛЬ: ФРОНТ И СУДЬБЫ

Сборник очерков

Автор-составитель Н.Г. Лобанова

Тольятти 2009

СОДЕРЖАНИЕ

Глава I. Ставропольцы — Герои Советского Союза и полные кавалеры ордена Славы	2
1. Андреев Василий Дмитриевич	2
2. Бузыцков Иван Дмитриевич	3
3. Викторов Константин Николаевич	4
4. Голоднов Алексей Васильевич	7
5. Голосов Дмитрий Николаевич	8
6. Грачев Алексей Иванович	9
7. Дорофеев Федор Иванович	13
8. Еряшев Борис Никандрович	14
9. Жилин Василий Иванович	17
10. Казачков Алексей Леонтьевич	17
11. Кудашов Владимир Петрович	19
12. Лапшов Петр Владимирович	21
13. Лобов Алексей Петрович	24
14. Макаров Петр Георгиевич	25
15. Никонов Евгений Александрович	27
16. Носов Виктор Петрович	30
17. Ремнев Виктор Михайлович	31
18. Фадеев Сергей Михайлович	31
Ставропольцы-генералы РККА	34
Глава 2 Центр подготовки военных переводчиков	35
Выпускники Военного института иностранных языков Красной Армии	65

Уважаемые читатели!

Предлагаемое вам издание выходит в свет в год 65-летия Победы нашего народа в Великой Отечественной войне и посвящается павшим защитникам Родины. Впервые в нашем городе публикуется сборник очерков о курсах военных переводчиков и Военном институте иностранных языков Красной Армии.

Сборник состоит из двух глав. Первая глава «Ставропольцы - Герои Советского Союза и полные кавалеры ордена Славы» посвящена нашим землякам, сражавшимся с фашистскими захватчиками в годы Великой Отечественной войны, вторая «Центр подготовки военных переводчиков» - истории Военного института иностранных языков Красной Армии, который дислоцировался в городе Ставрополе в 1941-1943 гг., его преподавателям и выпускникам. В сборнике использованы материалы и тексты, опубликованные в изданиях: «Военный институт иностранных языков», Москва, 1967; И.И. Левин «Записки военного переводчика», «Московский рабочий», 1985; «Мы – интернационалисты», Москва, 1986; «Они сражались за Родину» (Составители: В.А. Кожевникова, А.П. Яковлева, А.П. Копылов), Куйбышев, 1975, «Связь поколений»

Г.С. Андреева, Тольятти, 1996 г.

В издании использованы фотографии из фондов Тольяттинского краеведческого музея и санатория «Лесное». Сборник адресуется учащимся и преподавателям школ и вузов.

Лобанова Н.Г.

Глава I.

Ставропольцы — Герои Советского Союза и полные кавалеры ордена Славы

АНДРЕЯНОВ ВАСИЛИЙ ДМИТРИЕВИЧ

Родился 21 июля 1915 г. в с. Ташла Ставропольского уезда Самарской губернии в семье крестьянина. Член КПСС с 1944 г. До армии работал в колхозе. В армии в 1936-1939 гг. Участник боев у озера Хасан в 1938 г. Вновь призван в армию в 1941 г. Хабаровским РВК. Механик-водитель танка 37-го отдельного гвардейского танкового полка 15-й гвардейской механизированной бригады 4-го гвардейского механизированного корпуса 3-го Украинского фронта. Гвардии старший сержант, был дважды ранен. Звание Героя Советского Союза присвоено 24 марта 1945 г.

Шел 1944 год — год решающих ударов нашей армии по фашистской Германии. Немцы упорно сопротивлялись. Особенно укрепился враг в районе р. Прут в Молдавии. Командование 37-го танкового полка 15-й Краснознаменной механизированной бригады получило приказ: прорвать оборону противника, преодолеть противотанковый ров и закрепиться на западном берегу реки Прута. Командир полка подполковник Клейменов поручил это опасное задание лучшим экипажам. В числе идущих на прорыв оказался и Василий Дмитриевич Андреянов, водитель-механик танка «Т-34». 21 августа 1944 г. танк Андреянова вырвался вперед, увлекая за собой другие машины. Гремят выстрелы. Окруженная дымом и пылью, «тридцать четверка» на высокой скорости входит в деревню Аджилар (Суворовский район Молдавии). Считанные минуты - и гусеницы уже сминают вражеские пушки, перевертывают бронетранспортеры, автомашины. Немцы, не ожидавшие такой стремительной атаки, бросаются в паническое бегство. Но это не спасает их. Смело маневрируя, Василий Дмитриевич перерезал пути их отхода. Из танка бьет струя пулеметного огня. В этом бою танк уничтожил три пушки, два бронетранспортера и пять автомашин противника.

Но впереди еще река. Немецкое радио заявляет, что нашим солдатам преодолеть ее не удастся: у германской армии, дескать, неприступная оборона на правом берегу. «Прошу разрешить форсирование», - просит Андреянов. Зная военную выучку танкиста, его решительность, командир дает согласие. Андреянов не ждет, когда будет наведен мост. Северо-западнее местечка Минжир (Котовский район) он без переправы спускается к воде, помогает отбуксировать на противоположный берег остальные танки. Немцы подбрасывают подкрепление, переходят в контратаку. И получают сполна! Андреянов, не растерявшись, под огнем полевой и самоходной артиллерии противника смело ведет машину вперед. Уничтожено три противотанковые пушки, несколько автомашин. Наша пехота, форсировавшая реку вслед за танками, берет в плен 250 гитлеровских солдат и офицеров. Когда пленных приводят в штаб, один немецкий офицер просит: «Покажите мне водителя танка «Т-34». Не могу поверить, что существуют такие умелые солдаты».

После того, как наши войска закрепились на правом берегу Прута, противник рассыпался мелкими группами, начал совершать диверсии. «Тридцать четверка», которую вел Андреянов, дважды прочесала всю местность, где прятались немцы. Сколько раз танкистов ожидала граната в раскрытый люк, автоматная очередь из-за кустов.

За героизм, проявленный в боях за освобождение Молдавии, В.Д. Андреянов был удостоен звания Героя Советского Союза. После войны Василий Дмитриевич демобилизовался. Жил и работал в Куйбышеве. Награжден орденами Ленина, Красной Звезды, медалями. Умер 13 июня 1953 г., похоронен в Куйбышеве.

БУЗЫЦКОВ ИВАН ДМИТРИЕВИЧ

Родился в 1917 г. в селе Нижнее Санчелеево Ставропольского уезда Самарской губернии в семье крестьянина. Русский. Член КПСС с 1942 г. Окончил пять классов сельской школы, работал комбайнером. В октябре 1938 г. был призван в пограничные войска. Окончил школу младшего начсостава в 1939 г. Участвовал в 1940 г. в освободительном походе советских войск в Бессарабию. Отличился в первых боях на границе 22 июня 1941 г. Был тяжело ранен.

За образцовое выполнение боевых заданий командования, проявленные при этом отвагу и героизм, командиру отделения 5-й заставы 25-го Кагульского пограничного гряда сержанту Бузыцкову Ивану Дмитриевичу Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 августа 1941 г. присвоено звание Героя Советского Союза.

В ночь на 22 июня 1941 г. Иван Дмитриевич Бузыцков с пулеметным расчетом нес боевой дозор у шоссе пограничного моста. Бузыцков и его товарищи одними из первых вступили в неравный бой с фашистами. Бузыцков сражался в бою мужественно, несмотря на несколько ранений, он не покинул поле боя, в течение многих суток с товарищами отстаивал границу государства.

О боевых действиях наших войск на этом участке фронта Совинформбюро сообщало: «Наши войска отбили крупные атаки противника, пытавшегося форсировать реку Прут. На Бессарабском участке фронта войска прочно удерживают позицию на восточном берегу реки, успешно отражая многочисленные попытки противника форсировать ее». Вспоминает Иван Бузыцков: «Военком комендатуры старший

политрук Бойко предупредил нас о том, что обстановка на границе осложнилась, провокация возможна в любой момент. Наши наряды один за другим уходили на охрану границы. С бойцом своего расчета Василием Младенцевым мы установили связь с нарядом соседней заставы, проверили службу своих пограничников и к трем часам утра возвратились домой. Вдруг на левом фланге короткая пулеметная очередь распоролла утреннюю тишину. Тут же один за другим прогремело три взрыва. Затем снова пулеметные очереди и ружейный треск. Нападение. «Дайте сигнал тревоги, передайте Тужлову - оборону заставы организовать по секторам. Я с Калининым иду к месту боя. Немедленно вышлите туда подкрепление с ручным пулеметом».

Произошло же вот что. В этот ранний час пограничный наряд - Александр Макаров и Петр Теленков закончили службу и возвращались на заставу. Прямо перед собой они увидели выгружавшихся из лодки фашистов, которых тут же и уничтожили штыками и прикладами. Несколько гранат попали в лодку. Правый берег реки ожил надсадным клекотом пулеметов. Макаров был ранен в ноги, но остался вместе с бойцами в окопе. Неужели это война?

Бойцы моего отделения с двумя станковыми пулеметами бежали к шоссе, затем поднялись на насыпь. Мы увидели фашистов и открыли огонь. Но и враг начал нас обстреливать. Шквал артиллерийско-минометного огня противника усиливался. Очередной мощный взрыв разрушил наш дзот. Ефрейтор Курочкин упал возле пулемета. Я почти не чувствую, что ранен сам. Три часа обороняем мы свою разрушенную позицию. С флангов обороняются другие расчеты. «Бузыцков, - дает команду Тужлов, - проверить заставу, доставить боеприпасы». Мы, измученные долгим боем, раненые, бежим на заставу. Выносим боеприпасы, нам

известно, что фашисты захватили мост и могут в любой момент оказаться здесь. «Смотрите, немцы». Во дворе заставы их больше 20. Мы нырнули в учебный окоп, и враги под нашим обстрелом рванулись в болото, где их встретил огонь станковых пулеметов других подразделений. Меня ранили. А бой продолжается.

В сплошном грохоте, криках, столах раненых нет минуты, чтобы подумать, что же случилось. В самом деле, это война? Как в полубреду проходит тревожная, озаряемая

вспышками ракет, ночь. И снова с вражеской стороны с ревом несутся мины. И вновь гитлеровцы пошли, рты перекошены бешеным криком. Неужели отступим? Я вижу, что через заросли к нам пробирается сержант Константинов с двумя отделениями бойцов - стрелковым и пулеметным. Бойцы быстро выбирают позиции, и немцы падают под огнем пулеметов, атака захлебнулась, фашисты побежали. Мы стали теснить врага в рукопашной схватке, когда и с той и с другой стороны стихли выстрелы, и лишь слышалось звяканье оружия, мы отобрали у фашистов мост. Всю следующую ночь не смолкали пулеметы, а с утра противник под прикрытием артиллерийского и минометного огня трижды безуспешно пытался нас остановить. Вскоре последовал приказ отходить, застава была окружена. Ночью мы с боем отошли на новый рубеж. Мы по-прежнему не знали, что ждет нас впереди, долго ли продлятся бои. Отстреливаясь от наседавшего врага, продолжали движение, несли на плащ-палатках раненых, Мы отступали, но знали, что вернемся». После длительного лечения в госпиталях Бузыцков окончил курсы младшим лейтенантом, сражался с гитлеровцами на Северном Кавказе, служил на южной границе, В конце войны командовал батальоном внутренних войск.

В 1945 г. окончил курсы переподготовки при Военной академии имени М.В.Фрунзе.

В послевоенный период продолжал службу в органах МВД, длительное время возглавлял совет физкультуры республиканской организации «Динамо» в Киеве. Награжден двумя орденами Красной Звезды и десятью медалями. Удостоен звания почетного гражданина города Кагул Молдавской ССР. Последние годы подполковник в отставке Бузыцков проживал в городе Днепропетровске. Работал на Южном машиностроительном заводе. Активно участвовал в военно-патриотическом воспитании молодежи. В 1976 г. Кишиневское книжное издательство выпустило его воспоминания «Записки пограничника».

12 июля 1978 г. Бузыцков скончался. Похоронен на Сурско-Литовском кладбище Днепропетровска.

ВИКТОРОВ КОНСТАНТИН НИКОЛАЕВИЧ

Родился 16 сентября 1918 г. в д. Зеленовка Ставропольского уезда Самарской губернии в семье крестьянина. Член КПСС с 1945 г. Окончил 2 курса Саратовского рыбного техникума. Работал в Куйбышеве на строительстве электростанции. В армии с 1939 г. Окончил Тамбовское танковое училище. С августа 1942 г. на фронте. Командир 199-й отдельной разведроты 165-й стрелковой дивизии 70-й армии 2-го Белорусского фронта. Старший лейтенант. Звание Героя Советского Союза присвоено 29 июня 1945 г. Награжден орденами Ленина, Отечественной войны 1 и 2 степени, Красной Звезды, медалями.

В ночь на 18 апреля 1945 г. рота под командованием Викторова преодолела реку Ост-Одер и в течение суток отразила 4 контратаки противника.

20 апреля Константин Николаевич первый переправил свое подразделение на левый берег Вест-Одера в 5 км севернее города Гар (Германия) и, отразив 3 атаки, удерживал плацдарм до подхода основных войск. Викторов и его бойцы стояли по пояс в ледяной одерской воде. От нестерпимого холода судорогой сводило ноги, зубы помимо воли выбивали лихорадочную дробь. К горлу подкатывалось что-то вязкое, противное, остро сосало под ложечкой: третьи сутки бойцы не держали во рту ни крошки. Немцы, сосредоточившись впереди, на дамбе, осыпали редкие кусты, за которыми укрылась рота Викторова, градом пуль. Но рота не отвечала на обстрел: был отдан железный приказ командира не обнаруживать себя несмотря ни на что. Бойцы как будто замерли, только иногда то один, то другой осторожно переставлял затекшие ноги, напряженно всматриваясь в серевшую впереди громаду дамбы. Скорей бы настала темнота! Тогда

можно начать двигаться, начать подбираться к дамбе. А сейчас нужно ждать, стоять в этой пронизывающей насквозь холодом воде, чего бы это ни стоило. В эти минуты Константину Викторову вспомнилось детство, годы, прожитые до ухода на фронт. Вся жизнь с кинематографической быстротой мелькала перед мысленным взором.

...Широкие необозримые приволжские просторы с синеющей вдали грядой леса... Ласково бьющие в берега волны красавицы Волги. Село Зелёновка, с бревенчатыми избами, в котором родился и провел детство Константин. Семилетняя школа, в которую он зимой бегал в отцовских валенках. Вспомнил шумное собрание крестьян, решившее создать в Зелёновке колхоз, первые заработанные в колхозе деньги. В 1939 г. он узнал из газет, что принято постановление правительства о строительстве первой на Волге плотины и гидроэлектростанции — началось покорение могучей Волги. Пошел на стройку рабочим, чтобы принять участие в штурме великой реки. Вскоре пришлось распрощаться со строителями ГЭС, с которыми крепко подружился Константин: он получил повестку о призыве в ряды РККА. Началась новая полоса в жизни. Настойчиво в течение двух лет овладевал военной профессией. 22 июня 1941 г. Константин узнал о нападении Германии на СССР. Гневом сжималось сердце, наливались тяжестью руки, хотелось отдать все силы, чтобы защитить родную страну от фашистского зверья. С первых дней войны Виктор на фронте. Вместе со своей частью он прошел по трудным военным дорогам. Сначала тяжелый путь отступления на восток, а затем, после великой битвы под Сталинградом, твердым солдатским шагом — на запад, освобождать советскую землю от гитлеровских захватчиков.

Константин Николаевич командовал отделением разведки и разведвзводом стрелкового полка на Юго-Западном и Украинском фронтах. С 1944 г. он командир разведроты стрелковой дивизии на 1-м и 2-м Белорусском фронтах. Не раз под командованием Викторова бесстрашные разведчики проникали в тыл врага и приводили с собой “языков”, приносили важные сведения о дислокации и численности гитлеровских частей, обеспечивавшие успех наступательных операций советских войск.

Это было в 1944 г., когда части советской армии вели бои за освобождение Польши, командир дал задание: перебраться с группой бойцов на противоположный берег реки, занятый немцами, и разведать расположение частей противника, его штабов и резервов.

Тщательно разработав план операции, Викторов разделил своих бойцов на две группы, которые под покровом ночи переплыли реку, пробрались через передний край обороны и вышли в расположение штаба немецкой пехотной дивизии. В течение целого дня разведчики наблюдали из укрытий за действиями противника и передавали по радию полученные сведения своему командованию. В голове Викторова созрел дерзкий замысел: напасть на гитлеровский штаб темной, беззвездной ночью. Группа разведчиков под руководством сержанта Якушенко сняла немецкую охрану. По команде Викторова горстка бойцов открыла с разных сторон огонь по зданию штаба и забросала его гранатами. Объятые паникой немецкие штабные офицеры не могли оказать сопротивления. Захватив документы штаба, отважные разведчики скрылись. Но при возвращении к своим, столкнулись с фашистами. Завязался неравный бой, во время которого Викторов и другие бойцы были ранены. В сложной боевой обстановке Константин нашел выход из создавшегося положения. Обойдя расположение врага, искусно маскируясь и отвлекая его внимание, разведчики оторвались от немцев, пробрались к переправе и соединились со своей частью.

Как позже выяснилось, документы, доставленные разведчиками, оказались исключительно ценными для нашего командования. В них содержался вражеский план обороны города Торуня, на подступах к которому вели бои наши войска.

...Константин подумал и о начале сегодняшней самой трудной операции. В эти апрельские дни 1945 г. их стрелковая дивизия вышла к Одеру. Радостно было на сердце: наконец-то советские части начали громить фашистское зверье в его логове. Бойцы

готовились к последнему решающему удару по столице “третьего рейха” — Берлину. Но враг в предсмертных судорогах предпринимал лихорадочные попытки остановить советские войска, бросая в бой все оставшиеся у него резервы. Гитлеровское командование решило задержать советские части на Одере, на левом берегу которого были сосредоточены значительные силы противника. Перед советскими войсками встала трудная задача — форсировать разлившийся от весеннего половодья Одер. Викторова вызвал командир дивизии. “Разведроту произвести разведку, форсировать Одер и занять плацдарм на левом берегу реки для подготовки наступления наших войск”, — таков был его приказ.

Задача была нелегкой. Одер в том месте, где его предстояло форсировать, разделялся на два рукава, разлившиеся от весеннего половодья на пять-шесть километров в ширину. По реке еще шел лед. Подходы к ней были заболоченные, трудно проходимые. За день до операции Викторов выслал на берег Одера группу для непрерывного наблюдения за противником, укрепившимся не только на левом берегу, но и на двух дамбах посредине реки. Гитлеровцы почти непрерывно обстреливали правый берег. В ночь бойцы разведроты вышли на операцию. Плотно прижимаясь к мокрой, чавкающей под ними земле, они ползли по-пластунски к берегу Одера. Вот уже то место, где приказано форсировать реку. Но подойти к воде здесь оказалось невозможно, у берега была сплошная трясина. Константин отдал приказ: спуститься ниже по течению. Наконец нашли подход к воде. Бесшумно, надев плавательные костюмы, вошли в реку. Плыть в ледяной воде оказалось еще труднее: все время приходилось отталкивать крупные льдины и раздвигать ледяную мелочь.

Немцы, оборонявшие первую дамбу, были потрясены, когда из ледяной одерской купели возникла перед ними рота советских бойцов. Несмотря на упорное сопротивление врага, решительные и своевременные действия разведчиков обеспечили успех. Первая дамба была в их руках.

Однако это было лишь началом операции. Нужно было пройти, скрываясь от врага, несколько километров по полузатопленному, заболоченному острову, овладеть второй дамбой, а затем форсировать второй рукав реки. Дождавшись ночи, разведчики двинулись через остров. Перейти его оказалось очень сложно. Немцы вели за островом самое тщательное наблюдение. Остров был пересечен оврагами, затопленными талой водой, труднопроходимым кустарником. Всю ночь подбирались бойцы ко второй дамбе, но, когда они уже были около неё, предательски забрезжил рассвет. Выход был только один: ждать наступления ночи. Ждать по пояс в холодной воде, под огнем врага.

...Все эти события последних дней промелькнули в памяти Константина. Последние часы перед наступлением темноты оказались особенно невыносимыми. Проходит час, еще один и еще. Густая темнота скрывает подступы к дамбе. “Вперед!” — вполголоса по цепи отдает приказание Викторов. Атака была такой быстрой, неожиданной для немцев, что они не смогли оказать сильного сопротивления и в панике оставили вторую дамбу, перейдя на левый берег реки. Предстояло самое трудное — переправиться через второй рукав Одера и занять плацдарм. На левом берегу находились мощные огневые точки противника. Как их подавить, ведь связь с командованием дивизии была прервана? Командир разведроты отдал приказ четырем бойцам, оставленным на дамбе, стрелять трассирующими пулями в направлении огневых точек врага на левом берегу. Командование дивизии разгадало замысел отважных разведчиков. Советская артиллерия с правого берега открыла сокрушительный огонь по огневым точкам немцев.

В то время как внимание гитлеровцев было привлечено к дамбе, разведчики спустились еще ниже по течению. Бесшумно, цепочкой, держа друг друга за руки, бойцы переправились на левый берег и заняли небольшой клочок земли. Противник решил во что бы то ни стало возратить занятый плацдарм. Одна яростная атака следовала за другой, но наши бойцы были полны решимости отстоять плацдарм или погибнуть. Когда кончались патроны, разведчики снимали автоматы с убитых фашистских солдат и

продолжали отстреливаться. Питались сырой кониной, картофельной кожурой, найденной у немецкой полевой кухни, тем, что удалось найти в ранцах немецких солдат.

Во время одной атаки Викторов почувствовал, как что-то горячее обожгло ногу. “Ранен”, — мелькнуло в голове. Но разве можно было в этот момент подать вид своим бойцам, что командир ранен! Викторов, преодолевая боль, продолжал руководить боем. К счастью, прибыло подкрепление. С громким “Ура!” советские бойцы пошли на штурм ближайшей высоты, на которой сильно укрепился противник. Высота была взята. Овладение плацдармом на берегу Одера обеспечило его успешное форсирование основными силами дивизии. В июне 1945 г. за умелые и решительные действия при форсировании Одера, за героизм и мужество Константину Николаевичу Викторову было присвоено звание Героя Советского Союза.

Отгремели орудийные залпы. После окончания войны, демобилизовавшись из армии, Константин Николаевич, капитан запаса, возвратился домой. С 1946 г. он работал инструктором Ставропольского райкома партии и на других должностях. Скончался 2 февраля 1988 г. в Тольятти.

ГОЛОДНОВ АЛЕКСЕЙ ВАСИЛЬЕВИЧ

Родился 15 января 1924 г. (в официальных документах - 30 марта 1925, так как Голоднов приписал себе год, когда писал заявление о призыве в армию досрочно) в с. Хрящевка Ставропольского района Самарской губернии в крестьянской семье.

В семье кроме Алексея было ещё 7 детей. В 1933 году, спасаясь от голода, семья переехала в Ивановскую область, недалеко от Кинешмы. Закончил 8 классов. В 1943 году приписав себе год ушёл добровольцем в армию. Был направлен минно-пулемётное училище, но не успел закончить даже ускоренный курс. Курсантов рядовыми отправили в бой на Курскую дугу. С лета 1943 года пулемётчик Голоднов на фронте, в 234 гвардейском стрелковом полку 76-й гвардейской стрелковой дивизии 61-й армии Центрального фронта. Освобождал город Орёл, отличился в боях при форсировании Днепра. 28 сентября 1943 года штурмовая группа из 10 человек должна была переправиться через Днепр в районе села Мысы Черниговской области. Переправа проходила под сильным огнём противника, до занятого врагом берега добрались только трое: Голоднов, Русаков и Болодурин. В бою на захваченном ими плацдарме Алексей лично из своего пулемёта уничтожил около 25 гитлеровцев. Бойцы захватили у врага пушку и пулемёт, но и сами оказались в окружении. Ведя огонь из своего и трофейного оружия, пустив в ход гранаты, отбили несколько атак фашистов. Товарищи погибли.

Отвлекая на себя силы противника, десантники обеспечили переправу основных сил полка. За этот бой всех троих представили к званию Героя Советского Союза посмертно. Были разосланы похоронки. Голоднов оказался жив, его нашли в полуразрушенном окопе с гранатой в руке, без сознания, сильно контуженным. Поблизости лежала взорванная немецкая пушка, а вокруг до 50 фашистских трупов, тела двоих погибших товарищей. Неузнанным был опрavlен в госпиталь. После выздоровления вернулся на фронт. Снова был ранен. Попал в госпиталь в своём городе, в Заволжске. Только здесь мать узнала, что её сын жив. Воевал на Центральном и Первом Прибалтийском фронтах. Весной 1944 года Голоднов был направлен в военное училище. Участвовал в Параде Победы 24 июня 1945 года. Член КПСС с 1949 года. В 1946 году Алексей окончил Высшее инженерно-техническое училище, а затем, в 1957 году, 2-е морское военно-политическое училище. В 1972 году полковник Голоднов уволен в отставку. Жил в городе-герое Киеве.

Награжден орденами: Ленина, Отечественной войны I ст., Красной Звезды, Герой Советского Союза, звание присвоено Указом Президиума Верховного Совета СССР от 15 января 1944 года «за образцовое выполнение заданий командования и проявленные мужество и героизм в боях с немецко-фашистскими захватчиками» (№ 3566).

А.В. Голоднову установлен памятник в г. Заволжск Нижегородской области на Аллее Героев, памятник в городе-герое Киеве на городском кладбище «Берковцы», в Тольятти именем Голоднова названа одна из улиц города, на родине, в селе Хрящёвка открыта мемориальная доска. Скончался 30 мая 2006 г. в Киеве.

ГОЛОСОВ ДМИТРИЙ НИКОЛАЕВИЧ

Родился 8 ноября (26 октября по старому стилю) 1903 г. в с. Русская Борковка Ставропольского уезда Самарской губернии. Генерал-майор, командир 280-й стрелковой Конопотской дивизии 60-й армии Центрального фронта.

Половину своей жизни находился Дмитрий Николаевич Голосов на военной службе. Лучшие годы посвятил он служению Родине, пройдя большой путь от рядового бойца до командира корпуса, генерала. Дмитрий Николаевич - потомственный волжанин. Его родина — село Русская Борковка Ставропольского района Куйбышевской области. На волжских просторах он рос и мужал, закалял свою волю и характер. В 1925 г. деревенского паренька призвали в Красную Армию. С первых дней службы Голосов проявил добросовестность и старание. Его зачислили в полковую школу, после окончания которой он стал командиром отделения, а вскоре — помощником командира взвода. Служить пришлось на Волге. Когда настал срок демобилизации, молодой офицер решил остаться в армии и посвятить свою жизнь защите Родины. Он успешно окончил Ульяновское пехотное училище, был назначен командиром взвода. Вверенный ему взвод сразу же стал одним из лучших в части. Дмитрия Николаевича повысили в звании, ему доверили командование ротой, батальоном. Отечественная война застала его в должности командира стрелкового полка в районе местечка Скуляны (Молдавия), в 50 километрах севернее города Яссы, на пограничной с Румынией реке Прут. Около двух недель полк Голосова удерживал пограничную полосу от многочисленных атак вражеской пехоты. Затем солдатам пришлось вести тяжелые оборонительные бои на юге Украины и отступать к Донбассу. Почти тысячекилометровый путь прошли пехотинцы Голосова от пограничных столбов до центра Донбасса. Враг имел тогда большое превосходство в живой силе и технике. Нашим воинам приходилось отражать удары не только с фронта, но нередко с флангов, а порой с тыла — разрывать вражеское окружение. Командиру важно было спланировать командный состав части, поднимать боевой дух солдат, проявлять заботу о снаряжении и вооружении, продовольствии и медикаментах. И подполковник Голосов успешно решал все эти задачи. Его часть неоднократно выходила сама и выручала соседние подразделения из, казалось бы, самых безнадежных положений. Обороняясь, пехотинцы в удобный момент сами контратаковали и наносили врагу чувствительные удары. Так под Горловкой ими был наголову разбит батальон итальянского экспедиционного корпуса, вклинившегося в наши боевые порядки.

В конце 1941 г. Дмитрию Николаевичу было поручено сформировать дивизию. Это ответственное задание он выполнил быстро и оперативно. Следующей весной дивизия полковника Голосова была уже на Брянском фронте и занимала оборонительные позиции в районе железнодорожной станции Русский Брод на линии Орел-Ливны, надежно прикрывая дорогу на Елец. В конце 1942 г. дивизия принимала участие в прорыве оборонительных укреплений немцев в районе Ливны и в наступательных операциях около Курска. Особенно отличились пехотинцы в боях за железнодорожную станцию Косоржа, где фашисты были разгромлены, и нашим войскам достались большие трофеи.

Затем полки Голосова участвовали в освобождении Курска, а после образования в этом районе знаменитой Курской дуги, занимали боевые позиции на одном из важнейших участков Орловско-Курского направления в составе войск Центрального фронта. Голосов, как и другие командиры, хорошо понимал, что гитлеровское командование предпримет здесь большое наступление, поэтому по его указанию был создан глубоко

эшелонированный оборонительный рубеж. Командир дивизии добился, чтобы буквально каждый солдат знал, что ему надо делать в случае перехода немцев в контратаку. Благодаря хорошо организованной разведке, командованию дивизии было известно почти все о расположении основных сил противника и их численности, даже о его ближайших планах, поэтому переход немцев в наступление 5 июля 1943 г. не застал врасплох наши части. В ожесточенных боях с врагом, вооруженным новейшей техникой, наша армия перемолола его отборные соединения, а затем сама перешла в мощное наступление. Дивизия Голосова, получив пополнение, была переброшена в самый центр Курской дуги, в состав войск 60-й армии генерала И.Д. Черняховского, решавшей особые задачи.

Во взаимодействии с другими соединениями голосовцы 6 сентября освободили город Конотоп, за что дивизия получила почетное название Конотопской. Вскоре при их активном участии был освобожден город Бахмач. За отличные боевые действия при освобождении города Нежина Приказом Верховного Главнокомандующего соединение было представлено к награждению орденом Красного Знамени.

Взламывая оборонительные рубежи гитлеровцев, уничтожая их технику, части дивизии стремительно вышли к реке Десне в районе города Остера и с ходу её форсировали. Преследуя врага, полки достигли Днепра. Командир дивизии приказал немедленно приступить к подготовке переправы. В подразделении состоялись летучие комсомольские собрания с повесткой дня “О роли комсомольцев при форсировании Днепра”. Постановление было принято краткое: “Днепр форсируем, плацдарм захватим, жизнь комсомольца — только на той стороне”. По приказу генерала Голосова с помощью местного населения к берегу были доставлены бревна, доски, реи. В ночь несколько комсомольских групп на подручных средствах форсировали Днепр. 15 дней, точнее суток, продолжалась не утихающая ни днем, ни ночью ожесточенная борьба за расширение плацдарма на правом берегу реки. Она увенчалась яркой победой наших солдат под командованием генерала Голосова.

В боевом донесении командира 77-го стрелкового корпуса генерала Козлова говорилось: “Генерал-майор Голосов в боях за переправу через Днепр проявил большое умение, инициативу и находчивость, в результате чего части успешно первыми форсировали реку, заняв на ее западном берегу выгодные рубежи. Товарищ Голосов в самые ответственные моменты лично находился на решающих участках боя, воодушевляя личным примером храбрости и героизма бойцов и командиров на славные подвиги”.

За участие в этой исторической битве Дмитрию Николаевичу Голосову было присвоено звание Героя Советского Союза. После этого генерал-майор Голосов командовал штурмом города и крупного железнодорожного узла Коростень, за что дивизия была награждена орденом Суворова 2-й степени, боями за Житомир, освобождением города Шепетовки. Но вскоре Дмитрий Николаевич сильно заболел и до мая 1944 г. находился в госпитале, а затем был направлен на учебу в Военную Академию им. К.Е.Ворошилова.

Дмитрий Николаевич награжден двумя орденами Ленина, двумя орденами Красного Знамени, орденами Суворова 2-й степени, Богдана Хмельницкого 2-й степени, Красной Звезды. Умер Дмитрий Николаевич в 19 ноября 1960 г. и похоронен в Самаре. Именем Героя названы улицы, школа и музей в Тольятти и на его родине в с. Русская Борковка Ставропольского района.

ГРАЧЕВ АЛЕКСЕЙ ИВАНОВИЧ

Родился в 1912 г. в селе Ягодное Ставропольского уезда Самарской губернии в семье крестьянина. Член КПСС с 1944 г. В ВМФ с 1935 г. С 1937 г. пилот 70-го отдельного авиационного отряда Балтийского флота. Участник белофинской кампании 1939-1940 гг. С начала Великой Отечественной войны командир звена 44-й эскадрильи 15-го отдельного разведывательного авиационного полка, ВВС Балтийского флота. Звание

Героя Советского Союза присвоено капитану Грачеву 5 ноября 1944 г. Награжден орденами Ленина, 3 орденами Красного Знамени, Отечественной войны 1 степени, медалями.

Место гибели Алексея Грачева известно только свинцовым волнам Балтики. “Не вернулся с боевого задания. Причина не установлена. Предположительно погиб в районе Балтийского моря”, — так сказано в личном деле летчика Алексея Грачева. Родился он в горькую годину гибели отца на германском фронте в 1914 г. Вскоре умерла от тифа мать. Алеша воспитывался в самарском детском доме. Получил семиклассное образование. Начал работать. И тут как раз комсомольский спецнабор в Ейское военно-морское училище летчиков. Начал читать книги по авиации, но сам даже не мечтал сесть за штурвал самолета. Ни силой, ни ростом не вышел. Летчики казались пареньку людьми особенными, людьми с исключительными качествами, громадной волей и силой характера, абсолютно бесстрашными. Одним словом, они обладали такими свойствами, которых Алексей никак в себе не находил. И вот набор. Он сначала даже испугался, потом посмотрел, — поступают его товарищи по комсомолу, вроде ничем не знаменитые люди, и тоже написал заявление. Но в то, что и его зачислят, не верил до тех пор, пока не сообщили уже официально в училище.

Поверил, когда получил курсантскую книжку, форму с голубыми петлицами и голубую пилотку с синим кантиком. За учебу взялся яростно, грыз гранит авиационной науки с таким усердием, что командиры даже удивлялись: “Вы бы отдохнули от книги, курсант Грачев. Личное время на то и дается, чтобы немного развеяться”. Но Алексей иначе не мог. Окончил он училище с отличием. Получил направление на Балтику. Сначала служил в бомбардировочном полку. Потом — в разведывательном. Грачев был одним из первых советских летчиков, поднявших боевую машину в воздух по сигналу тревоги, когда началась белофинская военная кампания. И его радиодонесение его из воздушного пространства вражеского государства было тоже одним из первых рассмотренных в штабе Балтийского флота в первые же часы войны.

В лётный полк пришла новая техника. Как раз в разгар боевых действий. Не все летчики согласились переучиваться в такой обстановке. Предпочитали пока летать на старых, хорошо знакомых машинах, на которых можно было не бояться неожиданных “капризов”. Грачев попросил сам: “Дайте слетаю в разведку на новом”. Слетал. Без “капризов” не обошлось, но вернулся цел и невредим. “Хорошая машина. А что до мелких неполадок — с техником разберемся”. И он, забыв про сон и отдых, сутками копался в самолете, изучая и осваивая его по винтику, по детали. И ни разу не нарушил сроков вылета, выполняя боевое задание по разведке, бомбардировке и фотографированию боевых объектов противника. А как только приземлялся на своем аэродроме, опять углублялся в схему, в приборный щиток, начинал перебирать гибкими, быстрыми пальцами бесчисленные провода, тросы и детали сложных специальных устройств самолета. Алексей был упорным и настойчивым, хотел выжать из машины все, что она может дать, хотел, чтобы она была предельно послушна в его руках. Не жалел времени на отработку техники пилотирования. Вот почему, вернувшись с задания, молодой офицер, залив баки горючим, почти каждый раз просил у дежурного командира разрешения сделать несколько полетов в учебном секторе аэродрома, несколько взлетов и посадок. Даже программу упражнений особую для себя разработал. В свою программу подготовки к полетам он включил изучение тактики одиночного боя.

В первые месяцы войны 44-я эскадрилья 15-го отдельного разведывательного авиационного Краснознаменного полка защищала небо Ленинграда. Бои шли чрезвычайно тяжелые и упорные. Вражеская авиация имела большое численное преимущество в боевых машинах, но все попытки противника овладеть небом разбивались о мужество, героизм и стойкость балтийских летчиков. И хотя часто навстречу одному нашему самолету вылетало по нескольку фашистских машин, балтийцы сами бросались в бой. Алексей Грачев участвовал и в одиночных боях, и в составе эскадрильи. Офицер знал, что

у одиночного полета, особенно если он имеет разведывательные цели, есть свои преимущества. В одиночку больше шансов незаметно перескочить линию фронта, шире возможность для маневра, неожиданного нападения. Одному самолету легче уйти от преследования. Правда, рассчитывать приходится тоже только на самого себя, помощи ждать неоткуда. И если попадешь в переplet, будет туго. Но в том и заключалось боевое мастерство капитана Грачева, что он умел максимально использовать все преимущества одиночного полета и не давался в руки фашистам. Командование авиации Балтфлота учло особенности работы летчика и стало поручать ему особо важные задания, на которые он вылетал один. Алексей Грачев первым из балтийских летчиков освоил штурмовик “ПЕ-2”, первым установил рекорды дальности и продолжительности полетов этой замечательной машины, которую враги вскоре назвали “черной смертью”. При любых метеорологических условиях, в любое время суток “петляков” Грачева готов был к выполнению задания. Он совершал разведку и бомбежку кораблей и транспортов противника в Финском заливе и Ладожском озере, вел аэрофотосъемку морских и сухопутных коммуникаций фашистских аэродромов, береговых артиллерийских батарей и особых укрепрайонов. Перепроверять после Грачева данные разведки не приходилось. Все, о чем он докладывал, было точно рассчитано, продумано и обосновано. И не успевал капитан Грачев вывести свою “пешку” из района разведанного объекта, как командование уже посылало туда эскадрильи тяжелых бомбардировщиков или штурмовиков, которые в считанные минуты расправлялись с вражеским транспортом или запрятанной в прибрежных скалах артиллерийской батареей. Даже при встрече с несколькими вражескими истребителями капитан Грачев не уклонялся от схватки, а смело шел навстречу врагу и сам навязывал ему свой ритм и режим боя. То идя на ложный таран, то проскакивая между сблизившимися самолетами противника, то изображая беспорядочное падение вниз, он вводил фашистских асов в заблуждение и отправлял кого-нибудь из своих преследователей на морское дно. Если вражеские пули попадали в его машину, летчик не терялся. Постоянная выдержка, высокая техника управления и дьявольское жизнелюбие выручали его в самые опасные моменты. Грачев дважды сажал на воду Финского залива горящую машину и приводил ее к своим, спасая жизнь экипажу.

В характеристике, которую дал Грачеву командующий военно-воздушными силами Краснознаменного Балтийского флота генерал-лейтенант Самохин, есть строчки: “При 420 посадках за период Отечественной войны не имел ни одной поломки и аварии матчасти. Летает при любых условиях и в ночное время, случаев потери ориентировки и невыполнения боевых заданий не допускает”. При 420 посадках! Значит, было и 420 вылетов. А так как во время войны капитан Грачев считал воздушные учебные “прогулки” непозволительной роскошью, то почти все эти вылеты были боевыми. Из коротких радиодонесений с борта самолета и записей в журнале дежурного по полетам можно определить характер и направление вылетов.

“Обнаружил десантные суда противника в Ладожском озере, шедшие на остров Сухо. Бесперывно вел наблюдение и наводил нашу авиацию на противника до полного уничтожения десанта”.

“В Финском заливе на переходах обнаружил 5 тральщиков, 11 самоходных барж, 3 эсминца”.

“Навел нашу авиацию на военно-морскую базу, где сосредоточились до 65 крупных судов”.

“Определил границы противолодочных сетей противника в Финском заливе”.

“На аэродроме “Суурпола” засек 8 бомбардировщиков”.

Как бы ни скрывал враг свои суда, ни маскировал аэродромы, ни прятал батареи, летчик всюду находил их. Мастер дальней разведки заглядывал в самые потайные уголки гитлеровских военно-морских баз — в Виндове, Либове, Пернове, Ханко, Хельсинки. Документы оставили память о 35 воздушных стычках “петлякова” с фашистскими истребителями над вражеской территорией. Из всех 35 прославленный ас вышел

победителем! А если бы на фюзеляже его самолета звездочками и другими символами пометить число вражеских кораблей, железнодорожных эшелонов, штабов противника, уничтоженных по ориентирам Грачева, вряд ли хватило бы места на эти значки и символы. За свои подвиги Алексей был награжден 4 орденами Красного Знамени. Фронтовые товарищи запомнили не только его храбрость, мужество, энергию и великолепное знание летной техники, но и удивительную скромность и строгость к себе. Пока наши войска не разомкнули кольцо блокады, Алексея редко видели веселым. Он всегда был сосредоточен, собран, даже немного угрюм. И только когда погнали немцев от Ленинграда, и наши войска пересекли государственную границу, Алексей посветлел, стал разговорчивым и веселым: “Вот теперь другая жизнь пошла. Найдем время для стихов и песен”. И в самом деле, Алексей после полетов стал ходить и в офицерский клуб на танцы, и в кино, и на концерты фронтовых артистических бригад. Рассказывали, что в день, когда Грачев услышал сообщение о прорыве блокады, он впервые за всю войну согласился взять дополнительный паек, который полагался военным летчикам. А до этого все время отказывался от него в пользу ленинградских детишек.

В ноябре 1944 г. на одном из приморских аэродромов под Ленинградом царило необычайное оживление. К вернувшемуся с боевого задания пикировщику бежали десятки людей. И не успел Алексей выключить мотор, как его буквально вытащили из кабины и понесли на руках по присыпанному первым снежком аэродромному полю. Оказывается, рано утром радио принесло весть: “Указом Президиума Верховного Совета СССР командиру звена капитану Алексею Ивановичу Грачеву присвоено звание Героя Советского Союза”. И все, кто был свободен от полетов, ждали возвращения своего товарища, и вот теперь приветствовали и поздравляли его. Но не успел Алексей снять комбинезон, умыться и подойти к праздничному столу, который был по поводу такого события накрыт в столовой, как раздалась сирена воздушной тревоги. “Вас это не касается, Грачев, отдыхайте спокойно, вы же только с задания”, — попытался остановить Алексея начальник штаба. Но капитан уже бежал к своей боевой машине. Эскадра фашистских бомбардировщиков, шедшая на бомбежку советского аэродрома, получила такой сокрушительный отпор, что у немецких летчиков, которым удалось вернуться на свою базу, долго, наверное, дрожали руки. Большая же половина машин с черными крестами на фюзеляжах была уничтожена. Их расстреляли, сожгли, ввели в штопор у самой земли наши пикировщики вместе с истребителями прикрытия.

Вскоре после присвоения звания Героя Советского Союза, Грачев подал заявление в партию. Сделано это было в лучших традициях Великой Отечественной. Алексей вручил тетрадный, аккуратно сложенный вчетверо листочек секретарю партийного бюро полка перед вылетом на очень сложное и ответственное задание. “Если не вернусь, прошу считать коммунистом”. Секретарь партбюро улыбнулся: “А если вернешься, тогда как?” Грачев слегка смутился: “Давайте перепишу. Значит, неточно выразился. Все равно: вернусь не вернусь, прошу считать”. — “Ладно, оставь, как есть. В случае чего, устно объяснишь на партийном собрании. Главное — написал”. В непрерывных боях прошли месяцы кандидатского стажа Грачева. Зимой последнего года войны он стал членом партии.

Весна 1945-го. Идут ожесточенные бои за Кенигсберг. Всему миру ясно — Гитлеру и его своре приходит конец. Но фашисты еще на что-то надеются. Может быть, на “новое оружие”, которым размахивает Геббельс в своих истерических речах перед берлинской молодежью и отрядами “вервольфа”? Может, в надежде на это последнее мифическое “средство”, призванное спасти “тысячелетний” третий рейх, и бьются солдаты осажденных гитлеровских гарнизонов? По той же причине не поднимают белых флагов последние эсминцы и подводные лодки военно-морского флота Германии, нападающие на санитарные транспорты, траулеры и рыбацкие сейнеры?

И все чаще после жестокого боя Алексей Грачев пел в воздухе:
“В грохоте разрывов, в зареве пожарниц

Рухнули на Эльбе черные мосты.
Запоем же песню, боевой товарищ,
О героях наших — летчиках простых”.

И в том последнем бою, 8 мая 1945, он тоже пел. Задание, которое капитан Грачев выполнял вместе со штурманом Героем Советского Союза Григорием Давиденко, было нелегким. В одном из центральных квадратов Балтийского моря появилась группа вражеских кораблей. Надо было выяснить, сколько их, каких классов, куда и откуда идут. “А бомбить разрешите?” — заранее попросил Грачев. — “Там видно будет. Над целью доложите обстановку и поговорим”.

8 мая 1945 г. группа немецких лётчиков, ведомая гауптманом Эйзенахом, перелетала

в Фленсбург, где и сдалась англичанам. В группе был самолет, которым управлял Герхард Тхибен (1922-2006), летчик-истребитель, кавалер Рыцарского креста, который выиграл 157 воздушных боев. Во время этого перелёта над Балтийским морем оберлейтенант Герхард Тхибен в районе Лиенаи обнаружил и сбил самолёт-разведчик Пе-2, в экипаже которого было два Героя Советского Союза - пилот Алексей Грачев и штурман Григорий Давиденко. Это подтвердил ведомый Тхибена - фельдфебель Фридрих Хангебраук, и механик, летевший в его «фокке-вульф».

Ничто не предвещало беды, а беда случилась. “ПЕ-2” не вернулся на базу. Наши герои дрались до последнего, насмерть.

Память о них жива. Имя Алексея Грачева присвоено средней школе города Новокуйбышевска, траулеру МРХ, улице и школе в селе Ягодное Ставропольского района Самарской области.

ДОРОФЕЕВ ФЕДОР ИВАНОВИЧ

Дорофеев Федор Иванович родился в 1926 г. в поселке Рассвет Ставропольского района Самарской губернии. Отец воспитывал его в труде, любви и преданности Родине. Учился в сельской школе в с. Медаевка, затем в с. Нижнее Санчелеево, много читал. Федор работал прицепщиком на тракторе в колхозе, затем поступил в авиационное училище им. Леваневского. Встретившись там с Виктором Носовым, Федор и не подозревал, что скоро они составят один экипаж боевой машины. Обучались друзья на разных отделениях по ускоренной программе. По окончании училища Дорофееву присвоили звание сержанта, он получил специальность стрелка-радиста. “Будете летать на бомбардировщиках-топ-мачтовиках”, — говорили курсантам командиры и инструкторы. Такой бомбардировщик сбрасывает бомбы с высоты мачты корабля с расчетом, чтобы они ударили прямо в борт или с рикошетом в него у ватерлинии. Служил Дорофеев в 51-м минно-торпедном авиационном полку (МТАП), который был сформирован 26 октября 1943 г. В это время летчики полка осваивали новый вид бомбометания по морским целям с бреющего полета на высоте топ-мачт. Для продолжения формирования полка 2 февраля 1944 г. его перебазировали на аэродром Новая Ладога, а с июня 1944 г. полк дислоцировался на аэродроме Клопицы. В полку укомплектованном американскими самолетами “А-20-Ж Бостон”, было 30 экипажей. Особо крупные операции полк провел по уничтожению плотины на реке Свирь, немецкого крейсера “Ниобе”.

За успешные действия по освобождению Таллина 51-й МТАП удостоили наименования “Таллинский”.

В полку было 7 Героев Советского Союза. В 1945 г. полк наградили орденом боевого Красного Знамени.

Командир полка полковник Орленко, принимая прибывших, узнав о дружбе Носова, Игошина и Дорофеева, назначил их в один экипаж. Шесть боевых вылетов совершил экипаж в таком составе. Шестой вылет — в бессмертие. Звание Героя России Федору Дорофееву присвоено Указом № 187 от 23 февраля 1988 г. Президента РФ.

Поэт В. Белехов писал:
"Не успел вернуться к мирной жизни,
Путь закрыл зенитный ураган.
Как Гастелло совершил таран.
Экипаж навеки с нами будет.
Бронзой слава прозвенит в веках!
Берегите, берегите, люди,
Память о героях-земляках".

В Польше установлен памятник экипажу В.П. Носова. На мемориальной доске монумента надпись: "Советским летчикам Виктору Носову, Александру Игошину, Федору Дорофееву, которые 13 февраля 1945 г. пали богатырской смертью за нашу и вашу свободу".

Подвигу экипажа посвятил стихи летчик А.В. Пресняков:

"Разрывы темные снарядов
Кольцом сжимали нас порой
Пространство то казалось адом,
Где пролетали мы с тобой.
И нужно мужество, поверьте,
Когда до цели две версты.
А ты летишь навстречу смерти
С пятиметровой высоты.
Машину пламя пожирает,
За ней струится дымный вал,
Рука разбитая сжимает
В крови измазанный штурвал.
Еще мгновенье — взрыв торпеды-
И в прах фашистские кресты.
Так добивались мы победы
С пятиметровой высоты".

ЕРЯШЕВ БОРИС НИКАНДРОВИЧ

Еряшев Борис Никандрович родился 22 октября 1921 г. в городе Ставрополе Самарской губернии в семье крестьянина. Член КПСС с 1944 г. Образование неполное среднее. Учился в Куйбышевском речном техникуме. В армии с декабря 1940 г. В 1942 г. окончил Энгельсскую военную авиационную школу.

Борис рано остался без родителей, его вырастила тетя, Александра Степановна Дудкина. Работала она счетоводом, и на её маленькую зарплату они жили втроем (в семье росла еще девочка-сирота). В детстве Борис мечтал стать летчиком, был влюблен в небо. В 18 лет юноша поступил в аэроклуб на летное отделение. А год спустя он уже был курсантом летной школы имени Марины Расковой. Позднее, вспоминая курсантские годы, Борис Никандрович рассказывал: "Мне тогда все нравилось в летной школе: и всевозможные тренировки, и систематические занятия спортом, и парашютные прыжки, и полеты с инструктором, и даже обеды в курсантской столовой. А самую большую радость доставляли самостоятельные полеты".

Началась война, доучиваться пришлось по ускоренной программе. Вместо трех лет, авиационную школу Борис окончил за два года. И в марте 1943 прибыл в штурмовой авиационный полк.

Перед отправкой в расположение части появился незнакомый офицер. Он попросил замполита пригласить к нему на беседу самых способных, смекалистых ребят.

Ожидая беседы возле двери кабинета замполита, один из летчиков спросил Бориса Еряшева: “Ты окончательно решил в штурмовую? А знаешь, за что пехота окрестила штурмовиков кочегарами? За то, что они ближе всех к огню”. — “Ну, и что ж. Драться, так уж драться!” — ответил Борис. И тут же добавил: “Высотная бомбежка — это драка по математическим выкладкам. А я люблю делать все сам, своими руками, и чтобы сразу видеть результаты своего труда”.

И вскоре, в одном из первых вылетов, Еряшев на деле доказал свое умение драться. На задание отправились в паре с ведущим. С аэродрома, как всегда, машина плавно взмыла вверх. Набрав высоту, летчики благополучно миновали линию фронта и устремились вдоль шоссе. Когда колонна была достигнута, они снизились. Еряшев сбавил ход своего “ИЛ-2” и приотстал от ведущего, чтобы не помешать ему бить по колонне пушечно-пулеметным огнем. Но вот ведущий вышел из атаки и взмыл вверх. Тогда Еряшев нажал на гашетку и открыл огонь по колонне, а когда тень самолета оказалась над колонной, он серийно сбросил бомбы. Сделав еще два захода, летчики отправились в обратный путь. На шоссе осталось свыше десятка машин с пылающими, развороченными моторами и с разбитыми кузовами. Но враг не дремал. Из-за облачка вынырнули два “Ме-110”. “Илы” вступили с ними в бой. Прикрывая друг друга, летчики дрались с врагом отчаянно. Еряшев умело орудовал штурвалом, парировал удары, уклонялся от них и бил сам всей силой огня в упор, с короткой дистанции. Один из “мессершмиттов” пытался пристроиться в хвост ведущему, но Еряшев прострочил пулеметной очередью хвостовую часть его раньше, чем он ударил по ведущему. Самолет загорелся и факелом пошел вниз. Второй летчик пустился наутек. Вскоре после очередного успешного вылета сержанта Еряшева пригласил командир полка. “Поздравляю с награждением орденом Красной Звезды”, — сказал он и крепко пожал руку.

Однажды...это была обычная охота за фашистскими танками. Когда Еряшев вышел из атаки, то почувствовал, что заклинило руль поворота. На обратном пути к аэродрому он приотстал от своей группы. Два немецких истребителя напали на поврежденный штурмовик. Воздушный стрелок Митя Щebetун крикнул: “Немцы!” — и тут же открыл огонь.

Вступать в настоящий бой с ними было бессмысленно. Машина плохо слушалась. “Что-то надо сделать”, — думал Борис, как вдруг сзади раздался взрыв, машина вздрогнула, по спине ударило что-то горячее. В это время впереди показался глубокий овраг, разделенный сопкой. И решение пришло само собой. На бреющем полете Еряшев скользнул в овраг, затем, сделав “горку”, скрылся за сопкой. Немцы отстали. От сердца отлегло, но голова кружилась. К горлу подступала тошнота. Спину заливала горячая кровь. “Значит, зацепило”.

“Как у тебя, все в порядке?” — спросил Еряшев Митю. “Турель разбита. Давай садиться на первый попавшийся аэродром”, — вяло произнес Щebetун необычным для него приглушенным голосом. Раненный в грудь и в руку, он вскоре совсем смолк. Еряшев с трудом добрался до аэродрома. Отремонтирован самолет, залечены раны, и Еряшев снова в воздухе. Своим чередом идут похожие друг на друга фронтовые будни. Но один из этих далеких дней навсегда врезался в память Борису Никандровичу.

Бои шли в районе Севастополя.

...Сброшены последние два люка противотанковых бомб, израсходованы реактивные снаряды. Самолет ложится на обратный курс, идет над морем. Но в этот момент два “мессера” стали разворачиваться на второй заход, Еряшев, беспокоясь за своего малоопытного напарника, приказал ему: “Отвагин, уходи под меня и домой”, — а сам взял в прицел проскочившего вперед “мессера” и открыл по нему огонь. Фашист перевернулся на крыло и камнем пошел в морскую пучину.

Второй “мессер” тем временем успел прострочить пулеметным огнем плоскость “ила”. Самолет стал заваливаться на спину. Убрав газ, Еряшев до отказа рванул ручку. Машина с трудом выполнила его волю, но, как только он включил газ, стала валиться на

спину. Тогда летчик привязал ручку ремнем к сиденью и накренил самолет в противоположную сторону. “Мессер” отстал, решив, что с русским покончено. Но теперь и это мало утешало Еряшева. Машина еле тянула, а внизу с одной стороны море, с другой — скалистый берег. С огромным напряжением сил вел Еряшев поврежденный самолет. Но вот между скал он увидел зеленый пятячок. “Вероятно, поляна”, — подумал Еряшев и направил самолет туда. Машина прыгала по камням и с трудом замерла на месте. А между валунами уже успел сесть какой-то храбрец на своем исхлестанном “иле”. Еряшев вытащил раненого друга из кабины. Почти трое суток выбирались тогда из гор Еряшев и его стрелок, неся на себе радиостанции, парашюты. На вторые сутки Аркадий Джинян совсем ослаб. Передав свой груз стрелку, Еряшев взвалил раненого на спину.

Помнят однополчане и другой случай. Шел апрель 1944 г. Фашисты, выбитые из Крыма, поспешно эвакуировали остатки своих войск, техники морем в румынские порты. На поиски кораблей отправились две четверки “илов”, ведомые Борисом Еряшевым и Петром Ключевым. Заметив приближающиеся самолеты, корабль врага водоизмещением 10 тысяч тонн ошестинился зенитным огнем. Атаковать в лоб было рискованно. Во избежание больших потерь Еряшев решил зайти против солнца первым и нанести внезапный удар. Прямым попаданием в трубу он зажег корабль. А затем вся восьмерка штурмовиков добивала горящий корабль бомбами, реактивными снарядами и расстреливала пушечно-пулеметным огнем.

К этому времени Борис Никандрович уже совершил 130 успешных боевых вылетов на разведку и штурмовку вражеских укреплений. И 2 августа 1944 г. ему было присвоено звание Героя Советского Союза.

Фронтовые дороги Еряшева пролегали через Кубань, Северный Кавказ, Черноморское побережье, Севастополь, мыс Херсонес, Сапун-Гору, Сиваш, Перекоп, Прибалтику. Но особенно высокого мастерства в своем деле Борис Никандрович достиг в последний год войны при разгроме немцев, зажатых в тиски на Курляндском полуострове.

В одной из фронтовых газет в те дни сообщалось: “Восьмерка наших штурмовиков, ведомая Героем Советского Союза лейтенантом Борисом Еряшевым, на днях произвела успешный налет на железнодорожную станцию противника. На станции в момент налета находилось три эшелона противника”.

Позднее из показаний пленного солдата стало известно, что в одном из эшелонов было свыше 700 немецких солдат и офицеров. Эшелон этот был полностью уничтожен.

Возвращаясь на свой аэродром после успешной штурмовки, Борис мысленно говорил: “Сегодня, уважаемая Татьяна Федоровна, я возвращаюсь без приключений”. Татьяной Федоровной он в шутку называл маленькую, хрупкую девушку Таню Титову, дешифровщицу из соседнего полка той же дивизии, ставшую потом его женой.

Все боевые дела и подвиги, совершенные Борисом Никандровичем Еряшевым, невозможно описать в коротком очерке. Для этого потребовалась бы целая книга.

За время войны Борис Никандрович на штурмовике “ИЛ-2” совершил 172 боевых вылета.

Каждый вылет — это жестокий бой с врагом, это до предела натянутые нервы. И все-таки Борис Никандрович остался прежним романтиком, влюбленным в небо, хотя там, в небе, ежеминутно его подстерегала смертельная опасность.

Однажды ему пришлось отлучиться с фронта, приехать в тыл. Несколько дней бродил Борис по знакомым улицам города, ожидая оформления документов, а потом не выдержал, пошел торопить начальство.

Родственники просили тогда Бориса побыть немного дома, но Борис был неумолим: “Друзья с врагом дерутся, а я здесь драгоценное время теряю. Да и тесно мне на земле, скучно. Люди здесь ходят страшно медленно. То ли дело небо! Нет ничего на свете прекраснее неба и чувства вечного полета, вечного стремления вперед, когда сердце замирает от быстроты движения, а сам ты воедино сливаешься с послушной тебе машиной и становишься полновластным хозяином голубых просторов”.

В послевоенные годы Борис Никандрович окончил Краснознаменную военно-воздушную академию и продолжал службу в армии до 1962 года.

Герой Советского Союза полковник запаса Борис Никандрович Еряшев жил и умер в городе Фрязино Московской области. Награжден орденом Ленина, 3 орденами Красного Знамени, орденом Отечественной войны I степени, двумя орденами Красной Звезды, медалями. Именем Героя назван буксирный пароход на Каме. Во Фрязино на Аллее Героев ему установлен бюст.

ЖИЛИН ВАСИЛИЙ ИВАНОВИЧ

Родился 20 августа 1915 г. в селе Верхние Белозерки Ставропольского уезда Самарской губернии. Пяти лет он лишился отца, и был определен в детский дом. С 16 лет стал работать в колхозе имени М. Калинина. В 1933 г. по комсомольской путевке Василия Жилина послали на строительство каучукового комбината в Ярославль, откуда он четыре года спустя был призван в Красную Армию. Окончив полковую школу, он стал младшим командиром. Василий Иванович участвовал в присоединении Западной Украины и Белоруссии (1939), а затем - в белофинской кампании (1939-1940).

Начало Отечественной войны застало Василия Жилина в Омске, где он работал на шинном заводе. Жилин ушел в армию в феврале 1942 г. и вскоре в составе минометного батальона сражался в войсках Северо-Западного, Калининского и Прибалтийского фронтов. Участвовал в напряженных, жестоких боях в районе Великих Лук, Невеля. Дважды был ранен. По выздоровлении снова возвращался в свою гвардейскую часть. Член КПСС. Гвардии старина роты 199-го гвардейского полка 67-й гвардейской стрелковой дивизии 6-й гвардейской армии 1-го Прибалтийского фронта.

Был 1943 год. Гвардейскому стрелковому полку, в котором служил Жилин, предстояло форсировать Западную Двину и удержать плацдарм на противоположном берегу. В ночь на 25 июня 1944 г. близ одного населенного пункта Бешенковичского района Витебской области под артиллерийским огнем противника Жилин со своей ротой первым преодолел мощный водный рубеж. В донесении командир полка гвардии подполковник Дегтярев писал: "В этом бою товарищ Жилин, будучи трижды ранен, продолжал оставаться в строю. Пять раз поднимал он бойцов в атаку, идя сам впереди с криками "Ура! За Родину!" А когда кончились патроны, гранатами и прикладом уничтожил 30 гитлеровцев. В момент отражения одной из контратак, он поймал на лету брошенную немцем гранату и бросил её обратно. Разорвавшись, она уничтожила 5 гитлеровцев".

За этот подвиг Василию Ивановичу Жилину 24 марта 1945 г. было присвоено звание Героя Советского Союза. После окончания войны В.И. Жилин демобилизовался. Вернулся в Ставрополь, в 1946 г. работал начальником отдела физической культуры и спорта Ставропольского райисполкома, принимал активное участие в общественно-политической жизни города. Награжден орденами Ленина, Отечественной войны II степени, медалями. 24 июля 1947 г. он умер от туберкулеза. Похоронен в Тольятти. В с. Верхние Белозерки установлен бюст Героя, его именем названа улица и школа, в Тольятти на площади Свободы, на обелиске - барельеф Василия Жилина.

КАЗАЧКОВ АЛЕКСЕЙ ЛЕОНТЬЕВИЧ

Родился 20 февраля 1909 г. в с. Винновка Ставропольского уезда Самарской губернии. Работал механиком баркаса, кузнецом в пос. Горняк. Участвовал в белофинской кампании. На фронте с июня 1941 г. Командир орудия 496-го истребительно-противотанкового артиллерийского полка 6-й гвардейской армии, 1-го Прибалтийского

фронта, младший сержант. Член КПСС с 1945 г. Звание Героя Советского Союза присвоено 22 июля 1944 г.

Когда наступающей армии преграждает дорогу река, говорят тогда в штабе: “Плацдарм! Нужен плацдарм!” Плацдарм — это полоска земли на том берегу. Здесь сосредоточивается ударная мощь, отсюда разворачивается дальнейшее наступление. Солдаты переводят “плацдарм” на русское - “пяточок”. Вырвать “пяточок” из рук противника, зацепиться на том берегу, обеспечить переправу войскам. Над этим думают все: от солдата до генерала.

А враг, взорвав за собой мосты, лихорадочно строит доты, дзоты, роет ходы сообщения, минует, опутывает колючей проволокой каждый метр побережья. У противника другая задача: удержаться за естественной преградой, оправиться от ударов и, выбрав момент, перехватить инициативу.

В июле 1944 г. войска 1-го Прибалтийского фронта, сбросив в Западную Двину отступающих гитлеровцев, вышли на её правый берег. Форсировать реку решено было с ходу, на подручных средствах.

Ночью истребительный противотанковый артиллерийский полк готовился к переправе. Первым переплыть Двину вызвался сержант Алексей Леонтьевич Казачков со своим расчетом и орудием. “Я родом с Волги, — сказал он, — повадки реки знаю, да и плоты вязать не разучился”. Командир взвода лейтенант Рябов с доводами сержанта согласился. Дал “добро” и командир батареи. Плот вязали вдали от берега, так, чтобы не заметили немцы. Скрытно подвезли его к реке, осторожно спустили на воду. Вкатили и закрепили орудие. С берега по цепочке солдат перенесли на плот ящики со снарядами: один, второй, третий, четвертый.

Плот осел, между бревнами заблестела, заплескалась вода. “Хватит!” — тихо приказал Казачков. “Все по местам. Приготовить шесты и весла!” Ночь. Тишина. По молчаливым плесам катит свои воды в Балтийское море Западная Двина. Настороженно притихли берега. Шепотом переговариваются на плоту солдаты. “А вода, братцы, не холодная!” — “А ты думал: выпьешь и живот застудишь! — кто-то шуткой разрядил напряженное ожидание. — И всю не пей, а то на мель сядем”. Обрывая негромкий смех, вдоль берега передается команда: “Вперед! Весла на воду!”

“Грести тихо, без плеска. Поехали!” — отдает распоряжение Казачков. Подминая редкий камыш, тяжелый плот медленно отрывается от берега и выплывает на водную гладь. Справа, слева выходят плоты поменьше — пехота. Сопят гребцы, кто-то оступился, упал в воду, уцепившись за бревно, негромко отфыркнулся, помянул всех святых. “Хлопцы, тихо!” — предупреждает сержант. - Фрицы не спят, услышат до срока”. Поскрипывая ребрами бревен, плот движется не спеша. Сухо, редко ввинчиваются в небо дежурные светлячки, подрожав над водой, рассыпаются, гаснут. Вдруг одна за другой взлетели ракеты, выхватили из темноты реку, берега, шелестя, прошел над плотами первый снаряд. “Заметили, гады”, — сказал кто-то со злостью. “Вперед, вперед! — командует сержант, — Все на весла!” До берега больше половины пути. Ожил берег. Задрожали в ночи “язычки” пулеметов, желтой цепью задержались в темноте вспышки орудий. Вода в реке вспучилась, качнуло, подбросило, завертело плот. Ударили с нашего берега батареи прикрытия, на воде и в воздухе началась свистопляска.

“Табань! Правей! Еще право!” — командует сержант. Плот пятится, разворачивается, вырывается из дыбом вставшей стремнины и, обойдя бучу, летит к ошестинившемуся берегу.

Не обращая внимания на подбрасывавшие плот взрывы мин, сержант холодно и расчетливо отмечает вспышки на берегу: пулемет, еще пулемет, миномет. “Все в воду!” С плеском срывается в воду расчет, на руках быстро подтаскивают плот к берегу. Плышет, расступается под ногами жидкий песок. “Помогай, пехота!” — громко кричит сержант. — Навались!” Пехотинцы дружно подхватывают орудие. Пушка плюхается на берег. Сбивая краску, прошла по ней пулеметная очередь. Пулемет бьет с пригорка. Снаряд, еще

снаряд. На пригорке разрывы. С флангов застучал пулемет. Близко ударил один миномет, второй, третий. Залегла, зарываясь в землю, пехота. Бой завязался у самой воды. “Хлопцы, вперед!” Счет на секунды, расчет как отлаженный механизм — тускло блеснув перед казенником, мигает вспышкой уходящий снаряд. Замолчал первый вражеский пулемет. “Вперед!” И снова орудие выходит на прямую наводку. Второй пулемет взлетел в воздух, в разрыве взмахнул “самоварной” трубой миномет, за ним второй. Поднялась в рост пехота, нарастающее “Ура!” покатило с берега на окопы врага. Рассвет уже властвует над рекой, ночь медленно отступает на запад. Алексей смотрит вдаль, где, ныряя с бугра на бугор, мчатся к месту прорыва автомашины с немецкими автоматчиками. “Давайте, спешите,— закусив губу, шепчет сержант. Снарядов и на вас хватит!” Огнём расчищая пехоте путь, орудие сержанта Казачкова двинулось вперед.

“Куйбышевская область, Сосново-Солонецкий район, село Винновка, Антонине, Александру и Любочке Казачковым. Дорогие ребята! Вашему папе за проявленное им мужество и героизм в боях с врагами нашей Родины, немецко-фашистскими захватчиками, присвоено звание Героя Советского Союза. Мы горячо поздравляем и вас, ребята, с высшей наградой, которую получил ваш папа, и желаем вам счастья и здоровья. Дорогие дети! Гордитесь вашим папой, любите свою Родину, свой народ. Будьте достойными детьми вашего папы, Героя Советского Союза. Пишите чаще письма папе. Пишите нам. С горячим приветом, командир части Героя Советского Союза майор Макарычев, заместитель командира части гвардии подполковник Мещеряков. 25 июля 1944 г.”

Пожелтевший от времени, протершийся на складках солдатский треугольник и сейчас бережно хранится в семье Казачковых. Адресатам теперь не по пять-восемь лет: выросли, повзрослели, сами стали родителями. Большая семья у Казачковых. Когда он воевал, дома, в Винновке, случилась беда: умерла жена. Демобилизовавшись после войны, Алексей Леонтьевич нашел мать своим ребятам - Марию Филипповну, а её сыну Ивану и дочери Татьяне заменил отца, погибшего на фронте.

Алексей Леонтьевич работал в термическом цехе подшипникового завода машинистом холодильной установки. Казачков и здесь показывал пример. Когда было какое-то срочное задание, он по-фронтовому горячо, инициативно, предусмотрев все трудности, возможности, брался за дело и успешно справлялся с ним.

Умер Алексей Леонтьевич 22 января 1985 г., похоронен в Куйбышеве. Именем Героя названы улица в родном селе и школа в с. Осиновка.

КУДАШОВ ВЛАДИМИР ПЕТРОВИЧ

Родился в 1918 г. в с. Верхние Белозерки Ставропольского уезда Самарской губернии. Командир отделения 7-го отдельного моторизованного понтонно-мостового батальона 1-й понтонно-мостовой бригады 46-й армии 2-го Ударного Украинского фронта, сержант. Звание Героя Советского Союза присвоено 24 марта 1945 г.

В землянке тускло мерцала коптилка, сделанная из артиллерийской гильзы. Командир взвода лейтенант Парицкий в последний раз напутствовал стоящего перед ним по команде “смирно” высоченного, упирающегося головой в потолок, сержанта. “Помните, Кудашов, задание очень ответственное. Приказ командующего фронтом”. — “Ясно, товарищ лейтенант”. — “Ну, что ж. Давайте по русскому обычаю перед уходом посидим”. Присели. Слышалось лишь, как на руке офицера тикают часы. Первым поднялся Кудашов. “Пора!” — “Да, — согласился лейтенант,— пора”. Пригнувшись, Кудашов вышел из землянки. Здесь его ждали ефрейтор Суслов и рядовой Якушев. “Пошли!”. Вскоре все трое растворились в ночной мгле. Была поздняя осень. Деревья стояли голые. Ни один лист не зашуршал, ни одна ветка не хрустнула под ногами разведчиков. Впереди прорезалась темно-серебристая полоска — Дунай. Кудашов и его товарищи остановились возле самой воды, осмотрелись. Все правильно. Вышли точно в

намеченное место. Справа можно различить смутные очертания какого-то сооружения. Это ферма подорванного железнодорожного моста. Здесь удобнее всего переправиться через реку.

На противоположном берегу враг. Жестокий, беспощадный. Он знает, если советские войска прорвут и этот рубеж, отступить придется далеко, поэтому тщательно охраняет каждый клочок земли, каждый метр.

Кудашов, Суслов, Якушев остались незамеченными. Резиновая лодка бесшумно ткнулась широким носом в песок. Держа оружие наготове, разведчики залегли. Если фашисты почуют неладное, надо принимать бой. Но нет, все тихо. Значит, можно продвигаться дальше. Однако сначала надо что-то сделать с лодкой. Далеко не унесешь, а спрятать на берегу, — фашисты обнаружат. Кудашов оттолкнул лодку от берега. Сильное течение тотчас же подхватило её. Первым неслышно двинулся вперед сержант. За ним — рядовой Якушев. Замыкал маленькую группу ефрейтор Суслов — бывалый, опытный солдат, не один раз вместе с Кудашовым ходивший и в разведку, и за “языком”. Шли быстро. До рассвета надо было как можно глубже проникнуть в тыл врага. Остановились на опушке леса, когда из-за горизонта брызнули первые лучи солнца. “Отдохнем”, — сказал Кудашов и внимательно посмотрел на Якушева. За ночь лицо солдата заметно осунулось, по всему было видно — устал он страшно. Кудашов ободряюще улыбнулся, положил широкую ладонь на его плечо. “Трудно, брат? Ну, ничего, увидишь фашистов, сразу окрепнешь”. — “А они вон, — кивнул головой в сторону Суслов, — легки на помине”. Метрах в трехстах от того места, где отдыхали разведчики, проходил строй гитлеровских солдат с котелками в руках. “На завтрак отправились. Пусть. А мы пока посмотрим, что у них тут”. Прячась за стволами деревьев, разведчики стали подбираться поближе к противнику. И вот через ажурное сплетение веток увидели по всем правилам военной науки замаскированное орудие, потом второе, третье. В маленьком блокноте сержанта Кудашова появилась первая запись. Затем к ней присоединились другие. Они вобрали в себя все то, что интересовало наше командование: количество танков, минометов, численность живой силы противника... День прошел в напряжении. Разведчики поочередно наблюдали за противником. А едва стемнело, снова тронулись в путь. Ориентиром служило далекое зарево. Это пылает многострадальный Будапешт.

Внезапно Кудашов резко остановился, сделал шаг назад, лег на землю. Суслов и Якушев, еще не зная в чем дело, мгновенно последовали его примеру. “Смотрите направо. Видите отдельное дерево? А еще правее”. А правее дерева, если всмотреться, можно было увидеть небольшой домик. Вокруг него, позвякивая автоматом, ходил часовой. “Значит, — думал Кудашов, — скорее всего, штаб. Не будут же немцы хранить в доме боеприпасы”. И сержант принял решение: проникнуть в дом, предварительно сняв часового. “Пойду я, — говорит Суслов”. — Нет, товарищ сержант, разрешите мне”, — горячо просит рядовой Якушев. “Чтобы вы не обижались друг на друга, пойду я”, — и Кудашов бесшумно скрывается в темноте. Суслов и Якушев намертво стиснули рукоятки пистолетов, готовые в любой миг броситься на помощь командиру. Прошло три минуты, пять, десять. И вдруг рядом, будто свалившись с неба, появляется Кудашов. Тяжело дыша, он отрывисто бросает: “Штаб. За мной. Быстро”. В доме была одна дверь и три окна. Дверь оказалась запертой изнутри. “В окна!” — приказал Кудашов. Одним ударом плеча выбив раму, он бросился в комнату. За ним прыгнули Суслов и Якушев. Звон разбитых стекол разбудил гитлеровцев. Их было двое — майор и обер-лейтенант. Майор судорожно схватился за кобуру, но не только выстрелить, а и вынуть парабеллум не успел. В сейфе, в металлических сундуках оказалось много бумаг. “Заберем все”, — решил Кудашов. Вскоре они уже были в сосновом бору. Шли очень быстро. Гитлеровцы ежеминутно могли узнать о случившемся и броситься в погоню. Перед самым рассветом вышли на хорошо укатанную дорогу. “Товарищ сержант, — возбужденно проговорил Суслов, — давайте подкараулим. Вдруг?” — “Покараулим?” Кудашов задумался. Они собрали о противнике немало сведений и рисковать не совсем разумно. Но, с другой стороны, по

дороге ездят и штабные машины. Вдруг подвернется какой-нибудь генерал с документами. Стали ждать. Время тянулось мучительно медленно. Но вот вдали послышался гул моторов. “Суслов, сколько машин идет?”— “Три или четыре, товарищ сержант”. — “Три легковые. Гранаты!” А машины уже совсем рядом. Острый слух опытного разведчика не подвел Кудашова. Шли три легковых автомобиля. Когда головной поравнялся с сержантом, он пропустил его. Не тронул и второй, впереди находились Суслов и Якушев. Это их работа. Когда последняя машина подошла к Кудашову, он быстро вышел из-за дерева, взмахнул рукой. Почти в ту же секунду бросили гранаты и Суслов с Якушевым. Разрывая ночную тишину, оглушительно грохнули три взрыва. Кто-то дико вскрикнул, кто-то застонал. Разведчики бросились к автомобилям. Сняли с убитых пистолеты, вынули из планшетов бумаги и тут же исчезли в лесу. А на дороге долго еще горели искореженные взрывом машины.

Два удара по врагу в одну ночь. Конечно, разведчиков уже искали. Кудашов несколько не сомневался в этом и приказал продвигаться порознь. Убьют одного, у двоих останутся нужные нашему командованию сведения, убьют двоих — документы доставит третий.

Так шли, не видя друг друга, но и не теряя связи между собой. И еще один день застал их в лесу.

“Замаскироваться так, чтобы не нашли и днем с огнем”,— приказал сержант. Один залез в дупло отжившего свой век дерева, другой спрятался в кустарнике. Кудашов нашел небольшую яму, лег в нее, прикрыв себя сухими листьями. Хочется есть, пить, спать, но воды и хлеба нет, а спать нельзя. Надо быть начеку. Лежит Владимир Петрович, слушает удары собственного сердца и, чтобы скоротать время, думает о далекой Волге, о родном доме, о молодой жене. Чуть не сломила сержанта усталость. Уже начал засыпать, когда вдали послышались приглушенные отрывистые команды. Немцы прочесывали лес. Вот они все ближе. Шаги слышны совсем рядом. И вдруг оборвались. Немец остановился. Кудашов сжался. В одной руке пистолет, в другой — граната. Поравнявшись с Кудашовым, немец прошел мимо. Вскоре шаги затихли, а потом не стало слышно и голосов. Осторожно поднявшись, Кудашов выглянул из ямы. Солнце зашло, на небе высыпали первые звезды. Можно пробираться к Дунаю. Подошли к реке перед полночью. Знали, берег усиленно охраняется, поэтому соблюдали величайшую осторожность. Сначала нашли одно бревно, потом еще два. Сняли с себя одежду, привязали к головам захваченные в штабе и в подорванных машинах документы, опустили в Дунай бревна и поплыли. Стиснуло грудь, сдавило дыхание, так холодна была вода. Выбрались разведчики на свой берег в шестом часу утра, а заплыв начали в час ночи. Но лишь после того, как документы были сданы в штаб, уснули мертвым сном.

Вскоре после этого разведрейда группы Кудашова началась переправа наших войск через Дунай. При переправе один из понтонов был поврежден осколками мины, Владимир Кудашов сумел под огнем противника заделать пробоины и доставил десант на берег. Десант атаковал противника и захватил плацдарм. За одну ночь бойцы во главе с Кудашовым совершили пять рейсов, переправляя пехоту, оружие и боеприпасы.

После войны Герой Советского Союза Владимир Петрович Кудашов вернулся в родной колхоз, принял тракторную бригаду и бесценно руководил ею долгие годы. К его тринадцати боевым наградам прибавился орден Ленина и медали. 20 октября 1976 г. Владимир Петрович скончался. У школы в селе Верхние Белозерки установлен бюст Героя.

В Тольятти улица названа именем В.П. Кудашова.

ЛАПШОВ ПЕТР ВЛАДИМИРОВИЧ

Родился 22 января 1914 года в селе Мусорка Стравропольского уезда Самарской губернии в крестьянской семье. Окончил сельскую школу, работал в колхозе. В

действующей армии с декабря 1942 г. Ефрейтор, наводчик орудия 1326-го легкого артполка 71-й легкой артбригады 5-й Гвардейской артдивизии прорыва 52-й армии 2-го Украинского фронта.

Получив приказ командира батареи выкатить орудие на взгорок, в гущу черноклена, ефрейтор Лапшов подумал, что именно здесь его расчету придется отсекал нападающего противника, пока не прибедет связной с приказом отходить. Он подумал еще, что лучшей позиции и не найдешь: раскинувшаяся впереди луговина обозревается хорошо, а когда придется отступать, этим же кустарником можно прикрываться до самого леса, что в полукилометре встал темно-зеленой стеной. Орудие уже несколько раз меняло место, всякий раз оставляя горки стреляных желтых гильз. После ночи они отпотели и остро пахли гарью. Лапшов прикинул: еще один такой бой, и пушка окажется бесполезной: нечем будет стрелять. Обходя на рассвете позицию, ефрейтор то и дело наткался на трупы немцев. Насчитал около двух десятков. Хорошо стреляли вчера пушкари. С бугорка далеко просматривалась местность с редкими рошицами. Горизонта не было видно. Его закрыла завеса непроницаемого дыма, через который не могли пробиться даже лучи восходящего солнца. Неподалеку что-то горело, и ветер разносил по всей округе удушающую мглу, плотно закрывающую притаившееся в балке село Милоешти.

Лапшов догадывался, что в селе немцы накапливают силы, и что их вчерашняя атака была не случайной. Наверняка прошупывали. Глядя на спящих бойцов, на серые от усталости лица, он не мог освободиться от беспокойной мысли: сумеет ли уберечь их жизни и доведется ли ему самому дойти до Берлина, как наказывали земляки, провозая его на фронт.

Он был хорошим трактористом, работающим человеком, и односельчане, прощаясь с Петром, видели его уже хорошим солдатом и их надежным защитником. Грозную весть о войне встретил Лапшов на полевой загонке, готовый, как и его товарищи, надеть солдатскую шинель и взять в руки оружие. Но ему сказали, что фронту нужен хлеб, и что его передовая пролегает через колхозное поле, где ему отведен свой боевой участок. И Петр Владимирович Лапшов пахал, сеял, убирал, учил подростков хлеборобскому делу. Через год он убедил райвоенкома, что подготовил хорошую замену, и потому просит снять с него бронь и направить на передовую. Давно ли Петр Владимирович обмундировался, прибыв после краткосрочного обучения на батарею, а воюет, кажется, вечность. “Выходит, не спал, командир?” — “Не берет что-то сон”, — не отрывая глаз от деревни, ответил Лапшов, зная, что спрашивает его наводчик, низкорослый и складный балагур из Горького. “Любого бы потревожил. Другую ночь не досыпаешь” — “После войны доспим. Как твоя рана? Болит?” — “Пустяки. До свадьбы заживет”. — “Холостяк? А невеста-то есть?” — “Так точно. Не девушка - огонь. Как полагаешь, командир, — переменял тему разговора наводчик, — немцы пойдут?” — “А сам как считаешь? Что бы ты на их месте предпринял?” — “В лобовую бы не полез. В обход бы пошел”. — “Рассуждаешь верно, — согласился ефрейтор, — Только нас они в покое не оставят. Пушка в тылу, как заноза в пальце. Поднимай-ка ребят. Пусть как следует оглядятся”. Он хотел еще добавить, что ночью слышал гул моторов с флангов и за спиной, но тревожившую его догадку об окружении не высказал: зачем раньше времени волновать бойцов. Если вчера немцы потерпели неудачу, то сегодня они не посчитаются ни с чем. Наконец, когда пригрело солнце, и фрицы позавтракали, со стороны Милоешти послышался рокот моторов. Оттуда прямо на орудие двигались два танка и броневик, за которыми бежали две цепи автоматчиков. “Смотри, командир, — зло сверкнул глазами заряжающий, — сегодня они стали щедрее. Броневик с танками выделили”. - “Придется в кошки-мышки играть. — сказал Лапшов, — Приготовиться! Первым снарядом по коробке! Чем скорее остановим, тем лучше для нас!” Послышались автоматные очереди. В ответ заговорила пушка, но снаряды рвались вразброс: наводчик волновался. Но вот снаряды все плотнее стали обкладывать разрисованную крестами машину, и первый танк

вспыхнул. Немцы, прикрывавшиеся вторым танком, на какую-то долю минуты растерялись и залегли. “Ребята, меняй позицию, — скомандовал Лапшов, — пушку в новое укрытие”. На месте, где только что стояло орудие, вздрогнула земля, и один за другим начали рваться снаряды: открыл огонь второй танк. Куст, за которым минуту назад пряталась пушка, высоко подбросило горячей волной вверх. Падая вниз, он накрыл опаленной кроной снарядные ящики.

Теперь весь огонь орудие сосредоточило на другом танке, который, сделав наугад несколько выстрелов по старой позиции, теперь нащупывал хоботом ствола потерянную цель. Однако горьковчанин опередил башенного стрелка фашистов и ударил в ходовую часть “тигра”. Тупорылая стальная громада, словно наскочив на препятствие, остановилась, завертелась на месте, со скрежетом расстилая браслет гусеницы по траве. “Тигр” потерял подвижность, но он еще был опасен. Орудие снова перекочевало на новое место и открыло беглый огонь по неподвижной мишени. Как и первый, второй танк задымил, потом внутри “тигра” раздался взрыв, и башня танка, словно мячик, отлетела далеко в сторону. Броневики, тем временем набирая скорость, взяли влево, и заходили во фланг. Но далеко отклониться он не мог: рядом глубокий овраг. Лапшов видел, как броневики разворачиваются вдоль кручи, где в кустах его можно подкараулить. Увлечшись танками и броневиком, артиллеристы не заметили, как справа к позиции подкрались немцы, и ударили по артиллеристам из пулемета и миномета.

“Наводчик, — крикнул Лапшов горьковчанину, — возьми связку гранат и уничтожь броневики из оврага”. Теперь командир сам заряжал орудие, целился и стрелял по ложбине, где укрылись пулеметчик с минометчиком. Возвращаясь к пушке с осколочным снарядом, он услышал сначала шуршание, а затем взрыв мины. Тупой удар в плечо чуть не вышиб из рук снаряд, обдав жаром взмокшую спину. Чувствуя, что теряет силы, Лапшов машинально загнал в патронник потяжелевшую гильзу с осколочным наконечником и захлопнул замок. Очень долго ловил цель и, наконец, выстрелил. Как выяснилось позже, наводчик удачно метнул связку гранат под колеса броневика. От взрыва круча осела, и броневики ухнули в овраг. Вдогонку ему наводчик послал еще пару лимонок.

Лапшов, несмотря на ранение, продолжал командовать “гарнизонами”, отбивавшимися из последних сил. Позиция в перелеске давала артиллеристам большие преимущества. Бойцы скрытно перемещались в кустах, сбивая с толку немцев, которые никак не могли определить, какой же численности отряд им противостоит. Но вот пушка смолкла, и командир интуитивно уловил в этом молчании зловещий смысл. “Почему не стреляете?—остановил ефрейтор бежавшего мимо него заряжающего. — Ударьте вот за этот бугорок осколочным”. — “Снарядов нет, командир, — упавшим голосом ответил боец, — Ящики пустые. Ни осколочных, ни бронебойных”.— “Тогда прикройте огнем, не давайте гадам подняться!” Лапшов собрал лежавшие перед ним гранаты и пополз попластунски навстречу фашистам. Артиллеристы до боли в глазах вглядывались в густеющую мглу, ломая голову над тем, действительно ли фашисты обнаружили их командира, или они стреляют наугад. Затем тишину разорвали три взрыва. Значит, ефрейтор жив. Это его гранаты подают грозный голос. Пушкари взяли за автоматы, но немцы молчали. Вернувшись обратно и отдышавшись, Лапшов понял, что бой выигран, и что второй день победы за ними. Четверо солдат стойкого “гарнизона”, уставшие, но не сломленные, обступили своего командира. Что делать дальше? Надежды, что придет связной, не оставалось.

Много позже они узнают, что гонец с приказом был послан, но погиб, переходя передовую. Боевую задачу артиллеристы выполнили. Двое суток сковывали врага. Боеприпасы израсходованы, диски автоматов полупустые. Ефрейтор принимает решение пробираться к своим. Пятеро артиллеристов, измотанные неравным боем, под прикрытием ночи оставили позицию, увозя на руках орудие. Лапшов понимал, что идти надо подальше от наезженных дорог, там, где меньше всего могут быть немцы, или где их не будет

совсем — по оврагам, балкам, лесным чащам. Оставив товарищей отдыхать, распределив их на дежурство, Лапшов отправился в разведку. К полуночи небо потемнело, закапал дождь, наполняя округу монотонным перестуком. В темноте было трудно ориентироваться, но ефрейтор, напрягая слух и зрение, нашел глухую тропу. Немцы не любят шастать по заброшенным дорогам. Вернулся Лапшов перед рассветом. Отдохнувшие бойцы повеселели и бодро двинулись по предложенному командиром маршруту. Путь пролегал по топкому оврагу, сверху надежно прикрытому кустарником, внизу набухшему от родниковых ключей. Ноги вязли в холодной липкой глине, пушку приходилось тянуть волоком, каждый шаг давался с невероятным усилием. На исходе второй ночи ефрейтор опять ушел в разведку и вернулся на этот раз быстро. Он принес добрые известия: передовая осталась позади, наши где-то рядом. Но вот река, через которую надо переправить орудие, озадачила крепко. Что делать? Конечно, орудие можно спрятать здесь, в овраге. Можно разобрать на части и разбросать или, еще проще, сбросить с берега и утопить. Но это был не выход. Каждый боец думал об орудии, как о живом существе, друге, которого не бросают даже в трудную минуту. “Нет, братцы, — решительно возразил ефрейтор, — пушку бросать нельзя. Мы еще с ней повоюем”. Решили подыскать подходящие лесины из валежника, приладить их к орудию и двинуться вплавь к противоположному берегу.

Не очень широкая, но быстрая речка сносила плот вниз по течению, и вконец измученным артиллеристам нелегко было одной рукой поддерживать орудие, а другой — грести. Желанный берег с отлогой песчаной косой приближался, все страхи, казалось, миновали, как вслед им хлестнула длинная, светящаяся струя пуль. На плаву было стрелять несподручно, Лапшев хотел ответными очередями помешать преследователям расстреливать медленно плывущий по реке плот. И не сразу понял, что в автоматную стрельбу вмешались очереди пулемета. По немцам из камышовых зарослей открыли огонь наши. Уже потом, залечивая в госпитале раны, Лапшов узнал, что их считали погибшими. Положение артиллеристов было настолько сложным, что шанс остаться живыми был один из ста. Там же, в госпитале, ефрейтору сообщили радостную весть: весь его расчет награжден орденами, а ему присвоено звание Героя Советского Союза.

После войны жил и работал в Куйбышеве часовым мастером. Награжден орденами Ленина, Красной Звезды, Славы 3-й степени.

Умер 3 сентября 1952 г., похоронен в Куйбышеве. Его именем названа улица в родном селе Мусорка.

ЛОБОВ АЛЕКСЕЙ ПЕТРОВИЧ

Родился 8 марта 1915 г. в д. Большие Липяна Яранского района Кировской области. Член КПСС с 1943 г. Командир понтонного отделения 7-го отдельного моторизованного понтонно-мостового батальона 7-го гвардейской армии Степного фронта, старший сержант.

До призыва в Красную Армию в 1940 г. Лобов был деревоотделочником. Он плотничал и столярничал в различных районах страны: на Урале, в Чувашии, в Куйбышевской области. Его руками было возведено немало жилых домов.

Военная специальность Лобова — понтонер отдельного понтонно-мостового батальона.

Алексей Петрович быстро и в совершенстве овладел новой специальностью, считался одним из лучших в роте. Накануне Отечественной войны его назначили командиром отделения. В составе войск Юго-Западного, Донского, Степного, 2-го Украинского фронтов понтонер Лобов сражался с немецко-фашистскими захватчиками с первого до последнего дня войны. От западной границы до Волги, от Волги до Австрии — вот его боевой путь. Через Южный Буг, Днепр, Донец, Дон, множество небольших рек и речушек под носом у наседавшего врага, под артиллерийским обстрелом и бомбежкой с

воздуха он возводил переправы. Алексею Лобову наиболее запомнилась жаркая схватка на Днестре в сентябре 1943 г. у о. Глинск-Бородаевский Днепропетровской области.

Отступая, гитлеровцы сильно укрепили оборону на Днестре, тщательно заминировали подступы к нему. Передовые части 69-й армии, в которую входил батальон Лобова, выйдя к Днестру, наткнулись на минные поля. В штаб армии был вызван старший сержант понтонно-мостового разведывательного взвода Алексей Лобов. Он получил боевой приказ: разминировать участок, сделать проходы, форсировать водную преграду и захватить плацдарм. Расчет 30-тонного паромы, шестеро отважных солдат во главе с Лобовым, мастерски выполнили первую часть приказа: разминировали подходы к реке, под обстрелом врага преодолели водную преграду, перебросили на правый берег свой взвод и 80 пехотинцев. Завязался упорный бой с немцами. При поддержке артиллерии фашисты стремились сбросить наших солдат в Днестр. Под градом пуль и снарядов Лобов дважды переправил подкрепление. В ожесточенной борьбе наши солдаты вышли победителями — удержали плацдарм, с которого началось освобождение Правобережной Украины. За этот подвиг старший сержант А.П. Лобов был удостоен звания Героя Советского Союза. Много еще бурных водных преград пришлось преодолеть Алексею Лобову.

После демобилизации он возвратился в село Рождествено Куйбышевской области и до перехода на инвалидность в 1960 г. работал на спиртовом заводе, принимая активное участие в жизни села. Умер А.П. Лобов 23 декабря 1977 г., похоронен в Куйбышеве.

МАКАРОВ ПЕТР ГЕОРГИЕВИЧ

Родился в 1918 г. в селе Ташла Ставропольского уезда Самарской губернии. До войны работал на почте. Петр Георгиевич Макаров, полный кавалер ордена Славы, персональный пенсионер союзного значения, в годы Великой Отечественной войны считался в полку лучшим стрелком-радистом. Начиная свой боевой путь в бомбардировочной авиации, но во время Курской битвы был в 511-м отдельном разведывательном авиационном полку. Летал на “ПЕ-2”. Это была прекрасная отечественная машина — фронтовой пикирующий бомбардировщик. Он широко использовался и для разведывательных целей.

О том, что Петр Макаров действительно был мастером своей военной профессии, свидетельствуют многие архивные документы. Вот как оценивали его в разное время командиры авиационного полка: “Товарищ Макаров — отличный воздушный стрелок-радист, — отмечал командир полка подполковник Бабангов в октябре 1943 г. — Свое дело знает в совершенстве. Надежно охраняет экипаж от вражеских истребителей, чем позволяет экипажу самолета эффективнее вести разведку противника”. А вот свидетельство другого командира полка подполковника Халюка, датированное январем 1944 г.: “По связи в воздухе работает отлично, своевременно передает с борта самолета сведения о войсках противника. Внимательно следит за воздухом, умело отражает атаки истребителей противника”. Третий командир авиаполка подполковник Берман 20 апреля 1944 г. писал: “Товарищ Макаров... всегда четко держит радиосвязь и надежно охраняет в воздухе экипаж от истребителей противника... В воздухе предельно осмотрителен, своевременно предупреждает летчика об обстреле самолета зенитным огнем”.

Лаконичные строки, но в них большой смысл. Стрелок-радист в экипаже выполнял сложные обязанности. И важнейшая из них — это охрана экипажа от истребителей противника. За годы войны старший сержант Макаров совершил свыше 100 разведывательных вылетов в дальний и ближний тылы фашистов. Гитлеровское командование награждало своих летчиков, сбивших советский самолет-разведчик, высшими орденами, поэтому гитлеровцы постоянно охотились за такими самолетами. И сколько было случаев, когда от него, стрелка-радиста, требовались и мастерство, и мужество, и железная воля для победы над врагом.

5 августа 1943 г. Экипаж “ПЕ-2” в составе летчика Виталия Еремина, штурмана Владимира Старовойтова и воздушного стрелка-радиста Петра Макарова получил боевую задачу — произвести разведку в районе Харькова. Когда самолет-разведчик появился над заданной территорией, его атаковали 9 “мессеров”. Стрелок-радист вовремя заметил врага и метким пулеметным огнем сорвал первую атаку фашистов. Летчик тем временем укрыл “ПЕ-2” в облаках. Так гитлеровцы и потеряли наш самолет.

Через несколько дней в том же районе самолет Еремина был атакован фашистским истребителем “Хейнкель-111”. Макаров и на этот раз был начеку. На нужной дистанции он дал меткую очередь по истребителю и нанес ему поражение. Гитлеровец быстро скрылся.

1944 год. Шли бои на Правобережной Украине. 6 февраля в районе Новоукраинки “ПЕ-2” атаковали два вражеских истребителя. Один из них Макаров встретил пулеметным огнем, затем выбросил гранаты “АГ-2”. Их фашистские летчики особенно боялись. Действия стрелка-радиста заставили “мессеров” держаться на значительном расстоянии. А это и нужно было экипажу для выполнения боевой задачи.

Стрелок-радист обязан был внимательно следить и за зенитным огнем противника. Как только вражеские зенитчики открывали огонь, Макаров тут же информировал летчика. А тот противозенитным маневром уводил самолет из-под удара.

Во время того же вылета, 6 февраля в районе Новоархангельска, противник встретил “ПЕ-2” сильным зенитным огнем. Стрелок-радист вовремя предупредил летчика, и это спасло самолет.

Важнейшая обязанность стрелка-радиста четко и своевременно передавать по радиации на КП полка и радиосредства наземных войск данные о противнике. И тут старший сержант Макаров был большим мастером. Еще перед войной в школе младших авиаспециалистов Петр в совершенстве овладел радиоделом. В этом ему не было равных среди курсантов.

Однажды осколком вражеского снаряда во время разведывательного полета была повреждена радиостанция на “ПЕ-2”. Прекратилась передача радиogramм на КП. Макаров в воздухе немедленно устранил повреждение, и на командный пункт снова пошли радиogramмы. Передать их было не просто, ведь со стрелка-радиста ни на секунду не снималась обязанность защиты экипажа от возможных нападений противника. А содержали радиogramмы ценнейшие сведения для командования. Вот, например, одна из них: “По дороге от Павлыш на Огульцы передвижение мотомехвойск до 180 автомашин. Из Коломак на Чутово движется колонна из 80 машин. Из Староверна на Ново-Водолага едет колонна до 140 автомашин. На железнодорожной станции Лозовая 6 эшелонов. На аэродроме Близнецы — до 50 самолетов. На аэродроме Ланная — до 60 самолетов”.

Старший сержант Макаров вел разведку, помогая штурману обнаружить противника. Вот что сказано в одном архивном документе: “Товарищ Макаров сам ведет разведку. 3 июня 1944 г. обнаружил автоколонну до 50 единиц в движении по дороге Бырлад на Хуши. 11 июня на станции Красна обнаружил три состава и один эшелон с платформами, крытыми брезентом, а на станции Бырлад — 7 составов. На аэродроме Хуши — 87 самолетов. На аэродроме в Бакэу — 60 самолетов, что штурман подтвердил фотоснимками”.

Ратный труд воздушного стрелка-радиста Петра Макарова высоко оценен Родиной. Его боевые награды отражают этапы фронтового пути: Орден Красной Звезды — за 20 боевых вылетов в период боев от Курской дуги до Днепра, медаль “За отвагу” — за 18 новых боевых вылетов на разведку сил противника, орден Славы III степени — за 22 боевых вылета, совершенных во время боев за освобождение Правобережной Украины. В полосе действий 2-го Украинского фронта воздушные разведчики обнаружили скопления эшелонов противника на железнодорожных станциях. И тогда же экипаж “ПЕ-2” запеленговал около 200 самолетов в районе Подгорного. Наши бомбардировщики тут же совершили налет на аэродром и нанесли врагу большие потери.

В августе 1944 г. ратные подвиги стрелка-радиста были отмечены орденом Славы II степени. 22 боевых вылета на дальнюю и ближнюю разведки. “За надежную охрану экипажа в воздухе и отличную передачу разведанных с борта самолета на КП полка и радиостанции наземных войск”, — сказано в наградном листе, подписанном командиром полка подполковником Берманом.

Во время подготовки и проведения Яско-Кишиневской наступательной операции воздушная разведка обнаружила новые аэродромы противника, систему обороны в районе предстоящих наступательных действий, пункты отступления вражеских резервов. В этот период Макарову, выполнявшему полетное задание по разведке, пришлось дважды вести воздушный бой с истребителями противника. За боевые успехи в Яско-Кишиневской операции 511-му отдельному разведывательному авиационному полку, в котором служил Петр Георгиевич, было присвоено почетное наименование Яскокого.

В конце 1944 г. старший сержант П.Г. Макаров был представлен к Золотому ордену Славы I степени. В ходатайстве о награждении командир писал: “Все задания на дальнюю и ближнюю разведку войск противника выполнял хорошо и отлично”.

За годы войны Петр Макаров сделал более 100 боевых вылетов, из них десятки над территориями Венгрии, Югославии, Австрии, приобрел огромный опыт воздушного бойца-разведчика, прославился как бесстрашный воздушный воин. Командир части, вылетая на разведку, много раз брал Макарова в свой экипаж. Это было честью для бойца.

За время всех своих вылетов Макаров ни разу не был ранен, потому что не позволял истребителям противника приближаться к своему самолету на прицельный выстрел. Высокое боевое мастерство и высокая ответственность за выполнение боевых заданий уберегли Макарова от вражеских пуль.

В 1946 г. полный кавалер ордена Славы Петр Георгиевич Макаров демобилизовался из армии. В 1955 г. бывший фронтовик Макаров уехал осваивать целинные земли Казахстана. В Куйбышевской области работал на нефтепромыслах, работал на деревообрабатывающем комбинате в Жигулёвске. Много лет прожил в селе Хмелевка Саратовской области, где был наставником молодежи.

В 1978 г. ушел на пенсию.

На трудовом фронте Петр Георгиевич много раз отмечался почетными грамотами, дипломами, знаками за успехи в социалистическом соревновании. Скончался Петр Макаров в 1996 г., похоронен в г. Жигулевск, там в 2000 г. ему открыта мемориальная доска на улице Приволжской.

НИКОНОВ ЕВГЕНИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ

Родился в с. Васильевка Ставропольского района Куйбышевской области 18 декабря 1920 г. в семье Александра Федоровича и Ксении Фроловны Никановых.

В ВМФ с 1939 г. Звание Героя Советского Союза присвоено 3 сентября 1957 г. Награжден орденами Ленина, Отечественной войны I степени.

Родителей Евгений не помнил. Они умерли, когда ему было полтора года. Вместе с братом и сестрой воспитывался у тетки. Потом семья переехала в Горький. Там Евгений окончил ФЗУ, работал токарем на Горьковском автомобильном заводе, вступил в комсомол. Однажды он узнал о том, что объявлен комсомольский набор во флот. Евгений сразу же принёс в райвоенкомат заявление: “Имея желание служить в Военно-морском флоте и защищать свободу, завоеванную в революции и гражданской войне нашими отцами и старшими братьями, я прошу направить меня в ряды Военно-морского флота СССР”. Просьба его была удовлетворена. Их, парней с Волги, только что одевших краснофлотские бескозырки, в учебном отряде было человек двенадцать. Они осваивали азы флотской службы, делились радостями и неудачами. Евгений с упорством изучал военное дело. Как-то завязался спор о чести солдата, о верности воинскому долгу.

Руководителю группы захотелось узнать мнение матросов о том, как бы каждый из них поступил, окажись он в самой трудной боевой обстановке.

Никонов поднял руку: “Мне кажется, что никто из нас никогда не дрогнет перед врагом, — сказал он твердо. — Что касается меня, то не пожалею своей жизни и крови для Родины”.

Он говорил от чистого сердца. После учебного отряда Никонова направили торпедным электриком на лидер эскадренных миноносцев “Минск”. В учебных походах зрело мастерство. Вручая минно-торпедной боевой части переходящее Красное знамя, командир корабля в числе лучших матросов назвал Евгения Никонова.

В августе 1941 г. превосходящие силы противника, не считаясь с потерями, рвались к Таллину. На подступах к городу завязались кровопролитные бои.

На корабле стало известно, что для защиты Таллина с суши формируется сводный отряд моряков. Евгений Никонов первым пришел к командиру корабля с просьбой послать его на берег. Командир ответил: “Разрешаю”. На другой день Никонов уже был в сводном отряде моряков. У небольшого поселка Кейла на подступах к Таллину балтийцы вступили в бой с противником. Мужественно дрались моряки. Увлечшись боем, никто не заметил, как в тыл отряда просочилась группа немецких автоматчиков. Перевязывая руку раненого бойца, Никонов увидел в придорожных кустах грязно - зеленые мундиры. Это подкрадывался враг. Никонов сообщил о грозившей опасности командиру и по его приказу с несколькими матросами бросился на автоматчиков. Враг был разгромлен. Однако силы были неравными. По приказу командира отряд оставил поселок и отошел к хутору Харку. Немцы непрерывно атаковали. Ценой огромных потерь им удалось захватить хутор и перерезать шоссе на Таллин. Но дальше продвинуться немецкая пехота не могла. В густом бору, окружавшем хутор, прочно удерживал рубеж обороны сводный отряд моряков. Немцы снова начали атаку. Навстречу врагу лавиной поднялись балтийцы. В первой цепи контратакующих шел Евгений Никонов. Когда вражеская атака была отбита, командир отряда, обходя позицию, увидел сидевшего у камня матроса. Он был бледен, тяжело дышал. “Никонов, что с вами?”— “Немного ранило, но это ничего, я могу сражаться”. — “Нужно в госпиталь”. — “Прошу не отправлять. У меня еще есть силы”, — тихо, но твердо проговорил Никонов. Командир не смог отказать матросу. Вечером на хуторе, занятом противником, было заметно большое оживление. В наступившей темноте ясно слышался гул танковых моторов, доносились приглушенные слова команды. Командир решил разведать силы и замысел врага. В состав разведгруппы было выделено три матроса с Никоновым во главе. Выслушав указания и, уточнив сигналы, разведчики вышли из леса и поползли по канаве в направлении хутора.

Разработанную абвером операцию «Плутон» по захвату ценностей и золота Госбанка в Таллине должен был осуществить эстонский батальон «Эрна-1», в состав которого и входила группа оберштурмфюрера Хирвелаана. Хирвелаан осторожно повел эсэсовцев вдоль берега реки Кунда. Оберш-турмфюреру было известно, что станция Тапа уже в руках Солдат вермахта. Там он переоденет один взвод в красноармейское обмундирование. Потом группу доставят на машинах в Куртна, откуда она сразу же двинется по реке Кейла. Чтобы не сбиться с маршрута, и выйдет к самому городку, занятому советскими войсками. Здесь Хирвелаан разделит подчиненных на более мелкие группы, и они разойдутся каждая своей дорогой. Наступавшие немцы всячески усиливали нажим, пытаясь овладеть Палдисским шоссе и двумя опорными пунктами, которые мешали им успешно продвигаться к окраине Таллина. Не считаясь с потерями, генерал фон Гребер бросал в бой танки, артиллерию, мотоциклистов и пехоту, ему помогали диверсионные группы из отряда "Эрна-1", прибывшие в самый разгар боевых действий". Батальон майора Хирвелаане насчитывал 300 бойцов, подразделение капитана Тальпаку до 300 солдат. Оба батальона влились в созданный немцами батальон «Эрна». В состав

этого отряда влилось до 20 тысяч заключенных. Батальон Эрнэ уничтожил до 3 тысяч бойцов местных отрядов самообороны и ополчения.

18.08.1941 к хутору Харку скрытно подходили три разведчика: Антохин, Ермаченков и Никонов. Они приблизились к амбару и чуть не столкнулись с двумя красноармейцами. Кто они? Свои – разведчики из соседней части или переодетые гитлеровцы? И тут случилось непредвиденное. То ли оступися моряк, то ли задел за что-то. И тотчас оклик часового.- Хальт! В завязавшейся перестрелке Антохин и Ермаченко были убиты, а Никонова подмяли под себя двое, а третий пырнул в левое плечо моряка штыком. Обессиленного Никонова привели в дом, где находился Харвелаанен. Хирвелаан считал большой удачей случайное пленение советского моряка: от него можно было узнать, какие части находятся в обороне на этом участке фронта, их количество и место расположения. Но моряк не отвечал на вопросы. Тогда его стали бить, наносить ножевые раны, прижигать кожу окурком сигареты. Матрос терял сознание, а очнувшись продолжал молчать, несмотря на пытки. Взбешенный от бессилия сломить волю беззащитного моряка, эсэсовец приказал привязать его к дереву и заживо сжечь. Когда облитый бензином хворост вспыхнул под ногами Никонова и нестерпимые муки охватили его молодое истерзанное тело, он собрал оставшиеся последние силы и крикнул в рассветную тишину: " Товарищи, отомстите!.."

В отряде никто из бойцов, несмотря на усталость, не спал. Моряки готовились к удару по врагу, ждали донесения разведки. В расположении противника наступила тишина, заглох шум моторов, и прекратилось движение. Лишь изредка в небо взлетали ракеты. Переходя от одной группы моряков к другой, политрук поглядывал на часы: "Прошло три часа. Пора бы вернуться разведчикам". Наблюдатели напряженно всматривались в лежавший впереди хутор. Неожиданно на немецкой позиции раздались винтовочные выстрелы, разрывы гранат, затрещали автоматы, и вскоре снова стало тихо. Политрук и лежавшие с ним наблюдатели вскочили и изготавились к бою. Все подумали, что с боем отходят наши разведчики. Медленно и томительно тянулось время, близился рассвет. На хуторе, затянутом пеленой тумана, было тихо. Вдруг раздался приглушенный крик. Никто не успел разобрать слов, но крик повторился еще. Бойцы услышали: "Товарищи, отомстите!" Эти слова как призыв всколыхнули моряков. Все схватились за оружие. По цепи пронесся приказ командира: "Приготовиться к атаке! За Родину!". Стремительным штыковым ударом моряки смяли фашистов и заняли хутор. Мужественные, не знающие страха бойцы содрогнулись при виде картины, открывшейся им на окраине хутора. К стволу дерева, под которым догорал костер, обрывками телефонного кабеля был привязан человек в обгоревшей и окровавленной тельняшке. Его обуглившееся местами тело было изрезано ножами. В траве у костра лежала бескозырка с золотым тиснением на ленте. "Никонов", — вырвалось у бойцов. Обнажив головы, моряки смотрели на безжизненное тело своего боевого товарища. И страшен был их молчаливый гнев. Моряки бережно сняли тело героя. Над его могилой они поклялись беспощадно истреблять фашистскую нечисть. Захваченные на хуторе пленные рассказали подробности подвига и гибели Евгения Никонова. Никонову шел 21-й год, когда оборвалась его жизнь. Память о нем живет и будет жить в сердцах людей. Евгению Александровичу Никонову посмертно присвоено звание Героя Советского Союза. После его героической гибели командующий Краснознаменным Балтийским флотом издал приказ, увековечивающий память мужественного моряка. В приказе говорится: "Для увековечения памяти героя-балтийца:

- первому торпедному аппарату ЛД присвоить имя Евгения Никонова;
- на первом торпедном аппарате установить мемориальную доску с описанием подвига товарища Никонова;
- внести навечно в списки экипажа корабля торпедного электрика Е.А. Никонова"

Имя Никонова стоит в славном ряду бессмертных героев Великой Отечественной войны. Его именем в г.Тольятти названа улица. На площади Свободы установлен обелиск. Седые воды Балтики и спокойной Волги бороздят суда, носящие имя Никонова. Школа в с. Васильевка носит имя своего земляка.

2 марта 1992 г. прах Никонова Евгения Александровича был перезахоронен на его родине в Васильевке.

НОСОВ ВИКТОР ПЕТРОВИЧ

Родился 26 марта 1923 г. в городе Сенгилее Ульяновской области в семье прокурора. Учился в Сенгилеевской и Новодевиченской школах, рос серьезным и сосредоточенным, увлекался авиацией. Его героем стал легендарный летчик Валерий Чкалов. В 1939 г. Носовы переехали в Ставрополь-на-Волге. Перед войной Виктор окончил 8 классов первой средней школы и поступил в фабрично-заводское училище, работал монтером на радиоузле. Виктору шел девятнадцатый год, когда началась война. Он стал курсантом школы ГВФ в Сталинабаде, которую окончил в сентябре 1942 г. Его зачислили в военно-морское училище, где он получил специальность летчика. В октябре 1944 г. младшего лейтенанта Носова зачислили в 51 минно-торпедный полк минно-торпедной дивизии ВВС Балтийского флота. С 18 октября экипаж под командованием Носова принимал участие в боевых действиях полка. 22 декабря в составе боевой группы самолет Носова потопил в порту Либава транспорт противника водоизмещением 7 тысяч тонн. В письме другу, курсанту училища им. Леваневского Александру Репкину, он писал: “Недавно мы сделали удачный налет на одно гнездо фрицев. Крепко ударили по гадам, душа радуется”.

20 января 1945 г. приказом командующего Балтийским флотом младший лейтенант Носов удостоен ордена Красного Знамени.

10 февраля 1945 г. ему присвоили очередное воинское звание лейтенанта.

В феврале 1945 г. наши войска, взломав сильно укрепленные позиции противника, на западном берегу реки Дайме, овладели городом Топпау — важнейшим узлом вражеского сопротивления на подступах к Кёнигсбергу. Восточная группировка противника, отрезанная от Германии, старалась любой ценой удержать свои позиции. В окруженный Кенигсберг немецкое командование бросало подкрепления.

13 февраля 1945 г. экипаж в составе Виктора Носова, Александра Игошина (штурман), Федора Дорофеева (стрелок-радист) совершил таран вражеского самолета и погиб.

...Воздушная разведка обнаружила три крупных транспорта противника. На их уничтожение вылетело несколько экипажей. В районе мыса Гиксгефт самолеты настигли противника. Завязался бой. Вдруг самолет Носова тряхнуло. С большим трудом летчику удалось выправить самолет, но не было никакой надежды дотянуть до ближайшего аэродрома. И экипаж решил: “Идем на таран”. В эфир ушли последние слова: “За нашу любимую Родину!” Виктор Носов направил свой горящий самолет на концевой транспорт противника. Несколько мгновений, и бомбардировщик на полной скорости врезался в центр корабля. Раздался взрыв огромной силы. Через несколько минут вражеский транспорт затонул. Это был первый в истории войны таран тяжелого бомбардировщика в Балтийском море. Оперативная сводка Информбюро 15 февраля 1945 г. сообщала: “Экипаж в составе Носова, Игошина, Дорофеева погиб смертью храбрых. Другие наши самолеты, продолжая атаки, потопили второй транспорт водоизмещением 10 тысяч тонн”. Звание Героя России присвоено Виктору Носову Указом Президента РФ от 23 февраля 1998 г. № 187

В балладе, посвященной этому подвигу, Игорь Неверов писал:

“Надолго запомнил балтийский простор,
Как врезался в транспорт стальной метеор.

И море все скрыло за десять минут,
Но взрыв прозвучал, как победный салют”
В листовке “Огненный таран” политуправления Балтфлота говорилось:
“Мы с громом фашистскую печь развели,
Пред нами берлинские стены падут,
Нас доблестный Носов, стрелок Дорофеев
И штурман Игошин на подвиг зовут”.

Именем Виктора Носова названа улица (бывшая Речная) в п. Шлюзовой, 6 мая 1996 г. на ул. Горького в Тольятти у здания средней школы № 4 открыт памятник работы скульптора А.И. Фролова, на ул. Мира перед зданием первой средней школы установлен мемориал: стела с самолетом и барельефами летчиков-балтийцев и памятная доска с именами выпускников школы, погибших в годы Великой Отечественной войны на фронтах (авторы В.Д. Петров, И.И. Бурмистенко, В. Коршунов, Ю. Ащеулов, В. Калеватов).

На обелиске на площади Свободы — барельеф В.П. Носова.

В г. Калининград в 1958 г. имя Носова было присвоено улице, в Сенгилее, на родине Героя, в 1965 г. установлен памятник.

РЕМНЕВ ВИКТОР МИХАЙЛОВИЧ

Виктор Михайлович Ремнев (1913-1945), уроженец с. Ташолка Ставропольского уезда Самарской губернии. Полный кавалер ордена Славы. Войну начал в августе 1941 г. в Калининской области, был трижды ранен. Сержант, командир отделения 469-й стрелковый полка 150-ю стрелковой ордена Кутузова Идрицко-Берлинской дивизии 790-го стрелкового корпуса в составе: 21-й армии Северо-Западного фронта (1943); 6 гвардейской армии 2-го Прибалтийского фронта (1943); 3-й ударной армии 2-го Прибалтийского фронта (1944). Дивизия участвовала в боях на Старо-Русском, Невельском и Идрицком направлениях. 28 апреля 1944 года Ремнев был удостоен медали «За отвагу», 25 мая 1944 г. – ордена Славы III степени. В наступательных боях с 10 по 28 августа 1944 года заменил раненого командира взвода. При освобождении г. Пуща при отражении контратак Ремнев уничтожил 8 вражеских солдат. Его взвод захватил пленного, давшего важные сведения. Командование представило его к награждению орденом Славы II степени. В декабре 1944-марте 1945 гг. воевал на Варшавском направлении, в Померании, на берегах Штеттинского залива в районе г. Воллин, на берлинском направлении. 13 по 17 марта 1945 г. Подразделение Ремнева совершило марш-бросок из района Требеннов в Мантель, обеспечивая продвижение штаба дивизии. Орденом Славы I степени награжден 24 марта 1945 г. за участие в боях за Берлин. 23 апреля 1945 года взвод Ремнева занял авиазавод. 24 апреля бойцы достигли канала Берлин-Штандауэр и форсировали канал под огнем противника и обеспечили плацдарм на противоположном берегу для подхода войск. К исходу дня противник был выбит из района озера Плаце, отошел на юго-западный берег канала и засел в домах и подвалах. 24 апреля 1945 г. В. М. Ремнев не вернулся из боя.

ФАДЕЕВ СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ

Фадеев Сергей Михайлович родился в 1919 г. в городе Ставрополе Куйбышевской области. Окончил 5 классов. Жил и работал в городе Актаныш Актанышского района в Татарии. В армии с 1939 г. На фронте с 1943 г. Наводчик орудия 729-го отдельного истребительно-противотанкового дивизиона 16-го танкового корпуса 2-й танковой армии Центрального фронта рядовой Фадеев отличился в бою под селом

Ольховатка Поныровского района Курской области. Звание Героя присвоено 8 сентября 1943г.

“Бескозырки и тельняшки можете оставить себе — на память”, — сказал командир части на построении команды. И, чуть помолчав, добавил: “Остальное флотское обмундирование сдать”.

Нельзя сказать, чтобы этот приказ был одобрительно встречен моряками-артиллеристами, прибывшими с берегов Тихого океана на пополнение 729-го противотанкового дивизиона. Но старшина, выдававший им общеармейскую форму, тоже не входил в тонкости переживаний новичков и неодобрительно буркнул что-то на счет “баловства”, когда наводчик Сергей Фадеев бережно укладывал в вещевой мешок свою бескозырку. Дальневосточники сразу же показали себя доками в артиллерийском деле: каждый из них уже пробыл возле орудий по два-три года, а Фадеев на защите тихоокеанских рубежей нес службу с довоенных лет. Как говорится, в прошлом парень хлебнул немало. Служба береговых артиллеристов-тихоокеанцев была суровой и трудной. Казематы фортов, прикрывавших подходы к нашим берегам, портам, стоянкам флота, размещались на голых мысах одиноко стоящих островов. На полугодия отрезало их от баз осенним ненастьем, штормами и зимними, тяжелыми льдами. Весной баркасы целыми мешками привозили письма и газеты в эти крошечные гарнизоны, разбросанные по побережью. Но эти суровые, нелюдимые места крепко любили и никак не могли забыть бывшие дальневосточники. “А ты что, и родом из тех мест?” — спросил как-то Фадеева молодой боец из его расчета, внимательно слушавший рассказ Сергея о дальневосточных сопках и тайге, подступавшей к скалистому берегу океана. “Нет, я — волжанин. Слышал, небось, про Ставрополь-на-Волге? Оттуда я. Только не помню уж его, в голодном двадцать первом уехала наша семья отсюда, а мне всего два года было”.

В хлебные края, в Ростов-на-Дону, увез свою семью в то далекое время ставропольский пильщик Михаил Иванович Фадеев, да и остался там надолго. Лишь в 1930, когда развернулось строительство Березниковского химического комбината, перебрался он на эту новостройку, с юга на север. Там, закончив неполную среднюю школу, стал работать каменщиком молодой рабочий Сергей Фадеев. Оттуда он ушел на Тихоокеанский флот, стал артиллеристом. И вот теперь перебросили его часть на запад.

“Шлю вам свой прифронтовой горячий привет и сообщаю, что живу хорошо, мой новый адрес — полевая почта 0106”. Это письмо был отправлено Сергеем Фадеевым жене в Березники 24 июня 1943 г. Когда он писал письмо, адрес был прифронтовым, а когда оно добралось до дома, то 729-й дивизион уже стал фронтовой частью — занял огневые позиции на одном из передних рубежей Курской дуги. Две недели, проведенные перед этим Сергеем в дивизионе, прошли в напряженном труде по созданию орудийного расчета, в тренировках по стрельбе по движущимся мишеням, оборудованию основных и запасных огневых позиций. Все говорило солдатам, что предстоят тяжелые бои: никогда не видели они столько техники, сосредоточенной по балкам, рощам, замаскированной в чистом поле. Ни день, ни ночь не прекращалось сооружение огневых площадок, капониров, траншей, командных пунктов. К передовой беспрерывно подвозили боеприпасы. После напряженного дня пластом падали в блиндажах на топчаны солдаты, чтобы после нескольких часов сна опять приступить к занятиям, к работе: все должно быть готово к сроку. А сроки командованию были известны. Все виды войсковой разведки сошлись в своих выводах: гитлеровцы начнут наступление в первых числах июля.

В эту памятную ночь 5 июля никто из участников великой битвы на Курской дуге не прилег, не сомкнул глаз. Едва забрезжил рассвет, наши, чтобы упредить гитлеровцев, начали артиллерийскую подготовку. Потом заговорили и немецкие пушки. В небе появились “юнкеры”. Их число все увеличивалось. Волнообразный рокот моторов усиливался с каждой секундой, сливаясь в общий гул. Гром артиллерийских залпов поглотил все другие звуки.

Сражение разгоралось все сильнее. Сергей вначале лишь наблюдал за ним со своей позиции, которая находилась на поле, заросшем рожью, изрезанном ходами сообщений и щелями укрытий. До артиллеристов бой еще не дошел.

Но вот фашистские самолеты с воем взвыли и ушли в знойное небо, затянутое пылью от взрывов бомб и дыма пожарищ. И тотчас же начал нарастать грохот и лязг гусениц немецких танков, вырвавшихся из-за холмов. Ведя на ходу огонь, шли они на позиции дивизиона, готовые все уничтожить, смять, стереть в прах. Их было много. Сгоряча Сергей начал было считать, но тотчас же бросил. Напряжение первых минут боя прошло, и он внезапно почувствовал облегчение. Бывший моряк понял, что теперь надо делать. Он уже наметил танк, по которому будет бить, проверил координаты. “По фашистским оккупантам... — и, сделав паузу, рассчитывая наиболее выгодную дистанцию, закончил, — огонь!”

Снаряд попал в цель. Сергей увидел, как остановился подбитый танк, и вокруг него забегали, засуетились гитлеровцы. “Есть!” — крикнул он, но в грохоте боя не услышал своего голоса, только почувствовал, как сильно и радостно забилося сердце. Первый уничтоженный танк!

Но даже чувству радости не осталось скоро места в этом страшном бою. Все ближе и ближе к позициям подходили бронированные, такие страшные с виду, танки с черно-желтыми крестами на бортах — “Тигры!” Орудийный расчет Фадеева продолжал вести огонь по их бортам, гусеницам. Вот взорвался боезапас еще в одном “тигре”, слетела с ползунов и ткнулась в землю сброшенная взрывом башня. Нестерпимо яркая вспышка от взрыва бензобаков другой машины на мгновение заставила артиллеристов прикинуть к земле, и это спасло им жизнь: вражеский снаряд рванул в ровике в нескольких шагах сзади позиции. Круто развернув орудие, Сергей ударил по фашистскому танку, вздыбившемуся на откос насыпи над соседним окопом. Тот рухнул прямо в окоп. Ни один снаряд, выпущенный Фадеевым, не пропал даром. Ни разу не ошибся артиллерист в расчетах. Без гимнастерки, в почерневшей от пороховой гари и пыли флотской тельняшке, Сергей в минуты передышки вместе с товарищами по боевому расчету отбрасывал землю, завалившую от разрывов снарядов, огневую полощадку, подтаскивал снаряды, помогал перевязывать раненых.

Неизвестно, какой по счету авиационный удар обрушился на дивизион, неизвестно, какая атака была отбита артиллеристами, когда подносчик, волоком подтащивший ящик снарядов, запалённо прохрипел: “Последний!”

А от холмов, по изрытому воронками полю, укрываясь за дымными шлейфами догорающих танков, обходя справа и слева орудие Фадеева, пошли густые цепи гитлеровской пехоты. Почти все орудия дивизиона молчали, раздавленные гусеницами танков, разбитые бомбовыми ударами, уничтоженные огнем врага вместе с расчетами, они или вскинули в небо, или уткнули свои стволы в землю. Медлить было нельзя: надо взрывать орудие, отходить к оврагу, а там держаться, отбиваясь автоматным огнем и гранатами. Но ровик, в котором хранились гранаты, был засыпан землей. И солдаты решили до последнего сражаться у своего орудия.

Шестеро отважных обнялись и поцеловались. Это была и клятва, и прощание друг с другом.

За эти напряженные дни перед боем Сергей даже не успел хорошо узнать их всех. Всего несколько часов тому назад это были люди с разными, почти незнакомыми ему характерами. А теперь...

По приближающимся цепям фашистов артиллеристы ударили последним снарядом, а потом взяли в руки автоматы. Весь видимый мир Сергею сейчас ограничило кольцо прицела. В нем — фигуры бегущих врагов. Они падают, но их все больше и больше. Сотни гитлеровцев против шестерки героев. Гибель была неминуема.

Автомашина-тягач вынырнула сзади из пыльного марева совсем неожиданно, на полном ходу развернулась в тылу огневой позиции и резко остановилась.

“Прицепляй, черти, живо!” — заорал шофер, сдавая машину задом к орудию. Сергей с одним из артиллеристов бросился к лафету. Остальные длинными очередями продолжали бить по горлающим гитлеровцам, прижатым к земле веером смертоносного свинца. “Давай!”

Тягач с натугой перетянул пушку через навалы вздыбленной взрывами земли и начал набирать ход. Укрывшись за щитом, за бортами машины, артиллеристы били и били по разъяренным фашистам.

У командного пункта Фадеев скоординировал неровному строю грязных, окровавленных бойцов: “Смирно! — и доложил командиру дивизиона майору Панову.— Пять “тигров” и две самоходки. Это наверняка. А может, и больше. Расчет к бою готов!”

Майор молча глядел на солдат, через силу старавшихся не качнуться в строю. Затем, проглотив подступивший к горлу комок, совсем не по-уставному проговорил: “Спасибо, родные”. И замер, когда солдаты, словно сбросив с себя тяжесть усталости, ответили: “Служим Советскому Союзу!”

А бои продолжались. За несколько следующих дней расчет Сергея довел счет уничтоженных вражеских танков до 11. Обескровленные невиданным сопротивлением советских войск, гитлеровские армии, понеся колоссальные потери, пытались закрепиться на достигнутых рубежах. Но решительное контрнаступление нашей армии заставило фашистов отступать — они не остановились уже до Берлина.

Фадеев из-за осколка мины, пронзившего левую руку у кисти, попал на три месяца в госпиталь.

В декабре этого же года Сергея ранило вторично. Воина с раздробленным плечом и грудью, пронзенной автоматной очередью, истекающего кровью, вынес из боя товарищ-дальневосточник. Несколько километров вез он на санях до медицинского пункта потерявшего сознание друга, пытаясь остановить кровь комьями снега. Только через неделю пришел в сознание Фадеев в далеком от фронта тульском военном госпитале. В апреле 1944 г., демобилизованный из армии по инвалидности, еле державшийся на ногах, Фадеев добрался до своих родных, живших в городе Березники. Он не знал, что еще 8 сентября 1943 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР ему присвоено звание Героя Советского Союза за мужество и самоотверженность, проявленные в боях на Курской дуге.

В октябре 1945 г. Сергей Михайлович Фадеев поселился в Куйбышеве, снова встретился с родной Волгой. Скромный, трудолюбивый работник дачного управления, а потом завода им.Масленникова, Сергей Михайлович с честью и достоинством нес высокое звание солдата.

Он умер 10 октября 1952г. Имя Героя — на мемориальной доске на одной из площадей Самары.

СТАВРОПОЛЬЦЫ-ГЕНЕРАЛЫ РККА

Новаев Семен Семенович

Родился 13 июля 1906 г. в деревне Новое Матюшкино Ставропольского уезда Самарской губернии. Генерал-майор. Член КПСС с 1930 г. В Советской Армии с 1928 г. Окончил Высшие курсы усовершенствования политсостава в 1941 г. До Великой Отечественной войны был военным комиссаром артиллерийского полка.

С июля 1941 г. служил в действующей армии: инспектор политотдела 30-й армии, затем военком 336-й стрелковой дивизии, военком Главного управления ПВО страны, начальник политуправления Московского фронта ПВО, член Военного совета Восточного, Южного фронтов ПВО, а с октября 1944 и до конца войны начальник политотдела 1-го артиллерийского корпуса на Ленинградском фронте.

Новаев принимал участие в боях под Смоленском, в битве под Москвой и в противовоздушной обороне военных, промышленных объектов, городов и коммуникаций страны. Как член военных советов фронтов ПВО проводил большую работу по

укреплению воинской дисциплины и политико-морального состояния войск, по мобилизации личного состава на разгром немецко-фашистских захватчиков.

После войны был начальником политотдела — зам.командира артиллерийской дивизии по политической части. С января 1949 г. в запасе.

Награжден орденом Красного Знамени, двумя орденами Красной Звезды, медалями.

Сорокин Александр Григорьевич (1901-1957) родился с. Нижнее Санчелеево Ставропольского уезда Самарской губернии. Генерал-майор с 1942 г. Член КПСС с 1923 г. В 1924 г. окончил Ташкентскую объединенную военную школу, в 1936 г. - курсы «выстрел», в 1940 г. - заочно Военную Академию имени М.Ф. Фрунзе, в 1948 г. - курсы усовершенствования командного состава командиров стрелковых дивизий при той же академии, в 1954 г. - Высшие академические курсы при Высшей военной академии имени К.Е. Ворошилова. Службу в армии начал в 1919 г. красноармейцем. Участвовал в боях Гражданской войны на Туркестанском фронте. До августа 1941 г. - начальник 5-го отдела штаба флота, затем командир тылового укрепленного сектора В 1942-1945 гг. - комендант Артемовского сектора береговой обороны Главной базы флота, затем Владивостокского морского оборонительного рубежа Тихоокеанского флота. Из наградного листа: «Обладает высокими организаторскими способностями, много уделяет времени боевой подготовке частей и соединений. Опыт Великой Отечественной войны старается изучить и на основе его обучает свои войска. Артемовский сектор береговой обороны главной военно-морской базы Тихоокеанского флота, которым командует Сорокин, является лучшим в системе береговой обороны Главной военно-морской базы Балтийского флота». После войны служил комендантом 78-го укрепленного района, Тбилисского военного округа, командир 12-й отдельной пулеметно-артиллерийской бригады Закавказского военного округа (1946-1947), командир 13-й отдельной стрелковой бригады Таврического военного округа (1949-1951), командир 315-й стрелковой дивизии (1951-1953), алтайский краевой военком (1954-1957).

Александр Григорьевич был членом Алтайского крайкома КПСС, депутатом и членом исполкома Алтайского краевого Совета депутатов трудящихся.

Награжден орденами Ленина, Красного Знамени, Красного Звезды.

Федоров Михаил Федорович (1912-1960) перед войной учился в Ставропольском агропедкомбинате на тракториста, работал механиком в совхозе «Известия». Призван в РККА в 1933, окончил Ульяновское Краснознаменное бронетанковое училище им. Ленина, начал службу в Ленинградском военном округе в г. Луга. Окончил в 1939 г. Военную Академию им. Фрунзе и разведшколу.

С 26 ноября 1944 по 6 марта 1945 полковник Федоров командовал 10-я стрелковой Краснознаменной дивизией имени Северного края в составе 6 стрелкового корпуса Ленинградского фронта и 6 стрелкового корпуса 8 армии Курляндской группы войск. С 1945 г. – заместитель начальника разведки штаба фронта. Генерал армии, награжден тремя орденами Боевого Красного Знамени, двумя орденами Отечественной войны, орденом Красной звезды, был дважды ранен. Окончил Военную Академию Генштаба ВС СССР им. Ворошилова. Начальник разведки Забайкальского ВО, до 1955 - Группы советских войск в Германии. Служил в Главном разведывательном управлении Генштаба ВС СССР. В 1959 вышел в отставку.

Глава 2

Центр подготовки военных переводчиков

“На войне, как и в мирной жизни, есть профессии “громкие”, которые у всех на устах и есть профессии “тихие”, обойденные вниманием писателей и кинематографистов. Одной из таких профессий стала служба военного переводчика. Их насчитывалось на

фронтах чрезвычайно мало: один на дивизию, в редких случаях - один на полк. Но без этих людей, не только владеющих языком противника, но и знакомых с его военной машиной, умеющих свободно ориентироваться в трофейной документации, вылавливать из эфира нужные сведения, трудно было подготовить и провести бой. “Пленный показал ...” в этих словах оперативных сводок сплав ратного труда разведчика и переводчика. Он был в пекле боя, чтобы тут же, на передовой оперативно допросить только что взятого “языка”, он участвовал в рейдах по тылам противника, вел пропагандистские передачи с первой линии окопов, ходил с парламентарями, чтобы, рискуя собой, спасти жизни сотен и тысяч солдат” (И. Левин «Записки военного переводчика»).

21 мая 1929 г. вышел приказ № 125 Реввоенсовета, с которого и начинается история военных переводчиков советского периода. Впоследствии Восточное отделение Академии Генерального штаба станет Восточным отделом этой же академии, затем Восточным, Специальным, а потом уже 4-м факультетом Военной академии им. М.В. Фрунзе. Соответственно с названием менялось и предназначение выпускников. В положении о задачах факультета 1935 г. говорилось: «В результате теоретического и практического обучения факультет должен давать РККА командира разведывательной службы, подготовленного как для работы в штабах, так и для специального использования свободно владеющего одним восточным и одним западным языком (для восточного отделения) и одним западным языком (для западного отделения)». Срок обучения уже составлял 4 года. Одним из тех, кто создавал Восточное отделение и руководил им, был знаменитый русский военный теоретик и ученый Андрей Евгеньевич Снесарев. Именно ему удалось решить сложнейшие организационные задачи по привлечению к преподавательской работе крупнейших ученых-востоковедов Петрограда, Москвы, Ташкента, Дальнего Востока. В их числе В.А. Гордлевский, Рифни, В.Ф. Миллер, Б. Гафаров, А.С. Джафаров, В.С. Колоколов, Н.И. Лянь-Кунь, А.В. Попов, В.М. Ким, С.А. Кондратьева, М. Абдул-Азис, Х.К. Баранов. Географию и военную историю читали А.Е. Снесарев, А.А. Корсун, Погорелов,

М.А. Рейснер, Н.Е. Какурин. Простое перечисление этих имен очень напоминает историю востоковедения.

В 1935 г. начальником штаба лагерных сборов факультета был Н.Н. Биязи, впоследствии - первый начальник ВИИЯ. Помимо Восточного факультета Военной академии им. М.В. Фрунзе, в этот период существовали Туркестанские курсы востоковедения и курсы иностранных языков в ЗакВО.

1 февраля 1940г. совместным приказом наркоматов обороны и просвещения в Москве учредили военный факультет при Втором Московском государственном педагогическом институте иностранных языков (МГПИИЯ) с задачей подготовки военных преподавателей английского, немецкого и французского языков. Студенты Первого и Второго московских пединститутов иностранных языков были определены в кадры Красной Армии и зачислены слушателями Военфака на все четыре курса. В постановлении об открытии факультета речь о подготовке военных переводчиков не шла. Факультет создавался срочным порядком в середине учебного года. Его формировали военный инженер 2-го ранга Гавриил Андрианович Мартыненко, назначенный приказом наркомата обороны от 21 ноября 1939 г. на должность помощника начальника Военфака по материально-техническому обслуживанию, и майор Сергей Константинович Нарроевский, 19 декабря 1939 г. назначенный помощником начальника учебного отдела Военфака. В феврале 1940 г. на должность заместителя начальника факультета прибыл майор Василий Дмитриевич Макаров, вступивший во временное исполнение обязанностей начальника факультета (впоследствии работал начальником педагогического факультета до 1954 г., ныне полковник в отставке).

7 февраля состоялось торжественное открытие первого в стране языкового военно-педагогического факультета. Председательствовал генерал А.А. Игнатьев (автор широко известной книги “50 лет в строю”). Штатная численность переменного состава

нового факультета равнялась 240 единиц, а фактически на всех четырех курсах обучалось 227 слушателей, причем половина из них - девушки. Студентам предстояло обучаться 4 года.

8 февраля 1940 г. в здании Второго МГПИИЯ, в доме № 55 по Ленинградскому шоссе, начались занятия. В первый год своего существования факультет имел 5 штатных преподавателей, остальные были преподавателями 1-го и 2-го МГПИИЯ. Учитывая специфику военно-педагогической подготовки, учебный план факультета предусматривал наряду с дисциплинами изучаемыми в гражданских языковых ВУЗах, прохождение дополнительных специальных предметов - страноведение, военный перевод, стрелково-тактическая подготовка. Из преподавателей, работавших в эту первую зиму, бесменно продолжали трудиться в институте многие годы доктор филологических наук подполковник О.И. Москальская, А.Г. Лещинский, доцент К.Г. Крушельницкая. Этот небольшой педагогический коллектив с большой любовью и ответственностью взялся за новое дело, с глубоким пониманием отнесся к поставленной перед факультетом задаче по подготовке языковых военных специалистов.

Подлинный размах подготовка специалистов приняла с октября 1940г., когда Военфак возглавил генерал-майор Николай Николаевич Биязи.

Потомок итальянских переселенцев Биязи провел детство в Одессе. В родословной его были яркие личности: бабке - известной русской певице Дарье Лебедевой - Глинка посвятил романс. А дед-петрашевец Александр Иванович Пальм - был выведен на казнь вместе с Достоевским. Казнь была заменена каторгой. После ее отбытия Пальм принимал участие в героической обороне Севастополя в 1854-1855г. Как внук отличившегося защитника Севастополя Николай Биязи учился в гимназии бесплатно. Его интересовал театр. С пяти лет он, выступая на сцене, учился в Одесском театральном училище. В годы 1 мировой войны стал георгиевским кавалером, увлекался спортом, был футболистом, яхтсменом, боксером, велогонщиком, гимнастом, стрелком, легкоатлетом. Был чемпионом России, СССР в стрельбе из боевой винтовки, первым дипломированным футбольным судьей России. Всего в его коллекции было около 70 спортивных дипломов и медалей. Именно ему в июне 1918г. было поручено судить финал первого в истории советского спорта футбольного первенства. В 1948г. судье всесоюзной категории Биязи было поручено быть главным судьей соревнований, посвященных 50-летию отечественного бокса с участием С. Щербакова, А. Грейнера, Н. Королева.

Николай Николаевич окончил академию имени Фрунзе. Будучи в 1943 г. зам. командующего Закавказского фронта, он формировал из спортсменов - альпинистов и лыжников ударные стрелковые отряды для борьбы с альпийскими стрелками горно-пехотной дивизии врага. Второй страстью Биязи были языки. Он владел 14 языками, французский и итальянский знал в совершенстве. Эти знания пригодились ему на посту военного атташе в Италии, который он занимал в 1936-38 гг. Кандидат военных наук, он начал форсировать подготовку военных переводчиков. Привлек лучших специалистов: А.Н. Монигетти, пионеров военного перевода А.М. Таубе и Б.Э. Шванебаха.

Говорит С. Львов: “Любо-дорого было поглядеть и послушать как он (Биязи) говорил со знаменитыми лингвистами, со специалистами по педагогике. Генерал Биязи научил нас многому. Среди прочего - безукоризненным военным манерам. Они, в его представлении, прежде всего, включали точность. Он никогда не действовал по пословице “Начальство не опаздывает, оно задерживается”, не задерживался и не опаздывал ни на минуту. Но и подчиненным опозданий не спускал. В особый гнев его вводило опоздание минутное. Биязи в гневе понижал голос и начинал говорить холодно - язвительно. Это действовало сильнее крика. Однажды он столкнулся на плацу с группой молодых военных преподавателей. Мы были возбуждены каким-то происшествием, обсуждали его громко, употребляя отнюдь не литературные выражения. Мы еще не успели заметить начальника института и отдать ему приветствия, как он заметил и услышал нас и произнес три слова: “Офицеры! Интеллигенты! Филологи!”. Мы были готовы провалиться сквозь землю”.

Уже 18 ноября на фронт была отправлена первая группа военных переводчиков, 38 слушателей, окончивших четвертый курс и успешно сдавших государственные экзамены. В душе каждый мечтал попасть на фронт. В это время Н. Биязи обратился к маршалу Б.М. Шапошникову с коллективной просьбой об отправке на фронт. На что услышал ответ: “Патриотические чувства очень хороши. Но на фронте нам нужны военные переводчики. Поэтому надо заняться ускоренной подготовкой и отправкой в действующие части военных выпускников”. Из шести выпускников, закончивших факультет с отличием, четверо были зачислены адъюнктами факультета. Двое из них, офицеры Кривошеков и Гофман, долгое время затем преподавали в институте.

Со дня образования и до августа 1940г. Военфак подчинялся Управлению военно-учебных заведений НКО, но вскоре его передали в систему учебных заведений Генерального штаба Красной Армии.

С лета 1940г. факультет перешел на комплектование кадровым составом Красной Армии. Разработали и приняли к реализации ряд мероприятий по превращению факультета, носившего пока характер гражданского учебного заведения, в самостоятельное высшее военно-учебное заведение. Важнейшие из них привели в жизнь.

Во-первых, положили начало массовому заочному обучению иностранным языкам командно-начальствующего и политического состава Красной Армии и войск НКВД. В начале 1941г. при Военфаке организовали заочное отделение с изучением английского, немецкого и французского языков. Велика была тяга к изучению иностранных языков в войсках накануне Великой Отечественной войны. На первый курс поступило несколько тысяч офицеров, имевших воинские звания от лейтенанта и политрука до полковника и бригадного комиссара. Заочную подготовку офицеров возглавил заместитель начальника Военфака полковник С.К. Нарроевский. Но из-за начала Отечественной войны, подготовка заочников была приостановлена.

Во-вторых, создали базу для массовой подготовки военных переводчиков на случай войны, причем совершенно правильно и своевременно был взят курс на расширение еще в мирное время кафедры немецкого языка, на создание переводческого факультета и курсов военных переводчиков.

В-третьих, командование Военфака увеличило количество иностранных языков. Если в 1940г. слушатели изучали один из трех преподававшихся языков - английский, французский, немецкий, то весной 1941г. на Военфаке готовились кадры уже на 15 иностранных языках.

В-четвертых, развернулась научно-исследовательская работа с основным упором на издание учебных пособий, необходимых для подготовки военных переводчиков и для армии на случай войны.

Огромная работа по перестройке факультета и, особенно, по приспособлению его для подготовки кадров на военное время дали свои положительные результаты. Из маленькой учебной структуры при 2-м МГПИИЯ Военный факультет западных языков (это его новое название) превратился к лету 1941г. в самостоятельное крупное военно-учебное заведение, располагавшее хорошими профессорско-преподавательскими кадрами. С января 1941г. на факультет пришел автор многих научных работ и словарей Александр Михайлович Таубе, занявший должность профессора английской кафедры. Вскоре эту работу возглавила молодой ученый, доцент Зоя Михайловна Цветкова, впоследствии подполковник, профессор, проработавшая в институте почти со дня его основания до 1955г. Осенью 1940г. факультет насчитывал 248 слушателей, а к весне следующего года уже 339.

Вот как вспоминал об этом времени генерал Биязи: “1940 год. Получив назначение на должность начальника военного факультета западных языков при 2-м МГПИИЯ, готовившего военных преподавателей, я поставил вопрос о необходимости немедленной реорганизации педагогического факультета, на котором изучались только три языка. Для войны с самого ее начала армии потребуется большое количество военных

переводчиков и знания большого количества иноязыков. Вскоре нам удалось выделить факультет из состава гражданского института. На Садовом кольце нашли отдельное, но очень маленькое помещение бывших магазинов и там начали подготовку переводчиков для войны. Преподавателями в то время у нас были З.М. Цветкова, А.А. Барнес, Нельсон, О.И. Москальская, А.В. Монигетти, Н.В. Алейникова, В.А. Красильникова, В.В. Дюшен и ее сестра.

В связи с военными событиями на финской границе в 1939-40гг. было сразу введено изучение финского языка. Который охотно согласилась преподавать Херта Куусинен, в дальнейшем видная политическая деятельница, член компартии Финляндии, член Политбюро ЦК и председатель парламентской фракции Демократического Союза Финляндии. Однако факультет продолжал готовить только преподавателей, хотя мировая война была уже не за горами.

Перед нами стояла следующая неотложная задача - создать первый в Красной Армии самостоятельный языковой ВУЗ, в котором велось бы обучение не на трех, а на многих иностранных языках. При этом вставали четыре основные проблемы: определить профиль подготовки слушателей; установить сроки их обучения в связи с угрозой нападения на СССР; какие языки необходимо изучать на факультете и выработать методы преподавания.

В отношении профиля подготовки дело обстояло так. Мы приняли на учебу студентов, а международная обстановка властно требовала быстрой подготовки хороших военных переводчиков. Однако ликвидировать педагогическую подготовку было бы также близоруким мероприятием, поэтому решено было иметь на факультете два отделения - военных преподавателей и военных переводчиков. Позднее были открыты краткосрочные курсы немецкого языка, для укомплектования которых начальник Генерального штаба Б.М. Шапошников приказал передать нам две роты курсантов военного училища.

Вопрос о сроках преподавания на основных отделениях решился так: на педагогическом - пять лет, на военно-переводческом - два года, на краткосрочных курсах - от трех месяцев до одного года в зависимости от степени знания немецкого языка курсантами. При этом в основном со стороны мы брали студенток (мужчин было мало), знавших язык в достаточной мере и на первых порах немного разбиравшихся в переводе военных текстов. Однако нужных для этого пособий не было и тогда мне и старшему преподавателю Монигетти пришлось срочно составить карманный "Краткий русско-немецкий разговорник" для бойца и младшего командира с фотографиями немецкой военной техники. Редактором был А.В. Любарский. Разговорник был издан Воениздатом в 1941г. Во время войны он оказался столь необходимым, что был издан тиражом 500 тысяч экземпляров, а затем его еще дважды переиздавали, и тираж достиг двух миллионов.

На рассвете 22 июня 1941г. фашисты совершили акт вероломного нападения на СССР. Сразу после начала войны факультет перешел на ускоренную подготовку переводчиков. Вскоре в Москву стали поступать первые захваченные на фронте вражеские документы. На факультете было срочно создано бюро перевода трофейных материалов. Руководство этим бюро возложили на слушателя Евгения Гофмана, отлично владевшего немецким языком. Бюро работало в две смены - с раннего утра до поздней ночи. Документов поступало все больше и больше. Нам удавалось быстро и точно их переводить.

Еще в 1940г., хотя на факультете было мало помещений, мы все же выделили комнату и в ней оборудовали кабинет звукозаписи с магнитофоном и с прибором для прослушивания грампластинок. Позднее, уже в институте, в коридорах были установлены репродукторы, при помощи которых на переменах можно было передавать на иноязыках объявления и последние известия. Этот опыт был после войны с успехом применен и в Военной академии им. Фрунзе. В общежитиях также стояли репродукторы и

радиоприемники для прослушивания передач на иностранных языках из-за границы. Позднее при помощи кино стали демонстрировать фильмы на иностранных языках. Иногда устраивались встречи на иностранных языках с представителями зарубежных компартий, гостивших в СССР.

Будущих переводчиков важно было научить быстро и разборчиво писать на иностранных языках, как это приходилось делать в боевой обстановке. Учили и печатать на пишущих машинках с иностранными шрифтами.

Большую помощь в скорейшем изучении языков оказала клубная работа. В институте были созданы кружки драматический, литературный, вокальный, хоровой и танцевальный. Программа каждого концерта включала произведения на иностранных и русском языках. В помощь изучающим иностранные языки клуб практиковал просмотр иностранных картин учебных кинолент, а в фойе проводились настольные игры на иностранных языках. Переходя к работе библиотеки, следует сказать, что ее удалось значительно пополнить за счет привезенной из Германии большой иностранной библиотеки с уникальными книгами. На полках имелись также иностранные уставы, наставления, военные учебники и военно-историческая литература. На стенах висели наглядные таблицы и красочные плакаты на иностранных языках которые брались в классы на занятия.

Утренняя зарядка на воздухе была обязательной для всех слушателей. Развивая физическую культуру среди слушателей, мы решили на каждом факультете сделать акцент на один из ведущих видов спорта, но при этом должны были проводиться еще и другие виды. Так, на переводческом факультете у подполковника Н.Г. Яхно процветал волейбол, бокс, на педагогическом - у полковника Василия Дмитриевича Макарова превалировала легкая атлетика и гребля, у капитана 3 ранга Иванова - плавание, прыжки в воду и водное поло. Наша команда моряков-ватерполистов в первый же год своего существования успешно выступала против сильнейшей команды Москвы - ватерполистов общества "Торпедо".

Команда пловцов в 1946г. стала победительницей массового заплыва на Москверке на приз газеты "Вечерняя Москва".

В команде ВИИЯКА выросли такие замечательные игроки, как игрок экстра-класса Константин Рева, Владимир Саввин, Вадим Скворцов, Кадыков, Яковлев, Гранатуров. Многие из них с успехом защищали честь СССР за границей, ныне они заслуженные мастера спорта - тренеры, работающие в системе Вооруженных Сил.

Большого успеха добились и боксеры ВИИЯКА, не только занявшие первое место в командном зачете столицы, но и ставшие чемпионами СССР в своих весовых категориях. Это мастера кожаной перчатки слушатель Сергей Щербаков, бывший партизан, абсолютный чемпион Николай Королев, ставший десятикратным чемпионом страны, чемпион страны Лев Сегалович, Анатолий Грейнер, Николай Юрченко. Тренером был экс-чемпион страны Виктор Михайлов.

Из игроков футбольной команды вышел А. Водягин, игравший в команде ЦДКА — неоднократной победительницы футбольных розыгрышей столицы и страны. Во время лагерных сборов в Кубинке широко развертывалась работа по легкой атлетике, спортиграм и стрельбе из винтовки, револьвера и пулемета".

В первую годовщину существования факультета приказом НКО от 22 марта 1941г. за подписью зам. НКО Маршала Советского Союза С.М. Буденного 10 слушателей за отличные показатели в боевой и политической подготовке были награждены нагрудным знаком "Отличник РККА" и два слушателя приказом Заместителя Наркома ВМФ были награждены нагрудным знаком "Отличник Военно-Морского Флота".

Растущие потребности фронта вызвали необходимость расширения подготовки военных переводчиков. 28.08.1941г. при Военфаке сформировали курсы военных переводчиков, которыми командовал полковник С.К. Нарроевский (до войны помощник военного атташе в Париже) со сроком обучения 6 месяцев и с переменным составом в количестве 400 человек. При них были развернуты ускоренные (краткосрочные) курсы

с обучением четыре и полтора месяца. Их переменный состав был определен в количестве 400 человек, а срок существования этих временных курсов - до 1 декабря 1941г. При Военфаке в это же время создавались курсы усовершенствования работников центрального аппарата Генерального штаба со сроком обучения 1 год и трехмесячные специальные курсы усовершенствования. На всех курсах изучался только немецкий язык.

Первые наборы на курсы переводчиков состояли из выпускников языковых институтов Москвы и высших учебных заведений других городов. Состав курсов в очень короткое время был доведен до 800 с лишним человек. Это были хорошо подготовленные молодые люди с высшим филологическим или другого профиля образованием, стремившиеся поскорее попасть на фронт. Курсы готовили только переводчиков немецкого языка. По языковой линии подготовкой переводчиков руководил старший преподаватель немецкого языка майор Владимир Петрович Ленский (впоследствии начальник кафедры немецкого языка, работал в институте до 1953 г.) На курсах преподавали майоры О.П. Костарева и Н.В. Гейн, капитан А.А. Иванова (выпускники 1941г.) и старший лейтенант Призонт, работавшие в институте долгие годы и после войны.

Вспоминает Иммануил Левин: “Мы, выпускники средней школы, попали на курсы вчетвером. Трое из нашей четверки погибли. Женя Кашников и Женя Ананьев - в разведке первой военной зимой под Москвой. Миша Любарский дошел до Румынии”. В письмах Любарского родным он писал: “вообще я решил посвятить жизнь военному делу. И та отрасль, по которой я думаю пойти и дальше, особенно интересна тем, что дает очень широкий кругозор, развивает мышление человека, вырабатывает в нем способности анализировать, делать правильные выводы”. Это писал талантливый музыкант, которому педагоги предсказывали блестящее будущее. Война вдохновила его совсем на другое. Приказом от 2 сентября 1944г. по 34 стрелковому корпусу старший лейтенант М.А. Любарский был награжден орденом Отечественной войны 2 степени. Но об этой награде Любарский так и не узнал. 3 сентября он скончался от ран в госпитале. Его похоронили в Констанце.

Осенью 1941г. фронт был для каждого из нас впереди. А путь к нему через занятия. Занятия с утра до вечера без выходных. Преподавали нам и наиболее подготовленные выпускники, такие как Е.А. Гофман (впоследствии один из синхронных переводчиков на Нюрнбергском процессе), Л.Ф. Парпаров, А.А. Иванова, О.П. Костарева”.

С началом войны подготовка военных переводчиков для военных вузов была приостановлена, и факультет полностью переключился на подготовку военных переводчиков для фронта. В связи с возникшей потребностью, дополнительно были открыты учебные отделения финского, шведского, норвежского, датского, испанского, итальянского, польского, чешского, венгерского, румынского, сербского и болгарского языков. Так на кафедре испанского языка преподавали Мехидо Фернандес Людвина, Санчес Павон Мануэль, Месегер Рамос Хозе Мария, Бельо Оревал Каонсепсион, Паулина Вениаминовна Мамсурова, жена Хаджи Умар-Джиоровича Мамсурова, участника боев в Испании. В своих воспоминаниях Паулина Вениаминовна писала: “Начался набор добровольцев в антифашистскую народную милицию. В числе первых добровольцев ушла на фронт и я. Прошел месяц, и мы знали уже о войне столько, сколько не могли узнать за всю предыдущую жизнь. Вскоре часть уже стала батальоном, ... где были в основном ребята из Союза объединенной социалистической молодежи, а также члены политических партий. Сплотить столь разных людей мог только умелый командир Эстельвино...”

Я стала чем-то вроде интенданта. В той обстановке это оказалось сложной работой...

Сколько пережито вместе со всеми - бои с мятежниками, ночные переходы в горах, страшные вопли марокканцев и их метко разящие пули, гибель товарищей. Сердце сжалось: как я оставлю свой батальон. “Вот русский товарищ хочет с вами поговорить”.

“Я Роман Кармен, кинооператор, ... приехал в Испанию снимать кино и мне нужен переводчик”... Это было мое новое партийное поручение. Началась работа с Карменом. Он снимал, я переводила. Он хотел показать варварские фашистские бомбежки, страдания испанского населения, убитых детей, женщин, стариков, разрушенные города и памятники, героическую оборону Мадрида... В начале октября Роман Кармен и Михаил Кольцов, собственный корреспондент газеты “Правда” в Испании, с величайшим трудом получили разрешение от республиканского правительства посетить Астурию и Бильбао. Лететь пришлось над территорией, занятой фашистами. Наш самолет мог быть в любую минуту обстрелян с земли. Впоследствии Кольцов подробно описал это путешествие в “Испанском дневнике”. Когда мы вернулись в Мадрид, фронт приближался. В начале ноября мне сказали: “Будете работать у Ксанти”... Настоящее имя Ксанти - Хаджи-Умар Джиорович Мамсуров, чаще его называли просто Хаджи.

5-6 ноября 1936г., когда фашисты подошли вплотную к Мадриду, решено было удержать город любой ценой. Хаджи принимал непосредственное участие в организации сопротивления натиску фашистов. Сам Хаджи писал: “Зона обороны Мадрида создавалась и существовала как самостоятельный фронт. Возглавлял её комитет обороны, во главе которого стоял генерал Миаха... Официально я считался советником при начальнике штаба Рохо, но одновременно становился советником командиров крупнейших соединений, прибывавших для обороны Мадрида... Я был советником в Мадрид-Каталонском корпусе, командиром которого был известный боевик-анархист Буэнавентура Дуррути... Наряду с этим моим ведением было руководство специальной работой по созданию партизанских отрядов для действий в тылу врага, обучение пулеметчиков, подготовка командных кадров”.

Учебные отделения укомплектовали слушателями факультета, преимущественно старших курсов. Новые задачи и обстановка вынудили снять теоретические языковые и другие дисциплины (история языка, литература страны, введение в языкознание, психология, педагогика и ее история, латинский и современный русский язык). Вместе с тем как самостоятельная дисциплина был введен военный перевод.

Военный факультет был значительно расширен, получил новую структуру и по существу стал языковым ВУЗом Красной Армии. Впервые при Военфаке образовали пять самостоятельных кафедр следующих языков: немецкого; романских - итальянского, румынского, французского и испанского; славянских - сербского, болгарского, польского и чешского; англо-скандинавских - английского, шведского, норвежского и датского; угро-финских - финского и венгерского. При командовании факультета помимо учебного отдела, были научно-исследовательский отдел и адъюнктура на 30 человек. Языковые и другие кафедры замыкались на начальника факультета. Переменный состав объединялся в три факультета - военных переводчиков со сроком обучения 3-4 года, военно-педагогический со сроком обучения 4 года, заочного обучения со сроком обучения 2-4 года. Другая часть переменного состава обучалась на разных по продолжительности курсах.

Военный факультет стал центром подготовки военных переводчиков для действующей армии и одновременно языковым центром. Обучение велось на 15 иностранных языках. Из-за отсутствия заявок на переводчиков французского и английского языка, пришлось в ряде учебных групп ввести обучение двум языкам (французский и румынский, французский и итальянский).

15 июля 1941г. факультет произвел второй выпуск 48 военных педагогов, окончивших 4 курс с присвоением им воинского звания техник-интендант 1 ранга. 28 выпускников закончили факультет с отличием, а десять лучших из них зачислили на первый курс адъюнктуры. В приказе по Военфаку от 23 июля отмечалось, что проведенные в июне-июле государственные экзамены показали хорошую подготовку слушателей, особенно на кафедре немецкого языка (начальник кафедры А.В. Монигетти). Общий балл по вынесенным на госэкзаменам дисциплинам составил 4,57. Выпускников

направили военными переводчиками на работу в центральный аппарат НКО и Генштаба. Многие из них - подполковник М.В. Кузьмина, майоры Л.С. Куликова и А.П. Егорова впоследствии успешно работали старшими референтами в Генеральном штабе, подполковник Н.Е. Барванова отдала свои знания преподавательской работе и военной академии.

Полмесяца спустя, 30 июля, Военфак выпустил еще одну группу слушателей 4 курса в количестве 27 человек - первую группу военных переводчиков, обучавшихся на внештатном переводческом факультете. Все они отбыли на фронт в действующую армию.

Сложности военного времени не помешали произвести набор абитуриентов на первый курс и провести переводные экзамены. Учебный год начался 1 июля. На первый курс военфака было принято 100 человек. Половину набора составили студенты первых курсов МГПИИЯ. На втором и третьем курсах большинство обучавшихся имели воинские звания от лейтенанта до капитана, а на четвертом курсе всем остальным слушателям было присвоено звание "техник-интендант второго ранга".

Вновь претерпела изменения структура кафедр, что свидетельствовало о поисках нового и целесообразного в организации учебного процесса. С 1 сентября 1941г. по новому штату было введено семь кафедр. Кафедру марксизма-ленинизма возглавил полковой комиссар В.И. Старчевский. Ведущей стала кафедра немецкого языка, которой руководил А.В. Монигетти, здесь же преподавал профессор А.А. Лепинг. Кафедру английского языка возглавила доцент З.М. Цветкова, а профессорами кафедр были А.М. Таубе и Э.Г. Рудквист. Небольшими по составу кафедрами французского языка, страноведения и военной подготовки руководили О.И. Илия, полковой комиссар Б.Я. Буков. Все остальные языки были представлены объединенной кафедрой иностранных языков. Такая структура факультета сохранилась до создания собственно института.

Призыв "Все для фронта!" находил широкий отклик среди личного состава Военфака. Несмотря на чрезвычайно напряженную учебную работу, преподавательский состав и слушатели старших курсов в течение нескольких первых месяцев войны перевели и обработали для Генерального штаба большое количество поступавших с фронта трофейных документов, работая иногда целыми сутками и неделями, не уходя из расположения факультета. Для фронта факультет разработал и издал ряд военных разговорников и словарей: русско-немецкий разговорник, военные разговорники по венгерскому, румынскому и итальянскому языкам, дополнения к немецкому, английскому и французскому военным словарям, учебник немецкого языка для военнослужащих Красной Армии. Так Военный факультет включился в активную и срочную подготовку переводческих кадров для фронта, так оказывал он первую помощь нашим войскам по разгрому фашистских захватчиков.

Дальнейшее обучение слушателей в Москве проходило в чрезвычайно сложных условиях. Наступил октябрь 1941г. Наши войска вели тяжелые бои на дальних подступах к столице. Враг рвался к Москве. Личный состав Военфака трудился в эти дни самоотверженно. Слушателей можно было встретить на оборонительных работах в ближних подступах к столице, на дежурствах на крышах зданий и улицах города, в системе МПВО. Выполнение специальных заданий, многочасовая напряженная учеба без сна и отдыха не могли не сказываться на уровне подготовки переводчиков, проводившейся и без того в весьма сжатые сроки. В октябре 1941г. последовал приказ НКО СССР об эвакуации Военного факультета при 2-м МГПИИЯ в город Ставрополь на Волге. Для передислокации был выделен специальный пароход. Переезд проходил очень организованной, слушатели проявили высокую дисциплинированность. Факультет сумел захватить с собой в основном всю учебную базу, оборудование учебных кабинетов и многое другое, крайне необходимое для организации учебных занятий на новом месте. Эвакуация проходила с 10 до 18 октября.

Из воспоминаний Бязи: "Когда фашистские полчища стали приближаться к Москве, слушатели факультета приняли энергичное участие в проведении окопных работ

на подступах к столице. Юноши и девушки работали с увлечением, перевыполняя суточное задание. В это время я снова обратился к маршалу Шапошникову и доложил ему просьбу слушателей об отправке их на фронт, так как они не хотели отсиживаться в тылу. Борис Михайлович, улыбнувшись, на это ответил: “Патриотические чувства и воинственные настроения очень хороши, но на фронте нам нужны сейчас и будут еще больше нужны военные переводчики и не только мужчины, но и девушки. Поэтому надо теперь же эвакуировать ваш факультет на Волгу, заняться ускоренной подготовкой и отправкой в действующие части достаточного количества военных переводчиков. Чтобы увеличить количество переводчиков - мужчин, я прикажу передать в ваше подчинение еще две роты курсантов”.

Через два дня на факультет прибыли молодцеватые курсанты, и был получен приказ об эвакуации Военного факультета западных языков в Ставрополь на Волге. 10 октября, ночью, слушатели факультета и курсанты ускоренных курсов военных переводчиков, среди которых находилась группа студентов Московского института истории, философии и литературы, убыли из Москвы на пароходе в неизвестном для них направлении. После нескольких дней плавания, во время которого слушатели продолжали заниматься языками в своих каютах, мы прибыли в Ставрополь”.

Строки из воспоминаний И.Левина: “В каютах разместились преподаватели и по праву старшинства - слушатели военфака. Мы, курсанты, навалом заполнили трюмы, из которых еще не выветрился запах рыбы. Питались всухомятку, удобств - ноль. Но нытиков ни одного. А как нас веселил до колик в животе, своими импровизированными концертами тогда еще совсем не народный артист, но уже очень талантливый курсант Володя Этуш. Раза два мы останавливались у каких-то причалов и грузили дрова. Плыли до Ставрополя больше недели. В дороге нас застало полное драматизма сообщение Совинформбюро от 16 октября 1941г. об ухудшении положения на Западном направлении. Решалась судьба родной Москвы. Бурные споры, митинги, яростные протесты. Снарядили делегацию к руководителям Военфака и курсов с требованием немедленно повернуть обратно. Пароход продолжал свой путь, но наутро мы не досчитались в трюме нескольких ребят. Они сбежали на фронт. Дезертиры наоборот. После этого политработники провели с нами обстоятельную беседу и, кроме того, на пароходе установили караулы. Все мы были комсомольцами и уже воинами, принявшими присягу. Мы твердо знали, что в любом случае от фронта нас отделяют не больше двух-трех месяцев. 21 октября прибыли на место”.

Прибыв в Ставрополь Военный факультет столкнулся с дополнительными трудностями. Необходимо было разместить личный состав значительно выросшего по численности факультета, оборудовать и заново построить помещения для аудиторий, оснастить учебные и специальные кабинеты, создать минимум бытовых условий. Было невероятно трудно.

Вот как об этом вспоминает сам Н.Н. Биязи: “После нескольких дней плавания, мы прибыли в Ставрополь. Нам отвели помещение кумысолечебницы “Лесное”. Слушатели разместились быстро. Помещений не хватало. Достаточно сказать, что в комнате отдыха на втором этаже мы умудрились втиснуть 40 коек для слушательниц. Не лучше было и в других помещениях, но мы оставили свободными клуб со зрительным залом, в котором читались лекции, а по вечерам шли репетиции и давались на иностранных языках концерты самодеятельности. Краткосрочные курсы разместили в самом Ставрополе в пустующем здании школы. Слушатели перешли на самообслуживание. Они отправились заготавливать дрова.

Вскоре жизнь вошла в свою колею, начались регулярные занятия по 10 часов в день”.

Рассказывает Нина Арзуманова, заведующая кафедрой европейских языков: “Работать приходилось много, занимались в три смены. Уставали страшно. Но не унывали - очень интересно учить, передавать знания. После занятий, поздно вечером готовились к

следующему дню. Сидели все вместе за одним столом и боялись засмеяться, чтобы не погасить коптилку. Свет давали только в главное здание, да и то иногда выключали. Тогда в темноте, чтобы не видели курсанты, залезали с ногами на стол, чтобы согреться и рассказывали по-немецки все, что знали, читали и видели.

Зима выдалась очень холодная. Мерзли страшно. На комнату получали на дрова бревно, сырое и мокрое. Есть хотелось всегда. Хлеб (400 г. в день) съедали быстро, зимой его замерзший приходилось рубить топором. Ели чаще всего горох и пшенку. Выручали семечки. Летом даже за малиной в лес бегали. Только ляжешь спать - тревога. Быстро одеваешься и бежишь на построение. Первое время некоторые девчата надевали сапоги на босую ногу, - от начальства попадало. Какой большой радостью были письма. Писали нам много ученики с фронта. Почтальон привозил письма в мешке и выкрикивал фамилии счастливых. Чего только не было в этих фронтовых треугольниках - и стихи, и даже объяснения в любви. А какие вечера самодеятельности закатывали. Был свой джаз под управлением Г. Изаксона, были силовые акробаты из пограничников, был даже "умирающий лебедь" Сен-Санса, его танцевала жена профессора Таубе, бывшая балерина Нежинская. Слушатели морского факультета лихо отплясывали "Яблочко". В общем, жили одной дружной семьей".

"Там же в Жигулевских горах, - пишет И. Левин, - мы отметили 24 годовщину Октября. Все курсанты и слушатели в снег и пургу рыли траншеи для газопровода. Вручную кирками и лопатами. На лекционные занятия мы, курсанты, ходили в кумысолечебницу пешком. Помню, маршируя по осенним раскисшим и полузамерзшим дорогам, ребята нашего взвода пели в строю сочиненную мною песню на мотив широко распространенной тогда песенки о "большой крокодиле": "Шагает наш молодчик, военный переводчик, и он, и он совсем не обучен. Малиновы петлицы, защитны пуговицы, и са... и са... и сапоги под хром".

Из воспоминаний Н.Н. Биязи: "К ноябрьским праздникам слушатели краткосрочных курсов, из числа штатских, были одеты в военную форму и 7 ноября приведены к присяге. Момент был торжественный и волнующий. Слова присяги, как говорили слушатели, проникали в самое сердце.

Фронт требовал все новых и новых переводчиков, имевшиеся у нас две курсантские роты быстро таяли. Тогда мы стали набирать на краткосрочные курсы девушек и юношей, изучавших в школах немецкий язык. Наши слушатели получали назначение уже не только в крупные штабы и воинские части, но и в партизанские отряды, нуждавшиеся в людях, владевших немецким языком. Так, слушательница Ольга Костырева работала в партизанском отряде на московском направлении и была награждена медалью "Партизану Отечественной войны".

Вскоре потребовались переводчики не только немецкого, английского и французского языков, но и с другими языками. При этом первой нашей заботой было найти необходимых нам новых преподавателей. Скоро учебные группы начали занятия по венгерскому, румынскому, итальянскому, шведскому, чешскому, болгарскому, сербскому и польскому языкам.

Остро встал вопрос об учебных пособиях, их не хватало, и факультет начал печатать брошюры под названием "военно-словарный минимум", так как типографию мы привезли с собой и в "Лесное" из Москвы. Каждый такой словарный минимум состоял из 1000 самых необходимых слов и выражений. Такие словарные минимумы были введены на всех изучаемых на факультете языках. Эти словари были рассчитаны на то, чтобы дать слушателям необходимый минимальный запас слов и выражений: для первого курса - в пределах 600-650 слов, для второго - еще 350-400 новых слов. Минимум состоял из слов, встречающихся в проводимом курсе военной подготовки (уставы, тактика, военная техника) и в кратких военных разговорниках, а также из наиболее употребительных общих иностранных слов и терминов".

Вспоминает Елена Ржевская “Лошадей увели на войну, а в их опустевших стойлах свалены чемоданы, тюки. В проходе за столиком сидит военный писарь, надзирающий за этой камерой хранения. И службы, и дом кумысосанатория занял военфак. С того дня, как мы причалили сюда, наши курсы распространились по всему городу. На занятия мы ходим в помещение райзо, обедать - в столовую райпо, готовить уроки - в агитпункт. До кумысосанатория километра три. Нас вызывают в строевую часть, размещающуюся в конюшне, заполнить анкету. Мы идем по проходу мимо писаря. Тут налаживается новый быт военного времени. Мы уже чувствуем себя на марше, и все лишнее не имеет для нас ни цены, ни привлекательности”.

Со временем в Ставрополе наладилась нормальная подготовка военных переводчиков. Весь личный состав, воодушевленный победами наших войск под Москвой, Калининым и Сталинградом, в сжатые сроки создал необходимые условия для учебной работы. Не хватало преподавателей. А контингент слушателей постоянно рос. К преподаванию иностранных языков на факультете и курсах были привлечены адъюнкты, совершенно прекратившие работу в адъюнктуре, и лучшие слушатели четвертого и даже третьего курса. Но факультет продолжал расширяться. В феврале 1942г. прибыли и влились в него Орские курсы, которые обогатили факультет и слушательским составом, и преподавателями, в том числе таких языков, в которых факультет очень нуждался. Из прибывших с курсами майор И.А. Лорви - преподаватель финского языка и майор Андрианов - преподаватель румынского языка работали долгое время в институте и после войны.

Следует отметить, что Военфак сделал все возможное, чтобы обеспечить фронт кадрами переводчиков. За два года существования факультет и курсы военных переводчиков выпустили около пятисот командиров лиц начальствующего состава, из них подавляющее большинство (447 человек) было направлено на фронт в действующую армию. Среди выпускников 156 человек прошли нормальную четырехлетнюю подготовку на факультете, 59 - окончили месячные курсы, 194 - четырехмесячные, 54 - шестимесячные, и 27 - специальные курсы. Факультет направил на фронт 13 человек постоянного начсостава и семь молодых преподавателей. Из всех выпускников 429 человек были со знанием немецкого языка, 36 - английского, по три-семь человек - со знанием французского, итальянского, шведского, норвежского, датского, румынского, испанского, греческого языков. Воспитанники факультета честно и самоотверженно работали на фронте, принимали участие в боевых операциях, десантировались в тыл врага, уходили на работу в партизанские отряды.

Многим преподавателям, вчерашним адъюнктам, Л.Ф. Парпарову, Н.В. Алейниковой, Г.И. Изаксон было 17-19 лет. Сергей Львов так вспоминает о своих первых опытах преподавания: “1942 год. Меня предупредили: моими слушателями будут курсанты, уже закончившие общевоинское училище. Перед ними я робел. Вид мой был отнюдь не бравый. Более чем скромное обмундирование и ботинки с обмотками - сущее наказание. Решил начать с психической атаки. Пр продемонструю несколько примеров военного перевода, потом скажу: “Вот что я умею, и этому научу вас”. Слушатели мои немного немецкий язык знали, но военного перевода не нюхали. Взяв с собой трофейный устав и письма немецких солдат. Схемы организации соединений гитлеровского вермахта, я с замирающим сердцем вошел в класс. Перед дверьми маячил дежурный - выше меня наголову, выправка умопомрачительная, обмундирование какое мне и не снилось. Я взялся за ручку двери: “Ты куда?” грозно осведомился дежурный. - “В класс” “Чего ради? К нам сейчас преподаватель придет!” - “Это я!” “Брось заливать” - начал дежурный, но вдруг осекся, широко распахнул дверь передо мной и гаркнул от неожиданности по-немецки: “Встать! Руки вверх!” вместо “Встать! Смирно!”. Отделение, вскочившее со своих мест, рухнуло на скамьи, давясь от хохота. Растерявшись, и видя перед собой аудиторию из одних бравых строевиков и блистательных красавиц, я, вместо того, чтобы продемонстрировать на примерах в чем состоит работа военного переводчика, сразу

сказал: “Сейчас я покажу вам, что умею...” тут у меня распустилась обмотка. Я поставил ногу на табуретку и начал обматывать ею ногу, но продолжал говорить: “И этому научу вас”. Слушатели задохнулись от смеха. “Все погребло, - подумал я с отчаянием. - Появился перед ними как клоун. Это непоправимо”. Но отступить некуда. Делая вид, что не слышу смеха, я приказал: “Раскрыть любой устав на любом месте!” Дежурный раскрыл одну из синих книжек. И я стал переводить с места, сам себе приказав: “В темпе”. Потом проделал тоже самое с выхваченным наудачу трофейным приказом. Особенно впечатлил слушателей перевод трофейного письма, написанного готическим шрифтом. И, наконец, не глядя на схему, отбарабанил структуру двух дивизий вермахта. Словом я заставил своих учеников забыть мою неприличную молодость, гротескно нелепое поведение и даже обмотки”.

В 1942 году стал выпускником курсов известный поэт Павел Коган, погибший в разведке под Новороссийском. И сейчас пророчески ярко и сильно звучат его строки:

“Есть в наших днях такая точность,

Что мальчики иных веков.

Наверно, будут плакать ночью

О времени большевиков...”

“Во имя юности нашей суровой,

Во имя планеты, которую мы

У моря отбили, отбили у крови,

Отбили у тупости и у зимы.

Во имя войны сорок пятого года,

Во имя чекистской породы...”

“Лирическое отступление”, “Ракета”

Коган предсказал войну, на которой погиб, за пять лет до ее начала.

Погибла летом сорок второго на Юго-Западном фронте переводчица 57 резервной армии Таня Дагаева. На курсы она пришла из глубокой эвакуации, уговорив родителей. “Никто не удивился, увидев Таню на занятиях, - вспоминает И. Левин. - Знали о ее чувствах к Жене Ананьеву и о его чувствах к ней. Они и на войне хотели быть вместе. Красивые, добрые, честные люди. Для долгого и прочного счастья им не хватило одного - жизни”.

В эти годы выпускниками института стали О.А. Трояновский (посол СССР в Китае), Ф.Е. Хитрук (режиссер, народный артист СССР), А.П. Мицкевич (писатель-фантаст), Л.Д. Бергельсон (член-корреспондент АН СССР), В.А. Этуш (народный артист СССР). Вот отрывок из его воспоминаний: «Когда я в войну «влез», появилось другое ощущение. Нужно было «дело делать», потому что война, как точно сказал поэт, - «очень трудная работа», и еще - особый быт. Почти три месяца мы, студенты Щукинского училища, рыли противотанковые рвы под Вязьмой, а когда немец подошел совсем близко к Москве, нас вывезли в столицу, и мы снова начали учиться. Помню, играли в Театре им. Вахтангова спектакль «Фельдмаршал Кутузов». На сцене была задействована вся труппа, а вот зрителей в зале оказалось... 13 человек. Это меня здорово подстегнуло. Думаю: «Да, не время сейчас играть» И ушел на фронт добровольцем, несмотря на бронь. Я немного знал немецкий, и поэтому меня направили сначала не на фронт, а в школу военных переводчиков, в город Ставрополь на Волге. По тяжелой осенней воде, ночью, в кромешной тьме, на огромном теплоходе, переполненном людьми, мы медленно отплыли из Химкинского порта 15 октября, накануне печально известной паники, когда казалось, что Гитлер вот-вот возьмет столицу. Сталин, по слухам, находился в Москве, но правительство уже эвакуировало в Куйбышев. Также были эвакуированы все заводы, все стратегические предприятия. Какой-то период в Москве царил безвластие, и, говорят, доходило до мародерства - грабили магазины. Настроение было нервное, мрачное. На теплоходе кроме людей везли еще и селедку. Поэтому в трюме, где полагалось находиться курсантам, стояла невозможная вонь. Я выбрался на палубу. А холода в ту осень

наступили рано, дул ветер. И вот, пробираясь по ногам, среди военных я нос к носу столкнулся с Бобой Бродским, моим близким знакомым, будущим знаменитым искусствоведом, юношей странным, экстравагантным, оригинальным. Потом к нам присоединились знакомые по общей молодежной московской компании: Виталий Щерб и Семен Черток. Мы болтались по всем трем палубам, пока окончательно не замерзли. И нашли-таки тихий, вблизи отопительной трубы, закуток. Он был «свободен от постоя», потому что находился прямо у входа в туалет и выхода на палубу. Мы даже сняли верхнюю одежду - так тепло было в нашем убежище. И вот только мы легли, как в роскошном коридоре первого класса шелкнула дверь купе, и по лестнице послышалось характерное цоканье и скрип чьих-то подбитых подковами сапог. Бродский съежился и прошептал: «Генерал» «Ну и что?!» - спросил я, уже засыпая. «Надо встать», - лихорадочным шепотом ответил Боба. Я пробовал уговорить его не делать этого. Но он поднялся. Появившийся из парокоридных глубин генерал очень удивился, увидев перед собой долговязого босого юношу, стоявшего по стойке «смирно», с рукой, поднятой к непокрытой голове. Генерал удивился, но ответил на приветствие. И пока он пребывал в туалете, Боба, вытянувшись в струну стоял по стойке «смирно». Когда все было кончено и генеральские шаги затихли внизу, я спросил своего приятеля: «Боба, почему ты так боишься генералов?» Он, к армейской жизни органически не способный, но не потерявший в непривычной обстановке чувства юмора, ответил: «Потому что генерал может меня арестовать, а я его - нет...» На курсах под Ставрополем среди курсантов было много детей высшего командного состава, которых родители таким образом спасали от фронта. Многие из них там задерживались. Преподавали нам, в основном, люди очень интеллигентные, хорошо знающие языки. Помню среди них обрусевшего немца Шванебаха и молодого капитана

Л.Ф. Парпарова, жившего прежде с родителями в Германии и знавшего немецкий язык как родной, так как его отец Федор Карпович Парпаров был резидентом нашей разведки в Германии. Были совсем молоденькие девушки, недавно окончившие Институт иностранных языков и весьма отличающиеся от штатных преподавателей. Помню маленького коренастого заведующего учебным отделом майора Макарова и его очень красивую жену, заметно выше его ростом, спортивного вида, всегда прекрасно одетую. Возглавлял курсы генерал-майор Н.Н. Биязи, колоритная фигура, бывший советским военным атташе в Италии. Располагались курсы неподалеку от Ставрополя в лесу. Спустя двадцать пять лет после войны, сопровождая болгарскую делегацию в Тольятти, я не мог отказать себе в желании взглянуть на эти места. Конечно, все было запущено, обветшало и пришло в негодность. Проучился я на курсах четыре месяца. И судьба, то есть война, еще раз свела меня с Бобой Бродским (Борис Бродский, искусствовед), и случай снова оказался очень смешным. А потом мы увиделись только в мирной жизни. Наша учебная рота жила в селе, а здание, в котором мы учились, находилось на территории бывшего туберкулезного санатория, в трех-четыре километрах от села. Там же, в санатории, располагалась и кухня. Раз в неделю у нас был выходной. Рота отдыхала в деревне, а обед двое дневальных должны были четыре километра тащить из санатория на себе. Дело это очень непростое. Доставляли обед так. Я, например, в правой руке тащил мешок с буханками хлеба, а левой держался за дужку тяжелого бачка с кашей. Мой напарник одной рукой тоже держался за дужку, а другой нес ведро с супом. На компот, то есть на третье «блюдо», рук уже не хватало. По договоренности с ротой дневальные компот съедали на месте, ведро - на двоих. Правда, ели только гущу. Сладкую юшку приглашали выпить «корешей», из тех, кто попадался на глаза в санатории. Однажды за этим актом поедания компота нас застал политрук и немедленно отправил на гауптвахту. А на гауптвахте уже сидел тоже учившийся на наших переводческих курсах Бродский со своим напарником, евреем Лефтером из города Горького. М.Я. Гефтер был глуп, но обладал чувством юмора. Этот юмор их и погубил. Дело в том, что по заданию начальства будущий искусствовед Бродский взялся рисовать огромный портрет Сталина. Для того

чтобы «правильно разводить белила», Боба ежедневно требовал литр молока. Начальство беспрекословно молоко отпускало - для Сталина-то! А они с М. Гефтером его выпивали. Все шло очень хорошо, но когда сломался деревянный подрамник и Боба заявил, что для его склейки необходим килограмм творога, тут уж М. Гефтер не выдержал, упал на землю и чуть не умер от смеха. Начальство насторожилось, провело расследование, консультации и осознало, что его дурят. Так оба, «портретист» и подмастерье, загремели на гауптвахту. В феврале 1942 года я получил назначение в Северо-Кавказский военный округ. Почти тридцать суток, с пересадками, на перекладных я добирался до города Армавира, где находился штаб округа. Поначалу меня привлекали в качестве переводчика для расшифровки каких-то нехитрых документов. Но вскоре, поскольку я был все время на виду назначили заместителем начальника отдела разведки 70-го укрепрайона, который должен был оборонять Ростов. Пока война шла далеко от Ростова, жизнь у меня была относительно вольной. А через месяц после моего прибытия немец прорвал Воронежский фронт, и вся лавина отступающих армий двинулась через нас на Кавказ по единственному мосту, который находился в расположении нашей части.

Мне пришлось пройти (пройти - это слабо сказано) от Ростова до Тбилиси и от Тбилиси до Токмака - это такое местечко в Нижнем Запорожье. Вот тогда я понял, на что способен человеческий организм. Когда брали Азов, все наступали и наступали, обоз с едой отстал, а у нас была только пшенная крупа. Ее-то мы целый месяц и ели. Утром поедим супчик из пшенки и выпьем чаю (читай - воду), в обед пшенную кашку, на ужин то же меню. До сих пор пшенку ненавижу. Мы все время недосыпали. Помню, идем как-то ночью по узкому карнизу скалы. Дождь, на мне румынская плащ-палатка, которая от воды и мороза окончательно задубела. Стараюсь не заснуть, внимательно смотрю на маячащую впереди спину. И все равно отключился. А очнулся лишь оттого, что спина впереди исчезла. Колонна свернула в сторону, а я, полусонный, продолжал идти в прежнем направлении. Не проснись я в ту секунду, упал бы в пропасть. В 1943 году был еще один памятный случай, связанный со сном. Я бесконечно долго допрашивал пленного в присутствии командира дивизии (я знал немецкий язык и служил переводчиком), ужасно устал, и меня отпустили отдохнуть. Захожу в соседний дом, а там - не поверите! - наши командиры вместе с пленными немцами, которых недавно допрашивали - всего человек шесть, спали крепким сном. Кто вдоль кровати, кто поперек, кто на полу. Было такое ощущение, что нет никакой войны, что на дворе вовсе не 1943 год, а эти спящие люди не враги друг другу. Для меня это был, наверное, самый значимый эпизод войны. Я впервые задумался над вопросом: Кто такой противник? Такой же человек, как и я, только гимнастерка у него другая».

Но весна 1942 года памятна тем, что 12 апреля приказом НКО СССР военный факультет был преобразован в Военный институт иностранных языков Красной Армии и к нему присоединился военный факультет института востоковедения.

Из воспоминаний Н.Н. Биязи: «Весной 1942г. мы получили известие, что из Средней Азии к нам в Ставрополь прибывает Военный факультет восточных языков, входящий в состав Московского института востоковедения. Было решено образовать единый Военный институт иностранных языков Красной Армии. Слушатели-западники устроили им теплую встречу. С трудом удалось разместить восточников в самом городе, так как мест в «Лесном» уже не было. По окончании слияния факультетов я передал командование полковнику Степанову. А сам отпросился на фронт и вскоре из Москвы убыл на Северный Кавказ».

Факультет восточных языков был сформирован в Москве в июле 1940г. по приказу НКО СССР от 27 июля. Он помещался на Маросейке в доме № 2-15. Задачи, поставленные перед факультетом в приказе НКО, были сформулированы следующим образом: «...подготовить для Красной Армии хорошо знающих язык, практических работников по странам Востока (Япония, Китай, Монголия, Афганистан, Иран, Турция,

Арабские страны, Индия)”. Командовал факультетом полковник Сергей Николаевич Степанов, назначенный на эту должность приказом НКО от 16 июля 1940г. Военным комиссаром факультета был батальонный комиссар Ф.И. Дюжилов. Активное участие в комплектовании Военфака при МИВ принимал майор Б.В. Звонарёв, временно исполнявший обязанности начальника факультета до прибытия полковника Степанова.

Восточный факультет при МИВ, в отличие от Военфака при МГПИИЯ, с самого начала комплектовался в основном офицерами Красной Армии. Одновременно были развернуты все четыре курса - на каждом по одному учебному отделению.

В первый 1940-1941 учебный год на младшем курсе было три китайские, четыре японские, три турецкие, две иранские, одна афганская и одна индийская группы. На втором курсе обучались три китайские, пять японских, одна турецкая, две иранские и одна монгольская группы. Два старших курса имели немного слушателей. В апреле сорок первого года открылось заочное отделение, на которое было набрано 610 кадровых офицеров в звании от лейтенанта до полковника. В состав Военфака входило и морское отделение, впоследствии (при создании института) реорганизованное в факультет Военно-Морского флота.

В октябре 1941г. Военфак при МИВ был эвакуирован из Москвы в Фергану. К этому времени факультет значительно расширился, получил большую самостоятельность. В его составе был развернуты кафедры и соответствующие отделы, свойственные каждому ВУЗу. Для преподавания были приглашены лучшие специалисты из МИВ. В Фергане на факультете из числа профессорско-преподавательского состава работали Н.И. Фельдман, Ясуко Катаяма, Д.А. Магазаник, А.И. Фомин, В. Сорока, С. Сейфуллин. Кафедрой японского языка руководил уже тогда хорошо известный ученый - профессор Н.И. Конрад (ныне академик), кафедру китайского языка возглавлял Б.С. Исаенко.

Среди слушателей того периода были Н.Н. Тулинов (полковник, начальник Бюро иностранной военной литературы Воениздата), М.Х. Зиннатуллин - полковник, доцент, кандидат филологических наук, работал во ВКИМО (Военный Краснознаменный институт Министерства обороны) зам. нач. кафедры ближневосточных языков, А.Н. Тарасенко - подполковник, старший преподаватель ВКИМО.

Военный факультет при МИВ был расформирован в июне 1942 г., а его постоянный и переменный состав прибыл в Ставрополь на доукомплектование уже функционировавшего Военного института иностранных языков (ВИИЯ).

Реорганизация Военфака и курсов в институте была в основном закончена к 16 мая 1942 г. К лету того же года он был полностью укомплектован и состоял из первого факультета (западных языков), в который вошел весь состав Военфака при МГПИИЯ, второго факультета восточных языков, созданного на базе бывшего Военфака при МИВ, и курсов переподготовки (военных переводчиков) с отделениями западных и восточных языков. Институт стал полноценным военно-учебным заведением Красной Армии, в котором преподавалось 28 иностранных языков. Установлены были следующие сроки обучения: для обоих факультетов - 3 года, для курсов переподготовки - 1 год. Центрами учебно-методической работы и научно-исследовательской работы стали кафедры. Их было тринадцать. Четыре из них - основ марксизма-ленинизма, страноведения, военной подготовки являлись общими для всех факультетов и курсов переподготовки. Цикл иностранных языков объединял девять языковых кафедр. С сентября 1942 г. в штат дополнительно была введена кафедра русского языка и теории языка.

В сентябре 1942 г. приказом НКО СССР от 23 августа в составе ВИИЯ было создано специальное отделение ГлавПУРККА с общей численностью переменного состава 300 человек. Позднее, после войны, это отделение был развернуто в четвертый факультет (ГлавПУРа).

Учебный год в институте начался с 1 июля. На первые курсы было зачислено по первому факультету - 157 слушателей, по 2-му факультету - 36. К этому времени укомплектованность института постоянным и переменным составом была близка к

штатной. Так, осенью 1942г. в ВИИЯ КА насчитывалось постоянного начсостава и вольнонаемных преподавателей - 182 человека, адъюнктов - 48, слушателей факультетов - 1039, курсантов отделения ГлавПУРККА - 262, курсантов военно-морского отделения - 32 и около 150 человек обслуживающего персонала.

Первым начальником института был генерал-майор Н.Н. Биязи, бывший начальник Военфака при МГПИИЯ, военным комиссаром института - старший батальонный комиссар Петр Николаевич Бабкин. Петр Николаевич начал войну комиссаром 24 стрелковой дивизии. Был тяжело ранен. После госпиталя назначен на должность военного комиссара.

Приказом НКО от 30 апреля заместителем начальника ВИИЯ назначен полковник С.Н. Степанов. С 16 июля 1942 г., после вызова генерала Н.Н. Биязи в распоряжение Генштаба, начальником института был назначен полковник С.Н. Степанов, руководивший институтом до 1944 г. и впоследствии погибший на фронте, будучи начальником штаба корпуса. С 1944 г. начальником ВИИЯ КА снова был назначен Н.Н. Биязи.

Из воспоминаний Н.Н. Биязи: “В 1944г. я снова был назначен начальником Военного института иностранных языков. Организационно он тогда состоял из следующих факультетов: педагогического, переводческого западных языков, переводческого восточных языков, краткосрочных курсов немецкого языка.

Для руководства научной работой и консультаций удалось привлечь видных ученых страны: крупного филолога-китаеведа академика Василия Михайловича Алексева, автора многочисленных трудов по истории китайской литературы, фольклору и переводам; востоковеда академика Юлиана Игнатьевича Крачковского, являвшегося профессором Ленинградского университета и членом Арабской академии наук в Дамаске, автором научных трудов по эфиопской и арабской филологии, большим знатоком арабских рукописей; выдающегося ученого-египтолога академика Василия Васильевича Струве, одного из основоположников советского востоковедения, крупного исследователя истории и культуры народов древнего мира; востоковеда академика Владимира Александровича Гордлевского, большого специалиста по турецкому языку, литературе, фольклору и по средневосточной истории Малой Азии индолога академика Алексея Петровича Баранникова, знатока индийской филологии и индийского литературоведения; члена -корреспондента АН СССР Владимира Федоровича Шишмарева; лингвиста, Героя социалистического труда, академика Ивана Ивановича Мещанинова, специалиста в области языкознания, урартского языка и письменности; лингвиста академика Сергея Петровича Обнорского, исследователя современного русского языка и истории русского литературного языка; лингвиста академика Льва Владимировича Щерба, специалиста по общей фонетике русского, славянских и романских языков. Для военного переводчика главным был опрос пленного и перебежчика в условиях работы в крупных штабах и на передовой линии фронта, а также разговор с местными жителями, как во временно оккупированных противником странах, так и на его территории. Во всех случаях подготовки мы требовали твердого знания грамматики и накапливания запаса нужных слов, а также знания идиоматики и военного жаргона.

Преподаватели знакомили слушателей с историей изучаемого языка, методикой преподавания, более глубоким изучением грамматики. Слушатели старших курсов педфака вели практику преподавания в подшефной школе, на краткосрочных курсах и на младших курсах всех факультетов института. Всегда остро стоял вопрос с учебными пособиями, но вскоре от рукописных заданий мы перешли к заданиям, напечатанным на машинке с русским и иностранными шрифтами, а затем к материалам, издаваемым в своей институтской типографии. Общие учебники были, но в них отсутствовал нужный нам военный элемент, поэтому мы приступили к изданию своих учебных пособий, военных русско-иностранных словарей, словарей военного жаргона и разговорников”.

Штатные изменения следовали на протяжении всего военного времени. Они вызывались обстановкой, потребностью действующей армии в кадрах военных

переводчиков и дальнейшими, перспективными планами строительства вооруженных сил. В феврале 1943г. численность переменного состава была сокращена до 1000 человек. Часто изменялись названия отдельных курсов, кафедр и других подразделений. Порою сокращался или увеличивался их количественный состав, менялись преподаватели и специалисты - одни уходили на фронт, других отзывала Москва на работу в центральный аппарат НКО, но какие бы не происходили изменения, и независимо от них, фронт постоянно пополнялся новыми квалифицированными кадрами военных переводчиков. Все они были воспитанниками нового института - Военного института иностранных языков.

Вспоминает Иммануил Левин: “Работали с нами штатные преподаватели и наиболее подготовленные выпускники. Дело было абсолютно новым, уже в первые месяцы войны вышел “Краткий русско-немецкий военный разговорник”, составленный Н. Биязи и А. Монигетти. Им широко пользовались на фронте бойцы и командиры. Тогда же Биязи создал актуальнейшее пособие: “Техника допроса пленного”. Не могу не вспомнить и “Краткий немецко-русский словарь бранных слов и крепких словечек”. Известны случаи, когда наши разведчики в немецкой форме, изучив лишь несколько солдатских выражений, проникали далеко во вражеские тылы. Естественно, в таких случаях, в группе находился хотя бы один человек, хорошо владевший языком. Трудно поверить, что в тяжелейших условиях передислокации, острой нехватки кадров, типографских рабочих и самодеятельной “издательской базы”, “хозяйство” Биязи за первые полгода войны выпустило около 20 учебно-практических пособий.

Интересна оценка работы ВИИЯКА старшим инспектором Красной Армии по иностранным языкам генерал-майором А.А. Игнатьевым, побывавшем в апреле 1942г. в Ставрополе: “Кратковременное посещение не может быть приравнено к инспектированию. Хорошее моральное состояние личного состава, как преподавательского, так и слушательского: значение поставленной перед институтом задачи вполне осознается даже на младшем курсе, составленном по преимуществу из женской молодежи. Внешняя военная дисциплина замечаний не вызывает, несмотря на разнохарактерность населения “Лесного”. Общий вид военного лагеря соблюден. Языковые достижения указывают на ту степень усердия и прилежания, которая соответствует важности момента. В этом отношении были осмотрены занятия 2-х групп курсантов на курсах переподготовки (курсы переводчиков), составленных из более слабых курсантов, оставшихся от неоднократных посылок на фронт. Отмечается живое ведение урока (преподаватель - техник-интендант 1 ранга Розенталь) исключительно на немецком языке, овладение курсантами, хотя и в замедленных темпах, разговорной речью; в этом отношении, несмотря на более низкий уровень общего развития, переводчики превзошли уже большинство слушателей военных академий мирного времени. Создание и постановка дела курсов военных переводчиков в столь короткий срок, возможны были только благодаря исключительной энергии генерал-майора Биязи Н.Н.

Переходные экзамены слушателей на 1 факультете. Немецкий язык 3 учебное отделение. Достигнутые в короткий срок прекрасные результаты объясняются хорошей работой вербовщиков и отличной работой преподавательского и слушательского состава. Несмотря на ограниченность общего запаса слов, в особенности глаголов, все слушатели овладели уже военно-технической терминологией и отчасти тактической. Произношение за редким исключением уже поставлено правильно и исправление фонетики не требуется.

3-й курс. Английский язык. Отмечается совершенно свободное владение английской устной речью. Характерным доказательством этого явились также письменные работы, в которых, как это не странно, переводы с русского на английский были сделаны лучше, чем с английского на русский. К недостаткам, еще не изжитым в институте, в отношении учебного процесса, следует отнести недостаточную связь кафедры страноведения с языковыми кафедрами, объясняемую, быть может, недостаточным интересом самих языковых преподавателей к политическому, социальному и пр. строю стран изучаемых языков. (Слушатель 3 курса не знал о значении

религиозной борьбы в Индии, о разноплеменности населения Индии). Доминионы Англии, столь важные элементы в мировой войне, не пользуются должным вниманием со стороны английской кафедры. Понятие о политическом и социальном устройстве иногосударств ограничено данными, которые можно найти в календарном справочнике. Прекрасное знание языка дает возможность использовать слушателей на любом поприще, но этому может препятствовать недостаточное знакомство их со страной, её социальной и политической структурой. Быть может, за это отчасти несет ответственность и кафедра основ марксизма-ленинизма. Надо знать и врагов, и союзников.

В отношении постановки преподавания курсов тактики, ввиду перерыва занятий на экзаменационный период, отметить чего-либо конкретного не удалось. Однако принятые решения по вопросу улучшения качества военной подготовки, представляются крайне целесообразными. Новая крупная задача, поставленная перед коллективом, в связи с развертыванием института, несомненно, будет разрешена, благодаря наличию энергичных руководителей, в частности, только недавно назначенный на пост военного комиссара ст. батальонный комиссар Бабкин Петр Николаевич успел за короткий срок не только ознакомиться с постановкой дела, но и содействует всеми средствами к поднятию общего культурного уровня слушателей, что, несомненно, остается еще участком, на котором надо много поработать”.

Летом 1942 г. фронт двинулся на запад. Зима 1942-1943гг. завершилась победой Красной Армии в битве на Волге. Из рук противника была вырвана стратегическая инициатива. Наши войска развернули решительное наступление на крупнейшем фронте - от Ленинграда до Кавказа.

В октябре 1943 г. пришла пора возвращения Военного института иностранных языков в Москву. Решение об этом принял НКО СССР еще 31 января 1943 г. Перебазирование института из Ставрополя в столицу происходило в октябре.

Период 1941-1943 гг. в существовании и учебной деятельности института был характерен тем, что обучение слушателей, с учетом требований войны, шло беспрерывно. Учебных лет как таковых не было. Никакой передышки, никаких перерывов в учебном процессе. Выпуск слушателей не производился. По указанию Генштаба они командами направлялись на фронт в качестве военных переводчиков. Почти еженедельно, сначала на факультет, а потом в институт поступали заявки с требованием срочной отправки на фронт такого-то количества переводчиков. В документах того времени можно читать предельно краткие, свойственные военному положению, распоряжения Москвы по телеграфу: “направить в наше распоряжение 14 переводчиков”, “срочно подготовить группу переводчиков, тщательно проверьте здоровье”, “доложите о ваших возможностях дать фронту переводчиков”. Запросов очень много. Время было тяжелое, и это хорошо понимали в институте все: и слушатели, и преподаватели.

Уже к концу 1942 г. почти полностью были посланы на фронт слушатели старших курсов, а затем и второй курс. Установленный для института трехгодичный срок обучения, как правило, не соблюдался. Подготовка велась по сокращенным программам, направленным на быстрое практическое овладение иностранным языком. Большую помощь в деле подготовки переводчиков оказывали преподавательскому составу адъюнкты и остававшиеся слушатели старших курсов.

Военфак и институт дали фронту за три года войны 2,5 тысячи военных переводчиков, в том числе по годам: до 1943 г. - 1092, в 1943 г. - 774, в 1944 г. - 658. Со всеми убывшими на фронт слушателями институт поддерживал непосредственную связь, ведя активную переписку. Слушатели писали о затруднениях, которые они встречали в своей работе, давали советы по улучшению подготовки переводчика, присылали много ценных образцов различных трофейных документов. Все это использовалось в практической работе института, подготовке последующих групп переводчиков на факультетах и различных курсах. Так складывалась собственная школа подготовки военных переводчиков.

Военный переводчик на фронте первым узнавал о противнике, на нем лежала большая моральная ответственность. Он был обязан безукоризненно знать язык, военную терминологию и организацию армии противника, уметь правильно перевести документ противника составить протокол допроса военнопленного. Как показывал опыт, военному переводчику приходилось зачастую в порядке взаимозаменяемости выполнять самостоятельно многообразные обязанности офицера штаба, вытекающие из конкретной боевой обстановки.

А.Г. Сеницкий вспоминает: “В минувшую войну мне довелось работать в войсковой разведке сначала Калининского, а затем 1-го Прибалтийского фронта. С 1942 г. и до конца войны, будучи начальником информационного отделения штаба фронта, мне приходилось наблюдать работу группы военных переводчиков в составе 12 человек, находившихся в непосредственном моем распоряжении. Одна из важнейших задач была связана с ведением допроса военнопленных немецкой армии. Известно, что военнопленный солдат, офицер и тем более генерал всегда являлся важнейшим источником информации о противнике. Из их показаний раскрывались планы и замыслы врага, устанавливались численность и боевой состав соединений и частей противника, группировка его сил и средств, размещение штабов, обеспеченность войск противника продовольствием, боеприпасами и другими видами снабжения, выяснялось политико-моральное состояние личного состава противника. Однако не всякий пленный может или захочет дать исчерпывающие ответы на интересующие вопросы. Это зависит от осведомленности пленного, его принадлежности и занимаемой должности. Роль военного переводчика при допросе пленного весьма ответственная. Он должен в совершенстве владеть методом двустороннего перевода, уметь точно и правильно перевести на язык противника те вопросы, которые задает офицер, производящий допрос. Так же точно и правильно военный переводчик обязан перевести ответы пленного на русский язык. После допроса военный переводчик составляет и грамотно оформляет протокол допроса военнопленного.

Для успешного решения задачи по допросу пленного военному переводчику нужно твердо знать организацию и вооружение частей противника. Его тактические принципы, основы наступательного и оборонительного боя. Военный переводчик также должен знать военно-техническую терминологию, топографические знаки и тактические условные средства борьбы. Как показал опыт войны, от военного переводчика требуется глубокое знание оперативно-тактической обстановки на фронте, умение анализировать обстановку и делать по ней правильные и обоснованные выводы. Только при этом условии военный переводчик сможет успешно решать задачи по допросу военнопленных.

В начале войны молодые переводчики не обладали достаточными знаниями. Вспоминаю, как в декабре 1941 г. к нам в штаб Калининского фронта прибыли военные переводчики, только что окончившие Военный факультет иностранных языков, - лейтенанты Глушкина Вера, Герасимова Ольга, Леднева Вера, Модылевская Елена, Кокотько Зоя, Алексеева Галя. С первого же дня им пришлось окунуться в практическую работу, и, конечно, они встретили большие трудности из-за того, что недостаточно знали организацию частей и вооружение противника. К счастью, среди военных переводчиков были хорошо подготовленные опытные люди, которые проводили занятия с молодежью, - это капитаны Шулов, Шейман, Фигельман (последние двое были людьми пожилого возраста, добровольно ушедшими в армию; они прекрасно владели немецким языком).

Особенно ценными качествами обладал военный переводчик капитан Шулов. Кроме отличного знания немецкого языка, он в совершенстве владел графикой и умел отчетливо вести рабочую карту о противнике. Шулов обладал выразительной, четкой, ясной и лаконичной речью. Он умело составлял различного рода справки с обоснованными выводами. Впоследствии его назначили офицером-направленцем в отделение информации.

В ходе наступательной операции объем работы военного переводчика значительно увеличивается. Большое количество пленных и множество трофейных документов требовали большого напряжения сил военных переводчиков и высокой оперативности в их работе. Помню, как капитулировала Курляндская группировка немцев в мае 1945г. В ее составе насчитывалось более 20 дивизий; большое количество частей усиления и тыловых подразделений. Командование наших войск вынуждено было перебросить самолетами на Курляндский полуостров военных переводчиков с других фронтов для того, чтобы справиться с допросом огромного количества военнопленных.

При допросе пленных не исключалась возможность ложных показаний с целью дезинформации нашего командования. Поэтому от допрашивающего офицера и военного переводчика требовалась повышенная бдительность и перепроверка показаний пленного. Запомнился такой случай ложных показаний немецкого пленного в период подготовки Кенигсбергской операции в сорок пятом году. 1 апреля на сторону наших войск перешел солдат, который на допросе в штабе 2-й гвардейской армии показал, что он принадлежит к 330 штрафному батальону. По его словам выходило, что немецкое командование готовит наступление из района северо-западнее Кенигсберга с целью отрезать наши войска, прижать их к заливу Фриш-Гаф и затем уничтожить. Пленный также показал, что в районе Алексаваген сосредоточено для этого 175 танков.

Получив такие сведения, наше командование, естественно, обеспокоилось и приказало немедленно доставить пленного в штаб Земландской группы войск для тщательной проверки его показаний. В ходе допроса было установлено, что пленный был специально направлен в расположение наших войск с целью, дать сведения дезинформационного характера. На каждого допрошенного военнопленного составлялся протокол допроса, в котором освещались различные вопросы, в том числе и такие: время и место захвата в плен, принадлежность к части и подразделению, фамилия и имя, год и место рождения, год призыва в армию, образование, боевой и численный состав подразделения, его боевая задача, характер оборонительных сооружений, место расположения огневых средств, командного пункта, характеристика командного состава политико-моральное состояние солдат, офицеров и другие вопросы. При оформлении протокола допроса особое внимание обращалось на его краткость, грамотность и последовательность изложения. В конце протокола делались краткие выводы с оценкой полученных на допросе сведений.

Вторая немаловажная задача, возлагавшаяся на военных переводчиков, состояла в переводе трофейных документов - солдатских книжек, приказов, распоряжений, всевозможных инструкций, рабочих и отчетных карт, сводок, солдатских писем. Эти документы, как источник информации, приобретали весьма важное значение. По содержанию захваченных документов вскрывались планы противника, нумерация его частей, устанавливался боевой и численный состав, вскрывалась группировка его сил и средств.

В минувшую войну существовал порядок, при котором все документы, захваченные у противника, в любых условиях обстановки доставлялись в штабы частей, соединений и объединений. В армейских фронтовых штабах эти документы сосредоточивались в информационном отделении разведотдела. Военные переводчики обязаны были разобрать трофейные документы и систематизировать их, распределив по важности и срочности, после чего они переводились на русский язык. Работа военных переводчиков по систематизации и переводу трофейных документов чрезвычайно ответственна. Ее выполняли наиболее подготовленные, хорошо знающие обстановку старшие военные переводчики.

На военных переводчиков возлагались также задачи по составлению рефератов на определенные темы. Реферирование - одна из важнейших обязанностей военного переводчика. Опыт показал, что с задачей реферирования успешно справлялись те переводчики, которые систематические повышали свои языковые знания, следили за

состоянием и развитием тактических принципов, умели правильно оценить то новое, что появлялось у противника, умели обобщать и анализировать многочисленные сведения о противнике, поступающие из различных источников, от различных видов и средств разведки. От военного переводчика-референта требовалось умение из многочисленных материалов и разрозненных данных, иногда противоречивых, отобрать то главное и существенное, что можно положить в основу определенных выводов.

Часто на военных переводчиков возлагалась задача по составлению реферата на какой-нибудь документ противника. Так, зимой 1941г. нашими разведчиками был захвачен чрезвычайно важный документ штаба 9 немецкой армии, действующей в районе Ржев-Сычека-Вязьма. Документ на двадцати страницах назывался “Зимняя битва за Ржев”. В нем излагался ход операции войск Калининского фронта зимой 1941-42гг. и бои за город Ржев, давалась оценка действий наших войск по окружению Ржев-Сычевской группировки немцев. Захваченный документ представлял большой интерес, поэтому было приказано немедленно составить реферат, изложив существо документа на 4-5 страницах. Эта работа была возложена на старшего переводчика лейтенанта Герасимову Ольгу, воспитанницу нашего института. Она блестяще справилась с возложенной на нее задачей, составив реферат с кратким изложением существа документа.

Военные переводчики для работы прикреплялись к офицерам-направленцам. Направленец - это оперативный офицер информационной службы, отвечавший за определенные операционное направление, на котором, как правило, действовала одна общевойсковая армия фронта. Военный переводчик, оказывая ему помощь, выполнял задачи по изучению частей и соединений противника, вел рабочую карту, составлял донесения и сводки. Опыт минувшей войны подтвердил правильность такой организации работы военных переводчиков.

В действующей армии на военных переводчиков возлагаются и отдельные весьма ответственные боевые задачи - участие в составе разведывательных групп, засылаемых в тыл противника. Так, при подготовке Мемельской операции (сентябрь 1944 г.) войсками 1-го Прибалтийского фронта было составлено 10 таких групп, в каждую из них включились военные переводчики. Они сбрасывались на парашютах с самолетов в оперативном тылу врага. Добываемые ими сведения передавались командованию наших войск по радио. Они захватывали там и пленных, допрашивая их на месте, а показания передавали по радио в штаб.

Отдельным военным переводчикам приходилось выполнять чрезвычайно ответственные задачи, участвуя в группах советских парламентаров, направляемых в стан врага для вручения ультиматума, а также для переговоров с ответственными представителями командования противника. На нашем фронте такие парламентары направлялись для вручения ультиматума о капитуляции при окружении калининской группировки немцев в июне 1942 г. при окружении витебской группировки в июне 1944г. и кенигсбергской в апреле 1945 г. Военные переводчики участвовали в качестве парламентаров при окружении сталинградской группировки в 1943 г., будапештской в феврале 1945 г. В состав парламентских групп назначались переводчики, хорошо подготовленные в языковом и политическом отношении, смелые, решительные и готовые на жертвы. История знает случай, когда немецко-фашистское командование, поправ нормы международного права, подпустив наших парламентаров на близкое расстояние, приказало открыть огонь и расстреляло их в упор. Весь мир осудил этот преступный акт немецких фашистов.

В годы минувшей войны военные переводчики выполняли и ряд других заданий, выполняли честно и добросовестно, как подобает воинам. За боевые заслуги перед родиной многие из них награждены орденами и медалями, а отдельные удостоены самого высокого звания Героя Советского Союза”.

В годы войны переводчики сумели найти свое место в штабной деятельности и тем самым снискать себе заслуженное уважение и авторитет. Повседневный контроль со

стороны вышестоящих штабов, систематическое живое общение полковых и дивизионных переводчиков со своими непосредственными начальниками и товарищами прививали им вкус к работе, заставляли чувствовать большую ответственность за добываемые путем допроса сведения, за обработку и изучение документов противника. Для командования важно было получить своевременные и достоверные сведения путем допроса пленного.

В марте 1943 г. немцы начали в районе Белгорода подготовку к наступлению. Немецкое командование, маскируя сосредоточение войск, демонстрировало отвод частей с передового края, вывело в тыл ряд танковых дивизий СС, перемещало работу своей радиосети. Почти все военнопленные показали, что упорно циркулируют слухи о предстоящем наступлении где-то южнее Белгорода. Но разведанные говорили о том, что противник именно севернее Белгорода будет наносить удар против Курска. Но требовалась доразведка. В ночь на 14 июля в районе восточнее Трефиловки наши разведчики захватили военнопленного, который показал, что его подразделению и всей их части накануне был выдан сухой паёк (это уже важно). Проговорившись переводчику об этом, пленный вынужден был показать, что солдатам был зачитан приказ Гитлера о наступлении с утра 5 июля. Эти важные сведения немедленно были переданы командованию армии и фронта. Показания пленных, захваченных в ту же ночь на других участках фронта, а также результаты подслушивания и наблюдения наших передовых частей подтвердили сведения о готовящемся переходе в наступление Белгородской группировки немцев и помогли уточнить время перехода в наступление - 4 часа 5 июля.

Из опыта войны известны и такие примеры, когда из-за недостаточной подготовки переводчика явно снижалось качество разведывательной информации. Во время боёв на Курской дуге, когда противник, не считаясь с потерями, бросал в бой одну за другой свои дивизии, начальник разведки энской гвардейской дивизии выехал вместе со своим помощником в полки, а в штабе остался только переводчик, на которого в этот день возложили обязанность регулярно передавать вышестоящему штабу информацию о противнике. Возвратившись к вечеру в штаб дивизии, начальник разведки застал переводчика за передачей разведывательной сводки в штаб корпуса. "Противник, - передавал переводчик, - в течение дня трижды атаковали наши части силою до полка при поддержке 20-25 танков и самоходных орудий". "Много бы я дал, чтобы узнать, кому принадлежат эти танки!" - заметил начальники разведки и в это время обратил внимание на кучу солдатских книжек противника, сложенных в углу землянки. "Что это за книжки?" - спросил он переводчика. - "Это документы, которые разведчики принесли еще утром, но мне все некогда было их посмотреть, товарищ майор!" - ответил переводчик. - "Я весь день был занят информацией". - "Кто же вам дал право задерживать просмотр документов на целый день? Ведь это книжки атакующих подразделений противника", - возмутился начальник разведки и стал быстро пересматривать документы.

Среди большого количества материалов ранее отмечавшейся 332 пехотной дивизии противника было обнаружено несколько солдатских книжек танковой дивизии "Великая Германия" и боевой приказ одному из её батальонов. Это свидетельствовало о вводе противником в бой нового танкового соединения. По вине переводчика командование не было своевременно поставлено об этом в известность.

Помимо своих основных переводческих обязанностей, выпускники ВИИЯ помогали офицерам разведки собирать и обрабатывать разведывательные сведения, составлять и передавать информацию подчиненным частям и в вышестоящие штабы. Военные переводчики штабов ведали вопросами организации учета и отправки пленных и трофейных документов. Деятельность переводчика на фронте была разносторонней. В этом отношении интересен опыт работы переводчиков в одной из дивизий в период Сталинградской битвы.

С 19 ноября 1942 г., когда наши развернули успешное наступление, переводчики полков и дивизий войск принимали участие в работе по разложению войск противника, проводившейся политотделами армий и дивизий. Листовки с призывами сложить оружие,

сдаться в плен и прекратить сопротивление, устная информация солдатам противника через рупоры - таков неполный перечень методов воздействия на врага, использовавшийся на переднем крае. Передавались обычно краткие, быстро запоминаемые и легко доходящие до сознания солдат противника короткие фразы. Например: "Внимание! Внимание! Не стреляйте! Слушайте правду о положении ваших войск. Вы полностью окружены. Сопротивление бесполезно. Сдавайтесь в плен". Результатом подобной работы была сдача в плен группами и даже целыми подразделениями, часто во главе с офицерами - особенно в последний период Сталинградской битвы и Белорусской операции.

Институту уже тогда было ясно, что для успешной работы военный переводчик должен обладать специальными знаниями в области военного дела. Поэтому кафедра военной подготовки летом 1944г. была преобразована в кафедру оперативного искусства и тактики.

Самой разнообразной была их работа на фронте: переводчик штаба Донского фронта Л.А. Безыменский допрашивал фельдмаршала Паулюса на хуторе Зворыгин, В.М. Степанов, переводчик разведотдела 64-й армии допрашивал Паулюса несколькими днями раньше. Переводчик маршала Жукова А.П. Мицкевич работал при подписании акта о капитуляции Германии.

Из воспоминаний В.М. Степанова (31.01.43): "Штаб нашей армии находился в пригороде - Бекетовке. Утром все мы поднялись на рассвете. Вдруг дверь стремительно распахнулась, в комнату вошел начальник штаба армии И.А. Ласкин. "Где переводчик?" - спросил он. Я подскочил. "Мигом собирайтесь со мной!". "Что случилось?" - спросил я. "Едем в Сталинград за Паулюсом". Нас встретил полковник Адаис, личный адъютант генерал-фельдмаршала. "Я хотел бы лично поговорить с Паулюсом" - властно потребовал генерал Ласкин. Паулюс вышел бледный, неестественно прямой. Коротко кивнул головой. Прошел к машине. Колонна вскоре тронулась. Мне было приказано остаться, чтобы завершить какие-то формальности, а затем добираться к себе на легком вездеходе Паулюса. Вскоре и мы отправились в путь. Когда миновали городскую черту, машину остановил наш пост внешнего охранения. У нашего экипажа действительно вид был подозрительный: немецкая машина, за рулем немецкий фельдфебель, на заднем сиденье вроде свой, но в странной компании с офицером-немцем. Все трое вооружены. Сержант без обиняков приказал: "А ну, вылезай". Мой совершенно баз акцента русский язык не произвел на наших солдат никакого впечатления. Один из них с нескрываемой ненавистью глядя на меня, вполголоса сказал: "Ишь, как насобачился по-нашенски, стервец". Я попробовал было протестовать. Бойцы недвусмысленно щелкнули затворами автоматов. С большим трудом удалось уговорить допустить меня к телефону. Я связался со своим штабом, и недоразумение оказалось улаженным".

Е.М. Ржевская, - переводчик группы армейской контрразведки, живым или мертвым разыскивавшая Гитлера, писала: «3 мая на территории имперской канцелярии появилась группа генералов штаба фронта. Проходя по саду мимо бетонированного котлована, на дно которого немцы складывали убитых во время бомбардировки и обстрела рейхсканцелярии, один из генералов ткнул указательным пальцем: «Вот он». В кителе, с усами, убитый издали слегка смахивал на Гитлера. Его извлекли из котлована и, хотя тут же убедились: не он, - все же началось расследование. Призвали опознавателей, в один голос заявивших: «Нет, не он». Все же этот убитый мужчина с усиками, в сером кителе и заштопанных носках лежал в актовом зале рейхсканцелярии до тех пор, пока прилетевший из Москвы бывший советник нашего посольства в Берлине, видевший неоднократно живого Гитлера, подтвердил: не он»

Затем Е.Р. Ржевская стала готовить книгу для московского издательства АПН. Надо же было случиться, что в этом же издательстве готовились мемуары маршала Жукова. Издательские работники ознакомили маршала с рукописью Ржевской, и тот пришел в крайнее удивление: изложенное выглядело очень убедительно, но он, Жуков, о нем... ничего не знал. Тогда маршал пригласил Елену Ржевскую к себе на дачу для беседы

— и здесь я воспроизведу текст моей давней знакомой и соученицы, описавшей встречу с великим полководцем. «Жуков сказал, что прочитал мою книгу. В ней я рассказала о том, как в дни падения Берлина нашими войсками был обнаружен покончивший с собой Гитлер и проведено расследование обстоятельств его самоубийства и опознание его. Я принимала в этом участие как военный переводчик. Мы поговорили о берлинских событиях, об имперской канцелярии, бегло коснулись других общих для нас тем и воспоминаний. Расспросил он меня о моей службе в армии. «Я тоже пишу. Дошел до Берлина сейчас. Вот и захотелось с вами повидаться. Устанавливался доверительный тон, и понемногу разговор приближался к главному. (Мне не приходится по памяти реставрировать подробности этой встречи, они записаны мной тогда же. И также все, что привожу из сказанного тогда Жуковым) Маршал Жуков сказал: «Я не знал, что Гитлер был обнаружен. Но вот я прочитал об этом у вас и поверил. Хотя ссылок на архивы и нет, как принято делать. Но я верю вам, вашей писательской совести. Я пишу воспоминания, — повторил он. — И сейчас как раз дошел в них до Берлина. И вот я должен решить, как мне об этом писать». — Он говорил неторопливо, однотонно, раздумчиво. — «Я этого не знал. Если я об этом так и напишу, что не знал, это будет воспринято так, что Гитлер найден не был. Но в политическом отношении это будет неправильно. Это будет на руку нацистам». Помолчав, он сказал: «Как это могло случиться, что я этого не знал?» Он хотел это уяснить с моей помощью. Это был его главный вопрос ко мне. Мне бы следовало предвидеть, что такой вопрос возникнет. Но по дороге к маршалу Жукову я почему-то не думала об этом. В самом деле, как это могло случиться, что командующий войсками, штурмовавшими Берлин, не знал, что его воины, овладев имперской канцелярией, в подzemелье которой находился Гитлер с остатками своего штаба, нашли Гитлера, покончившего с собой? Такой важный и престижный факт для полководца, приведшего свои войска в Берлин. Он вправе был спросить и так: как смели не доложить ему об этом? Было с чего впасть не то что в недоумение, а в самый яростный гнев, если б знать, кому адресовать его, и если б многое другое в предшествующие нашей встрече годы не было бы его гневу ближе и существеннее. И он всего лишь спросил: как могло так случиться? Я знала, что все, связанное с обнаружением и опознанием трупа Гитлера в те майские дни, держалось в строгом секрете и докладывалось прямо Сталину — по его распоряжению, — минуя командование фронтом, то есть маршала Жукова. Почему было так, это мог бы разъяснить только Сталин. «Не может быть, чтобы Сталин знал, — решительно отверг Жуков. — Я был очень близок со Сталиным. Он меня спрашивал: где же Гитлер?» — «Спрашивал? Когда?» — «В июне, числа девятого или одиннадцатого». — «К этому времени Сталин уже давно все знал, провел проверку и удостоверился». — «Но ведь он меня спрашивал: где же Гитлер?» — «Очевидно, не хотел дать понять, что знает». — «Зачем?..» — «Действительно, зачем?» «Жуков сказал, что прочитал мою книгу. В ней я рассказала о том, как в дни падения Берлина нашими войсками был обнаружен покончивший с собой Гитлер и проведено расследование обстоятельств его самоубийства и опознание его. Я принимала в этом участие как военный переводчик. Мы поговорили о берлинских событиях, об имперской канцелярии, бегло коснулись других общих для нас тем и воспоминаний. Расспросил он меня о моей службе в армии. «Я тоже пишу. Дошел до Берлина сейчас. Вот и захотелось с вами повидаться. Устанавливался доверительный тон, и понемногу разговор приближался к главному. (Мне не приходится по памяти реставрировать подробности этой встречи, они записаны мной тогда же. И также все, что привожу из сказанного тогда

Г.К. Жуковым) Маршал Г.К. Жуков сказал: «Я не знал, что Гитлер был обнаружен. Но вот я прочитал об этом у вас и поверил. Хотя ссылок на архивы и нет, как принято делать. Но я верю вам, вашей писательской совести. Я пишу воспоминания, — повторил он. — И сейчас как раз дошел в них до Берлина. И вот я должен решить, как мне об этом писать». — Он говорил неторопливо, однотонно, раздумчиво. — «Я этого не знал. Если я об этом так и напишу, что не знал, это будет воспринято так, что Гитлер найден не

был. Но в политическом отношении это будет неправильно. Это будет на руку нацистам». Помолчав, он сказал: «Как это могло случиться, что я этого не знал?» Он хотел это уяснить с моей помощью. Это был его главный вопрос ко мне. Мне бы следовало предвидеть, что такой вопрос возникнет. Но по дороге к маршалу Жукову я почему-то не думала об этом. В самом деле, как это могло случиться, что командующий войсками, штурмовавшими Берлин, не знал, что его воины, овладев имперской канцелярией, в подzemелье которой находился Гитлер с остатками своего штаба, нашли Гитлера, покончившего с собой? Такой важный и престижный факт для полководца, приведшего свои войска в Берлин. Он вправе был спросить и так: как смели не доложить ему об этом? Было с чего впасть не то что в недоумение, а в самый яростный гнев, если б знать, кому адресовать его, и если б многое другое в предшествующие нашей встрече годы не было бы его гневу ближе и существеннее. И он всего лишь спросил: как могло так случиться? Я знала, что все, связанное с обнаружением и опознанием трупа Гитлера в те майские дни, держалось в строгом секрете и докладывалось прямо Сталину — по его распоряжению, — минуя командование фронтом, то есть маршала Г.К. Жукова. Почему было так, это мог бы разъяснить только Сталин. «Не может быть, чтобы Сталин знал, — решительно отверг Г.К. Жуков. — Я был очень близок со Сталиным. Он меня спрашивал: где же Гитлер?» — «Спрашивал? Когда?» — «В июне, числа девятого или одиннадцатого». — «К этому времени Сталин уже давно все знал, провел проверку и удостоверился». — «Но ведь он меня спрашивал: где же Гитлер?» — «Очевидно, не хотел дать понять, что знает». — «Зачем?» - «Действительно, зачем?» Разговор Елены Ржевской с Георгием Константиновичем Жуковым длился долго, и они все время возвращались к роковому вопросу: почему Сталин скрыл все от своего заместителя, почему он обманул его и заставил перед всем миром говорить неправду? «При любых обстоятельствах я должен был знать об этом. Ведь я был заместителем Сталин» Почему Сталин вел себя так? Ржевская видит в этом преддверие грядущих изменений в судьбе Жукова, который вскоре попал в немилость. Я готов с этим согласиться, но добавлю следующее: скрывая разбирательство по «делу Гитлера» от Жукова, Сталин как бы переносил на него свое затаенное недовольство злосчастным фактом, что Гитлера поймать не удалось.

Во время празднования 55-летия ВИИЯ КА бывшие выпускники военных лет вспоминали: «Мы, преподаватели иностранных языков, - вспоминает профессор Е. Гофман, - должны были не только обучать языку, но и сообщать нашим слушателям те знания, которые действительно были им необходимы для работы в разведке. Иногда мы были вынуждены даже переквалифицироваться. Например, я, преподаватель немецкого языка, читал лекции по организации немецких вооруженных сил. Конечно, со временем выпускники курсов получали именно те знания, которые требовались на фронте, но первым выпускникам пришлось нелегко».

Очень многому научил слушателей курсов преподаватель Б. Шванебах. Йемен по происхождению, очень точный и педантичный человек, он в совершенстве знал не только родной язык, но и организацию и вооружение вермахта. Именно он первым начал использовать оригинальные материалы 30-х и даже 40-х годов и познакомил будущих военных переводчиков с современной немецкой военной терминологией. Были среди преподавателей и политэмигранты антифашисты. Часто они почти не знали русского, зато могли сообщить своим слушателям очень ценную информацию не только о своем языке, но и об особенностях общения на нем. Вспоминая о первых уроках румынского языка и своем первом преподавателе, писатель Ирина Огородникова рассказывала:

«Фамилия ее - Никульча. Она очень хотела нас научить, хотя почти не знала русского языка. Помню, однажды она познакомила нас с румынской народной поговоркой. А как объяснить? Книг нет, учебников, словарей - тоже, все устно. И чтобы пояснить смысл, она нам говорит о какой-то женской особенности лошади. И мы догадались: речь шла о кобыле. Самое удивительное, это нас нисколько не развеселило, мы прекрасно все

поняли. И когда позднее мы допрашивали румынских пленных, никаких трудностей понимания у нас ухе не было. Главные трудности были позади...»

Желание слушателей курсов в короткие сроки стать полезными фронту было настолько велико, что, несмотря на все трудности, удавалось в очень короткие сроки готовить кадры военных переводчиков.

«Нас учили корифеи, - вспоминала выпускница курсов М. Котляр, - что ни преподаватель, то личность, мастер своего дела. Они заменяли своей личностью все: словари, пособия, разговорники. Специально нас не воспитывали, но каждый старался скорее получить необходимые знания, чтобы уехать на фронт».

Уже в ноябре 1941 г. первые военные переводчики отправились на фронт. Вот что писал «с места событий» домой поэт и офицер-переводчик Павел Коган:

«...Пишу на Куйбышевском вокзале. Мы - на фронт! Ребята спят на полу, умаялись. А я смотрю на «мальчиков из гуманитарных вузов», на лейтенантов Отечественной войны и почему-то именно поэтому думаю о том, что у меня хватит сил на все. Ничего не пишу, а просто каждый день мой «сам» пишет книгу. Очень горькую и очень мужественную».

Один из первых выпускников курсов военных переводчиков писатель И. Левин рассказывал о своем первом «боевом» крещении:

«Не знаю, каким образом мне удалось попасть в один из первых выпусков, который состоялся 18 ноября 1941 г. Приехали мы в Москву в резерв Ставки ВГК. И так получилось, что 1 декабря над Москвой сбили немецкий самолет «Юнкерс-88», взяли в плен сразу двух летчиков и решили их допрашивать в Ставке. Нашему командованию было важно знать: видят ли немцы с воздуха, как на помощь Москве идут из Сибири, с Дальнего Востока, Средней Азии свежие дивизии, не догадываются ли они о нашем контрударе? Поскольку по документам я - специалист военного перевода, меня зовут, так как никого другого не было под рукой.

Имя, фамилию - это все я узнал, а вот спрашивают, какой они воздушной эскадры? Мучительно соображаю, как же по-немецки «эскадра»? Ведь до авиации мы еще на курсах не дошли. До сих пор не могу сам себе объяснить, почему в голову пришло слово «швадриль». Слово это засело крепко, и я, приставляя к нему разные артикли, пытался выведать у пилотов сведения об их «швадрили». А немцы молчат. Один допрашивающий даже возмутился: «Вот сволочи! Не хотят разговаривать!» И тогда один, довольно молодой генерал с Золотой Звездой говорит: «Слушай, я когда был в Испании, по-немецки эскадра называлась «гешвадер». Услышав «гешвадер», немцы сразу оживились: «Яволь», - кричат, - «Яволь!». А генерал сразу понял, с кем имеет дело и приказал меня прогнать и дать ему настоящего переводчика. Я думал, что после столь позорного провала на моей переводческой карьере должен быть поставлен крест. Но не учел главного: голод на людей, знающих язык, имеющих представление о немецкой армии, ее структуре, был настолько велик, что понадобились и мои мини-знания: меня послали переводчиком в 13-й кавалерийский корпус на Волховский фронт».

Все больше и больше выпускников отправлялись на фронт. Начались для них фронтовые будни, а положение бывало столь напряженным и потери столь велики, что прибывшие в свои соединения лейтенанты-переводчики немедленно назначались командирами подразделений и шли в бой. Военный перевод приходил позже, а сначала был бой. Немало выпускников курсов погибло тогда, возглавляя стрелковые подразделения, а те, кто выжил, столкнулись сначала с колоссальными трудностями.

Опять свидетельствует И. Левин: «Когда мы пошли в прорыв, появились пленные. Естественно, от меня командир корпуса генерал Николай Иванович Гусев ждет, что я ему буду докладывать, но надо знать немца образца 1941 года. Нахальный, наглый, самоуверенный. Где происходит наша беседа? На берегах Волхова, в глубине России. Он считает, что завтра падет Ленинград, послезавтра - Москва и вообще уже все «в кармане». А с кем он имеет дело? С мальчишкой, не знающим толком языка, военной терминологии,

ничего. Мне обидно до слез. И вот я иду к своему генералу и прошу перевести меня в строй. Генерал Гусев немного помолчал, а потом сказал слова, которые я помню до сих пор:

- Дело свое ты, сынок, знаешь плохо.

- Так точно!

- Так вот, сынок, иди и дело свое изучай в совершенстве. Сейчас мы все учимся, от рядового до маршала. Вот когда каждый из нас овладеет своим делом, тогда и придет победа. Иди и учи язык, изучай врага, а заменить тебя здесь, в тылу у немцев, некем.

И пошел я выполнять приказ своего командира»...

Но время шло. Менялось положение на фронтах, другими стали и пленные.

«Когда в начале 1943 г. я попала на фронт, - вспоминает М. Котляр, - немцы уже кричали, что их родственники - коммунисты, и что они сами - противники Гитлера... Помню одного. Он очень боялся Сибири, о которой ему много наговорили, и старался сказать мне все. А так как начальник разведотдела в то время почему-то считал, что вот-вот должна начаться химическая война, он задавал ему все время вопросы о ней. Немец тут же сходу начал отвечать, мешая реальные факты с различными домыслами. В общем, всякое наплел. Когда мы после допроса стали анализировать все это, то пришли к выводу: надо его допросить вторично. Только тогда удалось отделить реальные факты от домыслов, а также установить, зачем это понадобилось пленному. Оказалось, он очень старался нам понравиться, угодить».

Военному переводчику надо было постоянно быть начеку. Конечно, многие пленные кричали «Гитлер капут», но были и другие. И. Левин заметил: «А были всякие. Были и подсланные. Была агентура, которая пыталась нас ввести в заблуждение. И самое интересное: мы писали протоколы допросов, а немец не подписывался под ними. Подписывались мы - военные переводчики. Отвечал не тот, кто говорил, а тот, кто допрашивал, а потом делал вывод и докладывал начальству. Вот такое было правило».

В этих условиях переводчику необходимо было не только знать язык, но и быть хорошим психологом и аналитиком. Н. Берников, бывший в годы войны начальником отделения печатной пропаганды Главного политического управления, вспоминал:

«На 1-м Украинском фронте случилась такая история. Мальчишки обнаружили человека в гражданской одежде, который плохо говорил по-русски. Начали допрашивать, определили, что это все-таки немец. А дальше дело застопорилось. Пленный все время повторял, что заблудился. Чтобы усыпить его бдительность, я начал с того, что задал ему ряд вопросов о том, чем он занимался до армии. Выяснил, что был строительным рабочим, строил автобаны, что приходилось и взрывными работами заниматься. Потом был в военной школе и тоже там занимался взрывными работами. После этого мне оставалось лишь подвести итоги. И я сказал пленному примерно следующее: «У вас вся жизнь связана с взрывными работами. Думаю, что и сейчас вы хотели что-то взорвать». Пленный признался, что их группа из трех человек собиралась взорвать мост. Прочесали лес, обнаружили еще двух немцев. Диверсия была предотвращена».

В так называемом Курляндском котле, на территории Латвии, в конце 1944 г. была блокирована сильная группировка немцев под командованием генерал-полковника Шернера. Используя резкопересеченную местность, противник создал сильную оборону. Но вот наша авиационная разведка доложила, что наблюдается движение немецких войск к одному из участков фронта. Невероятно, но факт: эти данные свидетельствовали о намерении немцев наступать. Решили проверить. В тыл к немцам отправился военный переводчик Н. Ветлов. Вот как описал он эту свою «одиссею».

«Меня переодели в немецкую форму, дали трофейный «шмайсер». Саперы проделали проходы в минных полях, и довольно благополучно мне удалось перейти линию фронта и выйти в указанный район. Также легко я прошел к дороге, за которой надо было наблюдать. Сижу и отмечаю немецкие танки, орудия, бронемшины,двигающиеся в предполагаемый район сосредоточения. При этом двигались они,

практически не соблюдая правил маскировки. Вечером, когда я собрался отдохнуть, вновь услышал гул машин. По дороге, теперь уже в обратном направлении, опять шли танки, орудия, бронемашины. Причем количество единиц боевой техники было абсолютно таким же, что и утром. Наблюдение дало мне возможность раскрыть очень простую хитрость немцев: днем, на виду нашей авиации немецкие колонны двигались к району сосредоточения, а в сумерках отходили на исходные позиции. Сделав такое открытие, я решил пробраться в предполагаемый район сосредоточения немцев. Как ни странно, но здесь меня тоже ожидал сюрприз - увидел прикрытые лапником «танки» из крашеной фанеры, бревна, обозначающие стволы орудий. Одним словом, это был ложный район сосредоточения, но охранялся, немцы меня обнаружили и, видимо, решили узнать, что это за унтер болтается вне расположения своего подразделения. И тут я услышал лай собак. Чтобы сбить их со следа, бросился в камыши, а затем пошел вдоль берега озера прямо по воде. В горячке я даже не ощущал, что вода-то ледяная. Наконец, промокший, окоченевший, выбираюсь на берег уже на нейтральной полосе. Обессиленный, ползком подбираюсь к кустам и... в этот момент получаю сильнейший удар по голове: меня «берут в плен» наши же разведчики. Оглушенный, не очень соображаю, что со мной происходит. А русский язык, на котором я пытаюсь объясниться с солдатами, приводит их в ярость: они принимают меня за власовца - ведь я в немецкой форме!

- Я - свой, свой, - убеждаю я разведчиков. - Молчи, сволочь, - слышу в ответ.

В конце концов, когда я уже совсем окоченел, солдаты решили доставить меня в штаб, где доложил результаты разведки лично командующему армией. Награжден был орденом и немедленно отправлен в госпиталь. Там меня оттерли, напоили горячим чаем, а наутро я проснулся в полном здравии: даже насморка не было».

...Это случилось в самом конце войны, 30 апреля 1945 г. Нашим войскам была поставлена задача - атаковать старинный университетский город Грейфсвальд, чтобы затем выйти на побережье Балтийского моря. И вдруг за несколько часов до начала наступления в расположении наших войск появились немецкие парламентареры, имевшие мандат от военного коменданта полковника Петерхагена на сдачу города. Их принял командующий армией генерал И. Федюнинский, установивший условия капитуляции, с которыми они согласились, но попросили, чтобы официальный представитель советского I командования лично передал эти условия военному коменданту.

О том, как развивались события дальше, рассказывает И. Левин:

«В ту же ночь Федюнинский посылает меня в Грейфсвальд парламентарером и дает мне двух автоматчиков для сопровождения. Я еду. Обстреляли при въезде, но мы прорвались. Ночь. Три часа утра. На плацу выстроился многотысячный строй немцев: автоматчики под глубокими касками, тяжелые пулеметы, и здесь же стоит полковник и несколько офицеров. Вот такая компания. Говорю об условиях капитуляции, которые передал командующий. Рассказал им о политической стороне дела, о том, что пришли не бандиты, не варвары, что мы не собираемся их заковывать в кандалы, что мы пришли как враги фашизма и друзья трудового немецкого народа. Немцы слушали тихо. Тем более тут командир рядом стоит. И только когда я сказал: «Смерть фашизму!», раздались крики, но полковник скомандовал, и вновь наступила тишина. Затем он приказал уйти в казармы побатальонно сложить оружие. Так без единого выстрела, без единой капли крови этот город был взят.

За это я получил орден, а ребята, которые меня сопровождали, - медали «За отвагу».

Однако так было не всегда. Гуманная миссия парламентарера нередко обрывалась расправой: убийством, коварным выстрелом из-за угла. В феврале 1945 г. военный переводчик 3-го Украинского фронта капитан Остапенко был послан в качестве парламентарера к командованию окруженной группировки немецко-фашистских войск под Будапештом с ультиматумом о капитуляции. Фашисты расстреляли Остапенко, обрекая тем самым на смерть тысячи людей.

Родные братья разведчиков - так назвал военных переводчиков писатель и сам бывший разведчик Владимир Карпов. «Разведку всегда называли, - писал он, - глазами и ушами армии. Соглашаясь с этим образным определением, надо непременно добавить, что качество информации, которую получали от пленных, зависело в значительной степени от искусства переводчиков». И действительно, от искусства переводчиков и, в частности, от результатов допроса пленных, анализа трофейной документации, перехватов сообщений по радио и телефонных переговоров зависели, в конечном итоге, успешные подготовка и проведение боевых операций.

Закончилась война. По-разному сложились дальнейшие судьбы фронтовых переводчиков. В писательском труде раскрыли свое дарование Б. Ржевская, Л. Безыменский, И. Левин. Переводчиками самого высокого класса стали И. Огородников и Л. Парпаров. Мировое признание получило музыкальное творчество фронтового переводчика, выдающегося композитора современности - А. Эшпая. С журналистикой связал свою судьбу Н. Берников. В военной педагогике нашли свое призвание Н. Ветлов, М. Котляр и Е. Гофман. Известным фотохудожником стал А. Гершман. Обо всех и не расскажешь. Ведь было их более пяти тысяч. Многие погибли на войне...

«Бывают моменты истории, - пишет Е. Ржевская, - когда вся лучшая часть молодого поколения захвачена потоком времени, вся самая активная, самая надежная его часть. И поток этот устремлен не к какой-либо выгоде, не к материальному благу, а к сражению, к смертельному сражению, в котором совсем поредеет этот поток. Выпасть из него - значит изменить делу поколения».

Фронтовые переводчики были захвачены именно этим потоком».

ВУМО (Военный университет Министерства обороны, бывший ВИИЯ КА) - одно из ведущих учебных заведений нашей страны. За годы своего существования в его стенах было подготовлено более 30 тысяч высококлассных специалистов.

Примечания:

Выпускники Военного института иностранных языков Красной Армии

Азарх Лев Сергеевич родился в Москве в 1922г., учился в 1 МГПИИЯ, окончил в 1943г. ВИИЯ, служил в 223 стрелковом полку 53 стрелковой дивизии Юго-Западного фронта военным переводчиком, затем - в разведотделе штаба 33 Трансильванского стрелкового корпуса до 1945г.

Анчаров Михаил Леонидович родился 28 марта 1923 г. в Москве. Отец - Леонид Михайлович Анчаров - инженер-конструктор электролампового завода; мать - Евгения Исаевна Анчарова - преподаватель немецкого языка. В 1938-1940 гг. написал песни на стихи А. Грина, Б. Корнилова, В. Инбер. В 1940 г. после окончания средней школы поступил в Московский архитектурный институт. В начале Великой Отечественной войны по направлению военкомата поступил в Военный институт иностранных языков Красной Армии (ВИИЯКА). В октябре 1941 г. институт перевели из Москвы в Узбекистан, затем в 1942 г. - в Ставрополь. По окончании восточного факультета ВИИЯКА (в 1945 г.) в качестве переводчика китайского языка направлен на дальневосточный фронт. Участвовал в военных действиях в Маньчжурии. Во время учебы в ВИИЯКА написал первые песни на собственные стихи («Песня о моем друге-художнике», «Прощание с Москвой»). Демобилизовался из армии (1947), окончил факультет живописи МГХИ им. Сурикова. В первые послевоенные годы написал песни на стихи своих друзей по ВИИЯКА (В. Туркина, Л. Старостова). Окончил в 1958-1963 курсы киносценаристов. Автор сценариев кинофильмов «Мой младший брат» (1962), телефильмов «Аппассионата» (1963), «В одном микрорайоне» и «Москва. Чистые пруды» (1978), Написал более 20 песен, в том числе «Цыган-Маша», «Сорок первый», «Песня про органиста», «Баллада об относительности возраста», «МАЗ». Автор книг: «Теория невероятности», «Сода-солнце» (1968), «Золотой дождь», «Страстной бульвар» (1978), «Самшитовый лес», «Роль», «Цель» (1985): «Записки странствующего энтузиаста», «Козу продам» (1988). «Как птица Гаруда», либретто оперы «Рыжая лгунья и солдат», пьес «Драматическая песня», «Слово о полку» (1971)

Из воспоминаний Вадима Кожевникова: «Михаил Леонидович Анчаров... Его уже нет среди живых. 11 июля 1990 года - почти середина лета - безжалостная старуха, которую чаще зовут Смертью, посетила Поэта. Она пришла не в гости... Урна с прахом захоронена в колумбарии Нового Донского кладбища в Москве. Он ушел из жизни с достоинством и скромно. Без заслуженных почестей. Впрочем, как и жил - без должного, на мой взгляд, внимания и признания тех, для кого он, собственно, и творил. Всю жизнь. Пробуя себя в песнях и стихах, живописи и графике, драматургии и прозе. Вероятно, как это принято в российской практике, все впереди. А возможно, он сам так хотел. Анчаров родился и вырос на Благущей, которая тогда была окраиной Москвы. Год его рождения - 1923-й. Год рождения тех, кто первыми взяли в руки оружие, когда пришла война... Война здорово повлияла на его творчество. Но до войны еще были и детская изостудия, и музыкальная школа, разумеется, параллельно со средней, и были первые песни. Михаил Анчаров в 1941 году, с первого курса Архитектурного института Анчаров пошел в армию, был десантником. Затем, в 1944, окончив ВИИЯКА (Военный институт иностранных языков Красной Армии), был направлен в качестве переводчика китайского языка на Дальневосточный фронт, воевал в Маньчжурии. Песня «Рыжим морем на зеленых скамьях». Стихи написаны совместно с В. Туркиным. Туркин Владимир Павлович (1924-1982) - поэт, учился вместе с М. Анчаровым в ВИИЯКА. В. Юровский писал: «В то время он был длинный такой солдат, такой смешной и удивительно обаятельный парень. Мы воевали с ним сначала вместе, потом отдельно. Первый куплет в песне «Рыжим морем на зеленых скамьях...» Туркин взял из моего стихотворения. А музыка там целиком моя.

Именно поэтому этот стих («Приду!») песней не стал. У меня такой характер: как притронется кто-нибудь к моей песне, так она уже теряет для меня интерес». Анчаров написал «Гимн» второго факультета ВИИЯКА. После демобилизации Анчаров поступает в МГХИ им. Сурикова, Московский государственный художественный институт, на отделение живописи.

Арзуманова-Гейн Нина Владимировна родилась в 1919 г. в д. Перхушково Московской области. В 1937 г. поступила в Первый МГПИИЯ, затем - на военном факультете Второго МГПИИЯ. Откомандирована в распоряжение ГРУ, работала переводчиком в лагерях военнопленных, После окончания адъюнктуры ВИИЯ в 1951 г. назначена зав. кафедрой немецкого языка, затем работала в органах КГБ. После демобилизации в 1960 г. в звании подполковника заведовала кафедрой немецкого языка на высших курсах иностранных языков МВТ, с 1969 г. - зав. кафедрой Дипломатической академии МИД СССР. Награждена орденом Красной Звезды и Знаком Почета.

Бабкин Петр Николаевич уроженец Кировской области. Первый военный комиссар ВИИЯ КА (1942 г.), зам. начальника института по политической части, комиссар военного гарнизона г. Ставрополь. Участник Великой Отечественной войны.

Безыменский Лев Александрович - профессор академии военных наук, родился 30 декабря 1920 года. Окончил школу в 1938 году и поступил в Московский институт философии, истории и литературы (философский факультет). В августе 1941 года призван в армию рядовым бго запасного инженерного полка. Затем учился на курсах военных переводчиков (город Орск) и в Военном институте иностранных языков (город Ставрополь). С мая 1942 года на Юго-Западном фронте в должности офицера 394го отдельного радиодивизиона Особого назначения. Спустя полгода его перевели в разведотдел штаба Донского фронта, командующим которого был генерал-лейтенант К. К. Рокоссовский. Л. Безыменский стал переводчиком, затем старшим переводчиком фронта, заместителем начальника информационного отделения. В качестве переводчика ему выпала историческая миссия - принимать участие в допросах генерал-фельдмаршала Паулюса и других немецких генералов, плененных в Сталинграде. В январе 1943 года Л. А. Безыменский был переведен в разведотдел штаба Донского фронта. Разведотделу было приказано определить количество войск противника в кольце окружения. Разведотдел допустил серьезную ошибку, доложив, что окруженная группировка противника насчитывает 80-90 тысяч солдат и офицеров. В действительности там находилось до 250 тысяч человек личного состава, 300 танков, более 4000 орудий и около 100 боевых самолетов. Штаб фронта дислоцировался в заснеженной степи на хуторе Заварыгин. В одном из домиков располагался командующий Донским фронтом К. К. Рокоссовский. После отклонения немецким командованием ультиматума о капитуляции (над его переводом на немецкий язык работал и Л. А. Безыменский войска Донского фронта 10 января 1943 года перешли в наступление. Через две недели стали поступать сообщения о пленении генералов противника, которых направляли в Заварыгин.

Начальник разведотдела штаба фронта генерал-майор И. В. Виноградов приказал Безыменскому переодеться в солдатскую форму и под видом заступающего на смену караульного слушать разговоры между пленными. Так выяснилось, что командующий бй армией генерал-фельдмаршал Ф. Паулюс находится в подвале сталинградского универмага. 31 января Паулюс, его начальник штаба генерал Шмидт и адъютант полковник Адам были взяты в плен. В штабе 64й армии, пленившей Паулюса, состоялся краткий допрос. Затем фельдмаршала и его подчиненных доставили в Заварыгин, где для пленных столь высокого ранга был выделен отдельный дом. Ночью 1 февраля было приказано привезти Паулюса в дом, где находились представитель Ставки Верховного Главнокомандования генерал-полковник артиллерии Н. Н. Воронов командующий

фронтом К. К. Рокоссовский. Везли Паулюса в «эмке». В ней же находился и Л. А. Безыменский. В прихожей дома Паулюс осведомился у него, как различить Воронова и Рокоссовского. Получив разъяснения, он вошел в комнату. На допросе Паулюсу рекомендовали обратиться к остающимся в «котле» войскам с предложением в целях сохранения жизней прекратить бессмысленное сопротивление. Генерал-фельдмаршал Паулюс отказался, мотивируя это тем, что он уже не командующий. Как вспоминает Безыменский, после допроса Паулюс пожелал вернуться в отведенный ему дом пешком, пояснив это желание тем, что давно не видел звездного неба. Вскоре фельдмаршалу пришлось отвечать на вопросы не только военных, но и гражданских лиц. Поскольку капитуляция 6-й армии вызвала ярость у гитлеровского руководства, нацистская пропаганда распространяла самые различные версии, будто Паулюс погиб во главе сражающихся войск или он попал в плен тяжело раненным и находится под воздействием каких-то препаратов. Вот эту дезинформацию необходимо было срочно разоблачить. В Москве решили направить в Заварыгин группу аккредитованных в Советском Союзе корреспондентов союзных держав, чтобы они сами задали пленному фельдмаршалу интересующие их вопросы. Л. А. Безыменскому было приказано сообщить Паулюсу о предстоящей встрече с журналистами. Фельдмаршал воспринял сообщение русского переводчика без восторга и ответил: «Нет». Затем согласился на встречу при условии, что ответит лишь на несколько вопросов. 4 февраля 1943 года прибывшие из Москвы журналисты подошли к дому, где находился Паулюс. Безыменский попросил фельдмаршала выйти к журналистам. Паулюс выполнил просьбу. Лицо его было мрачным, губы крепко сжаты. По словам Безыменского, это была самая короткая пресс-конференция из всех, на которых он присутствовал. Вопросы задавал английский журналист, владевший русским языком. Вопросы на немецком и ответы Паулюса переводил Л. А. Безыменский. Дословно они звучали так.

Английский журналист: «Как ваше имя?»

Паулюс: «Фридрих Паулюс».

Английский журналист: «Ваше воинское звание?»

Паулюс: - Генерал-фельдмаршал немецких вооруженных сил.

Английский журналист: «Сколько вам лет?»

Паулюс: - «Пятьдесят два».

После победы под Сталинградом переводчик Безыменский служил в разведотделах штабов Центрального, 1-го Белорусского фронтов, в разведуправлении Группы советских войск в Германии. После капитуляции Германии он был в составе следственной группы, допрашивавшей в июне 1945 года главных немецких военных преступников Геринга, Кейтеля, Йодля, Деница. Демобилизовался Л. А. Безыменский в октябре 1946 года. Затем окончил философский факультет МГУ (1948), поступил на работу в журнал «Новое время» литсотрудником. Затем стал членом редколлегии этого журнала, членом Союза журналистов СССР. Как корреспондент журнала «Новое время» освещал работу Берлинской (1954) и Женевской (1955) сессий Совета министров иностранных дел четырех держав. Член КПСС с 1943 по 1991 год. В 1972 году защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Был избран членом Совета Центра германских исторических исследований при Институте всеобщей истории РАН. С 1995 года - профессор Академии военных наук РФ. Член Совета ветеранов Союза писателей Москвы.

Работал постоянным корреспондентом «Нового времени» в ФРГ (1971-1976, 1981-1982). Выпустил ряд книг: «Германские генералы с Гитлером и без него» (1961), «Особая папка «Барбаросса» (1972), «Конец одной легенды» (1972), «Разгаданные загадки третьего рейха» (1984), «Укрощение «Тайфуна» (1987), «Тайный фронт против второго фронта» (1987), «Человек за спиной Гитлера» (2000), «Будапештский мессия» (2001) и др. Книги переводились на многие европейские языки. Л. А. Безыменский награжден

орденами Трудового Красного Знамени, Отечественной войны I степени, двумя орденами Отечественной войны II степени, орденами Красной Звезды, «Знак Почета», 22 медалями СССР, медалью «За мужество на поле боя» (Польша). Будучи переводчик Г.К. Жукова, Лев Безыменский вспоминал: «В ночь на 1 мая меня, офицера штаба Белорусского фронта, разбудили около трех часов ночи и приказали явиться к командующему. Это было в городке Штрауссберг, немного восточнее Берлина. Я бегом направился в подземное укрытие, где располагался командный пункт. За столом сидело все командование фронта: Жуков, начальник штаба Малинин, заместитель командующего Соколовский - весь генералитет...

Маршал протянул мне небольшой плотный листочек бумаги и сказал:
- Переводите!

Текст был напечатан неестественно большими буквами. Потом я узнал, что это так называемая «пишущая машинка фюрера» - «фюрерштрайбмашине»... Это было письмо, подписанное Геббельсом, в котором он извещал Сталина о самоубийстве Гитлера...»

Безыменский переводил, Жуков слушал, а генерал Бойков, держа в руках трубку ВЧ, диктовал перевод дежурному генералу ставки Сталина:

«Я сообщаю вождю советского народа как первому из не немцев, - писал Геббельс, - что сегодня 30.4.1945. в 15.30 минут добровольно ушел из жизни фюрер... Я уполномочил Бормана установить связь с вождем советского народа. Эта связь необходима для мирных переговоров между державами, у которых наибольшие потери».

В 13 часов Кребс покинул штаб 8-й армии и возвратился в бункер. На случай возможных переговоров между штабом советской армии и бункером была установлена прямая телефонная связь. Вскоре Чуйкову доложили, что Геббельс хочет говорить с командующим или с представителем правительства. Однако советская сторона ответила отказом. Сталин, узнав о самоубийстве Гитлера и предложениях Геббельса и Бормана, сказал: «Доигрался, подлец... Передайте Соколовскому, никаких переговоров, кроме безоговорочной капитуляции, ни с Кребсом, ни с другими гитлеровцами не вести».

Безыменский автор 20 историко-документальных книг, в прошлом разведчик, переводчик на допросах Паулюса, Геринга, Кейтеля и Деница, большой знаток Германии, распутавший немало загадок «третьего рейха».

Бочаров Анатолий Георгиевич родился в г.Тула в 1922 г. литературовед, критик.

В 1942-1943 гг. учился в Военном институте иностранных языков Красной Армии в г.Ставрополь Куйбышевской области. Военный переводчик. Участник Великой Отечественной войны. Окончил филологический факультет МГУ в 1950 г. Профессор МГУ с 1974г. Докторская диссертация «Человек и война. Некоторые проблемы социалистического гуманизма в послевоенной советской прозе о войне» (1970). Начал печатать свои произведения в 1950г. Автор книг «Советская массовая песня (1956), «Вилис Лацис» (1959), «Эммануил Казакевич» (1969), «Василий Гроссман» (1970), «Слово о победителях. Военная проза Эм. Казакевича» (1970), «Гуманизм современной советской литературы» (1973), «Воспитательная сила литературы» (1976). В центре внимания Бочарова - литература о Великой Отечественной войне, вопросы национальной специфики литературы. Скончался в 1997г.

Быкова Надежда Николаевна родилась в 1921 г. Училась в Ставрополе в ВИИЯ КА, в действующей армии в составе 77 гвардейской дивизии, войну окончила в Венгрии. После войны преподавала в ВИИЯ, Высшей дипломатической школе, в Академии Генерального штаба.

Ветров Николай Иванович - по окончании факультета английского языка 2 Московского МГПИИЯ ушел добровольцем в армию, обучался на курсах военных переводчиков при Военфаке в Ставрополе. Откомандирован в ГРУ Генштаба Красной армии. С января 1942 по июнь 1943 г. в составе военно-технической миссии СССР находился в командировке в Иране и Ираке в качестве переводчика английского языка. С января 1944г. по сентябрь 1945 г. в составе военной миссии СССР участвовал в боевых действиях народно-освободительной армии Югославии. После демобилизации с 1954 по 1959 г. - старший редактор радиокomiteта редакции радиовещания на Югославию, в 1968-1979 г. - сотрудник ГИПРОМЕЗа - института по проектированию металлургических заводов.

Награжден орденом Отечественной войны II степени, югославским орденом Партизанская звезда.

Волков Александр - адъютант ВИИЯ КА в Ставрополе, служил в разведотделе штаба Калининского фронта.

Гроссман Михаил Израэлевич обучался и преподавал "Организацию и тактику немецко-фашистской армии" в ВИИЯ КА в г.Ставрополе с октября 1941 по февраль 1943г. С февраля 1943г. - в действующей армии.

Девекин Валентин Николаевич, после окончания курсов военных переводчиков при ВИИЯ КА в Ставрополе, направлен переводчиком в разведотдел штаба Западного фронта. Позднее служил в радиоразведке, переводчиком в маневровой группе (1943), в 545 ОРД (1944-1945). После демобилизации в 1946г. обучался в ВИИЯ. Доктор наук, член Союза писателей СССР, критик, переводчик, профессор кафедры языков Московской

Злыднев Виталий Иванович родился в 1919г. в с.Уразово Валуйского района Белгородской области. Среднюю школу окончил в Москве в 1937 г. и поступил на филологический факультет ИФЛИ, в 1941 г. ушел добровольцем на фронт. В 1941 г. преподавал на курсах военных переводчиков в Ставрополе.

В действующей армии до октября 1944 г. служил начальником оперативного отделения в радиодивизионе ОСНАЗ на Южном, Сталинградском, Юго-Западном, 3-м Украинском фронтах, в северной оперативной группе Закавказского фронта. На должности начальника штаба 4 гвардейской стрелковой Апостолово-Венской Краснознаменной дивизии окончил войну в Австрии. После войны - аспирант славяноведения АН СССР, в 1969 г. защитил докторскую диссертацию по вопросам культуры и литературы славянских народов. С 1970 г. - зав. сектором института славяноведения и балканистики АН СССР, автор 2000 научных работ, эксперт ЮНЕСКО по славянской культуре, секретарь Международной ассоциации по изучению и распространению славянских культур.

Изаксон Гораций Эммануилович родился в Москве. В 1941-1942 гг. учился на курсах военных переводчиков в Ставрополе Куйбышевской области. Руководил джазовым оркестром. Участник Великой Отечественной войны.

Кац Сигизмунд Абрамович родился 4 апреля 1908 г. в Вене. Русский композитор.

В 1941-1942г. учился на курсах военных переводчиков при Военном факультете иностранных языков Красной Армии в г. Ставрополь Куйбышевской области. Участник Великой Отечественной войны. Автор оперы "Капитанская дочка" (1936-1939), оперетт "Взаимная любовь" (1940), "Чемпион мира" (1950), "Звездный рейс" (1965), "Предел моих мечтаний" (1963), кантаты "Казачья слава" (1946), симфонической сюиты "В

Закарпатской Украине” (1952), произведений для духового, эстрадного оркестров, инструментальных ансамблей. Лауреат государственной премии СССР (1950) за песни “Сирень цветет”, “Шумел сурово Брянский лес”, “Как у дуба, у старого”, “Заздравная”. Народный артист СССР. В числе его произведений “Два Максима”, “Здравствуй, столица”, “Дай руку, товарищ далёкий”, музыка для театра, кино, радио, цирка.

Кессельман Лев учился на курсах военных переводчиков в Ставрополе в 1941 г. Переводчик 299 дивизии 53 Армии 2-го Украинского фронта. Погиб в 1944 г.

Коган Павел Давыдович родился 4 июля 1918 г. в Киеве. Русский поэт. В 1936 г. поступил в МИФЛИ, с 1939 г. занимался в Литературном институте им. Горького.

В 1941 г. добровольцем ушел на фронт, в октябре 1941 г. - феврале 1942 г. учился на курсах военных переводчиков при Военном факультете иностранных языков в г.Ставрополь Куйбышевской области. На фронте Павел Коган не писал стихов, он считал, что для этого не пришло время, - надо быть солдатом. В одном из писем с фронта поэт писал: “Здесь жили люди. Теперь люди не живут. Такого понятия здесь вообще нет, - теперь люди воюют”. Так понимал свой долг перед Родиной. В 1937 г. он писал о надвигающейся военной грозе:

“..Там поднимается эпоха
И я патроны берегу.
Я крепко берегу их к бою.
Так дай мне мужество в боях.
Ведь если бой, то я с тобою,
Эпоха громкая моя”.

Под следующим стихотворением дата - 1939 год:

“Сквозь вечность кинутые дороги,
Сквозь время брошенные мостки,
Во имя юности нашей суровой,
Во имя планеты, которую мы
У моря отбили,
Отбили у крови,
Отбили у тупости и зимы,
Во имя войны сорок пятого года”.
И еще через год:
“Мое поколение -
это зубы сожми и работай.
Мое поколение -
это пулю прими и рухни.
Если соли не хватит -
хлеб намочи потом,
Если марли не хватит-
портянкой замотай тухлой”.
“Нам лечь, где лечь,
И там не встать, где лечь.
...И задохнувшись “Интернационалом”,
Упасть лицом на высохшие травы
И уж не встать...”

Он обращался в стихах к потомкам, словно торопя их суд, на котором, он уверен, будет понят и оценен подвиг его поколения.

Павел Коган погиб в разведке под Новороссийском 23 сентября 1942 г. В стихах поэт предвидел свою гибель:

“Когда-нибудь в пятидесятых
Художники от мук созреют,
Пока они изобразят их,
Погибших возле речки Шпрее”.

Летом 1942 г. родные получили от Павла Когана письмо: «Что писать о себе: жив, здоров, бодр, воюю... Только здесь, на фронте, я понял, какая ослепительная, какая обаятельная вещь-жизнь. Рядом со смертью это очень хорошо понимается. И ради жизни, ради Оленькиного смеха, ради твоей седой чудесной головы я умру, если надо будет, потому что человек с нормальной головой и сердцем не может примириться с фашизмом... Люди и фашисты не могут ужиться на одной планете».

Павел погиб в суровые дни 1942 года под Новороссийском, возглавляя поиск разведчиков. На переднем крае он встретил последний день своей жизни. Ветер суровой романтики в последний раз прошумел тогда над ним.

При жизни Коган не печатался. Его стихи начали появляться в печати в середине 50-х годов, а затем составили сборник “Гроза” (1960). В коллективном сборнике “Сквозь время” (1964) опубликован неоконченный роман в стихах Когана “Первая треть” и воспоминания о поэте. Автор популярной песни “Бригантина”. В стихах Когана - яркая поэтическая исповедь молодого поколения участников Великой Отечественной войны, “мальчиков невиданной революции”. Романтика Когана сурова - на ней печать трудного времени, огнем проверяющего души людей, ответ надвигающейся военной грозы; она проникнута непримиримостью к расхождению между словом и делом. Стихи Когана переведены на многие иностранные языки.

Кожемякин Вениамин Ефимович родился в 1925 г., с июля 1943 по июль 1944 г. учился на курсах военных переводчиков при ВИИЯ КА, в действующей армии – на 1-м Белорусском фронте в составе разведотдела 247 стрелковой дивизии, затем - в 1-м стрелковом корпусе 69 армии. Прошел боевой путь от Вислы до Эльбы, награжден орденами Красной Звезды, Отечественной войны, медалями за освобождение Варшавы, Берлина. В 1945 г. переводчик коменданта Берлина, затем - генерал-лейтенанта Д.И. Смирнова.

Кондратьева Аделина Вениаминовна родилась в 1920 г. в Москве. В 1937-1938 гг. находилась в правительственной командировке в Испании. С апреля 1941 г. - слушательница Военного факультета при 2-м МГПИИЯ. В действующей армии с 1942 по 1943 гг. военный переводчик испанского и итальянского языков. В 1944 г. после окончания ВИИЯ КА стала преподавателем этого института. С 1949 г. в отставке. Награждена орденом Красной звезды. В 1950-1953 гг. - зав. кафедрой Московского педагогического института, в 1956-1966 гг. - преподаватель института мировой экономики и международных отношений АН СССР, с 1966 г. - старший научный сотрудник института международного рабочего движения АН СССР, кандидат исторических наук.

Корнилова Елена Вячеславовна работала в ВИИЯ КА с 1944 по 1956г. преподавателем английского и зав. кафедрой литературы. Автор многих учебных пособий для изучающих английский язык и литературу, автор работ по английской и американской

литературе. Сотрудничала в издательствах “Советская литература”, “Знания”, “Искусство”, “Литературная энциклопедия”, “БСЭ”.

Краснопевцева-Нарроевская Ирина Дмитриевна родилась в 1923 г. В 1941 г. после окончания 10 классов поступила слушательницей Военного факультета иностранных языков Красной Армии, обучалась в Ставрополе. После окончания института в 1944г. направлена на работу в Союзную Контрольную комиссию в Болгарии. В 1946 г. продолжила обучение в ВИИЯ, по окончании оставлена в адъюнктуре, до 1955 г. работала старшим преподавателем кафедры вторых языков. С 1965 г. работала в Московском энергетическом институте, а затем - в издательстве “Прогресс”.

Кружко Иван Федорович, родился в 1922 г. в Днепропетровской области.

Призван в армию в 1940 г. после окончания десятилетки. Учился в Ленинградском пехотном, а затем - в Киевском пехотном училище. В июне-августе 1941 г. участвовал в боях на Лужском направлении Ленинградской области. В октябре 1941 г. в г.Березняки направлен в составе группы из 15 фронтовиков в распоряжение Главного разведуправления, затем - на курсы военных переводчиков в г.Ставрополь Куйбышевской области. С мая 1942г. - на фронте, воевал на Калининском, Сталинградском, Донском, Степном, I и IV Украинском фронтах, участвовал в боях под Сталинградом, на Курской дуге, в Карпатах в качестве военного переводчика полка, дивизии, разведотдела корпуса, два раза выступал парламентаром (январь 1943 г. под Сталинградом и май 1945 г. в Чехословакии) при освобождении нашими войсками городов. После войны участвовал в строительстве 1-й атомной электростанции, в 1954 г. мобилизовался. Работал директором школы, начальником отдела НИИ в г. Истра. Награжден орденами Красной Звезды и Отечественной войны II степени.

Куликова Лидия Саввична окончила Военфак в Ставрополе в 1941 г. В действующей армии до 1945 г. Войну окончила в Венгрии.

Львов (Гец) Сергей Львович, писатель. Родился в Москве. С октября 1941 г. учился на курсах при Военном институте иностранных языков Красной Армии в г. Ставрополь Куйбышевской области, адъюнкт. С 1942г. преподавал в ВИИЯ КА, с 1943 г. - в Москве. Военный переводчик. Участник Великой Отечественной войны. Автор книги “Быть или казаться”.

Левин Иммануил Ильич (1915-1994), родился в Москве, в 1942 г. окончил курсы военных переводчиков при Военном факультете иностранных языков в Ставрополе Куйбышевской области. Участник Великой Отечественной войны, военный переводчик. После войны работал корреспондентом журнала “Крокодил”. Член СП СССР. Писатель. Автор книг “Воспоминания военного переводчика”, “Записки военного переводчика”. Скончался в 1994г.

Маслова Галина Алексеевна родилась и училась в Москве, после окончания 9 классов, в ноябре 1941 г. была направлена на курсы военных переводчиков в г. Ставрополь, где поступила на первый курс ВИИЯ КА. В апреле 1945 г. Г.А. Маслову, В. Черных-Семину, Е. Иванову, Л. Зеленову направили для выполнения спецзадания на 1-й Украинский фронт. Войну закончила в Дрездене. Преподавала в ВИИЯ КА. В 1957г. окончила филологический факультет МГУ. С 1961 по 1984 г. - преподаватель Высшей школы им. Дзержинского.

Минаева-Романова Ольга Георгиевна родилась в 1924 г. в Москве, с 1940 г. - студентка 2-го Московского педагогического института иностранных языков, с июля 1941

г. - на Военном факультете иностранных языков РККА в Ставрополе. С декабря 1942 г. - в действующей армии (Северо-западный фронт). С сентября 1944г. возобновила обучение в ВИИЯ КА. С 1948 по 1975 г. - преподаватель средней школы.

Мицкевич Анатолий Петрович родился в 1919 г. в Днепропетровске, в семье профессора физики. В 1941 г. окончил физический факультет МГУ. В первые дни войны добровольцем ушел в армию. Служил в Орской спецшколе. С февраля 1942 по июль 1943 г. учился на Военном факультете иностранных языков в г. Ставрополь Куйбышевской области. В августе 1943г. - отозван в Главное разведуправление Генерального штаба, где он служил до июня 1956г. Блестящее знание английского языка позволило ему стать переводчиком маршала Г.К. Жукова при подписании капитуляции гитлеровской Германии, маршала В.Д. Соколовского на переговорах с Д. Эйзенхауером, маршала А.М. Василевского при капитуляции Квантунской армии в Манчжурии. В Италии А.П. Мицкевич встречался с Пальмиро Тольятти и Луиджи Лонго. Награжден орденом Отечественной войны 2 степени, медалями “За боевые заслуги”, “За победу над Германией в Великой Отечественной войне”. После войны А.П. Мицкевич работал начальником отдела научно-исследовательского института, в 1952 г. защитил кандидатскую диссертацию по теме “К вопросу о дихроизме микрокристаллических пленок органических красителей”, имел 19 научных трудов. С 1956 г. инженер-майор Мицкевич работал в институте металлургии АН СССР, затем - в институте мировой экономики. Кандидат физико-математических наук А.П. Мицкевич - писатель-фантаст, известный под псевдонимом А.П. Днепров. Первое научно-фантастическое произведение А. Днепровского было опубликовано в 1958 г. Им написаны: сборник научно-фантастических повестей и рассказов “Уравнение Максвелла” (1960), “Мир, в котором я исчез” (1962), “Глиняный бог”, “Формула бессмертия” (1963). Творчество А. Днепровского было посвящено проблемам развития современной науки, её воздействия на жизнь общества. Книги писателя вышли во многих странах мира. Несколько лет А.П. Мицкевич работал научным редактором журнала “Техника - молодежи”. А.П. Мицкевич скончался в 1975 г.

Наркирьер Федор Семенович родился в Москве 16.10.1919 г. В августе 1941 г. с четвертого курса ИФЛИ призван в армию. До февраля 1942г. - курсант школы младших командиров, с февраля по декабрь 1942г. - наводчик, помощник политрука 317 отдельной зенитной артбатареи 26-й стрелковой дивизии 1-й Ударной Армии Северо-Западного фронта.

В декабре 1942 г. в боях под Демянском был тяжело ранен и полгода находился в госпитале. В апреле - октябре 1943 г. слушатель английского отделения 2 курса 1 факультета Военного института иностранных языков красной Армии в г. Ставрополь Куйбышевской области. С мая 1943 г. по апрель 1944 г. служил в качестве секретаря политчасти 202 запасного стрелкового полка спецчастей Западного фронта.

В 1944-1955 г. возглавлял кафедру литературы ВИИЯ КА. Кандидат филологических наук (1953), автор работ: “Творчество Поля-Вайяна Кутюрье” (1952), “Творчество Анри Барбюса” (1953). Награжден орденами Отечественной войны I степени, Красной звезды, медалью “За боевые заслуги”.

С 1953 г.- научный сотрудник Института мировой литературы им. Горького АН СССР, доктор филологических наук (1968), член СП СССР. Опубликовал пять книг:

“Роже Мартен дю Гар” (1963), “Французская революционная литература. 1914-1924” (1965), “Андре Моруа” (1974), “Французский роман наших дней. Социальные и нравственные искания”(1980), “Франсуа Мориак” (1983). Редактор и автор четырехтомной “Истории французской литературы” (1946-1963). Автор 200 печатных работ. Труды Наркирьера изданы в 7 странах мира.

Нарроевский Аркадий Сергеевич родился в 1924 г. в Москве. С сентября 1941 г. - слушатель Военного факультета иностранных языков, обучался в Ставрополе. В марте 1943г. направлен на фронт, воевал в составе 5 гвардейской танковой армии на Курской дуге, в составе 1-го Украинского фронта освобождал Киев и Житомир. В 1944-1949 гг. обучался в Военной Академии бронетанковых и механизированных войск им. Сталина. До 1975 г. служил в группе советских войск в Германии, в Дальневосточном и Московском военных округах. Уволен в запас в звании полковника. До пенсии работал на Московском машиностроительном заводе "Авангард".

Нечаева Серафима Павловна родилась в 1918 г. В феврале 1942 г. окончила Военный факультет при 2-го МГПИИЯ, направлена в Куйбышев преподавателем немецкого языка в Военно-медицинскую Академию, с сентября 1942 г. - в ВИИЯ в Ставрополе. После войны преподавала в ВИИЯ до 1954г. С 1957 г. - старший преподаватель военно-дирижерского факультета Московской государственной консерватории.

Панов Игорь Владимирович, родился в 1922 г. в п. Шварц Тульской обл., призван в армию с 4-го курса Московского института декоративного и прикладного искусства, окончил пулеметную школу в г. Термез, в январе 1944г. окончил курсы военных переводчиков при ВИИЯ КА, служил шифровальщиком и оператором радиоперехвата в войсках "СМЕРШ" (группа обслуживала Верховное главнокомандование). Воевал в Румынии, Венгрии, Германии. До 1948 г. в Германии работал в военных комендатурах городов Цвенкау, Лейпциг, Майсен лейтенантом административной службы. Награжден орденом Красной Звезды. Умер в 1953 г.

Пегеев Александр Павлович родился 11 августа 1923 г. в г. Дзержинск Горьковской области. С 1 курса учительского института иностранных языков был направлен на курсы военных переводчиков в Москву. С декабря 1941 г. на Западном фронте, в действующей армии на Белорусском фронте до августа 1944 г. в качестве военного переводчика. 25 ноября 1955 г. уволен в запас в звании капитана. Преподавал в средних учебных заведениях.

В 1964 г. окончил Горьковский госуниверситет. Награжден орденами Отечественной войны II степени, Красной Звезды, медалью "За отвагу".

Попова-Маневич Татьяна Львовна родилась в Москве в 1922г. в семье военнослужащего. После окончания средней школы № 93 добровольно вступила в ряды РККА и была направлена для обучения на Военном факультете иностранных языков КА. После окончания 3 курса направлена на работу в Управление войсковой разведки Генерального штаба, где и работала до конца в качестве военного переводчика. Группа переводчиков: Л. Новикова, Т. Маневич, В. Баженов - работали над переводом плана нападения Германии на СССР "Барбаросса". В 1945-1946гг. работала переводчиком оперативного отдела лагерей военнопленных под Ригой и Калининградом. После окончания английского факультета 1 Московского государственного института иностранных языков им. М. Горького, преподавала в Военной академии и Высшей Краснознаменной школе КГЮ им. Ф. Дзержинского.

Ржевская Елена Моисеевна родилась в 1919 г. в г. Гомель, писательница. До 1941 г. училась на филологическом факультете Института философии, литературы и истории (Москва). В октябре 1941 г. поступила на курсы военных переводчиков при Военном факультете иностранных языков КА в г. Ставрополь Куйбышевской области. С января 1942г. - военный переводчик генштаба ГРУ. В апреле 1942 г. назначена военным переводчиком штаба 30 армии Калининского фронта. Участвовала в боях с немецко-фашистскими захватчиками на подступах к Москве.

Служила в должности военного переводчика в составе штабов 30 армии Западного фронта, 10-й гвардейской армии 2-го Прибалтийского фронта, 3-й Ударной армии 1-го Белорусского фронта. Участник штурма Берлина, гвардии лейтенант. В мае 1945 г. как военный переводчик в составе разведгруппы участвовала в обнаружении трупа Гитлера и расследовании по факту его самоубийства. Награждена двумя орденами Отечественной войны II степени, Красной Звезды, медалями за взятие Варшавы, и штурм Берлина.

Автор 15 книг: “Берлин. Май 1945” (переведена и вышла в 20 странах, 1965), “От дома до фронта” (1965), “Под Ржевом”(1965), “Февраль. Кривые дороги” (1975), “Ближние подступы” (1980), “Ворошенный жар” (1985), “Знаки препинания” (1986), “Далёкий гул” (1988), “Теббельс. Портрет на дневнике” (1994). Соавтор десяти документальных фильмов военной тематики. Член СП РФ, международного Пенклуба. Лауреат Премии им. А. Сахарова (1995), награждена золотой медалью имени А. Фадеева за вклад в развитие военной литературы.

Ройтман Александр - куратор учебных групп немецкого языка в ВИИЯ КА в Ставрополе.

Рудкин Юрий окончил Военный факультет иностранных языков в Ставрополе в 1942 г. Погиб в феврале 1942 г. на Западном фронте.

Рудкина Тамара училась на Военном факультете иностранных языков в Ставрополе в 1941 г. Погибла в 1942 г. в составе десантной группы.

Семина-Черных Валентина Васильевна родилась в 1923 г. После окончания сельской школы в 1940 г. поступила в 1-м МГПИИЯ. В июне 1941 г. переведена на 1 курс военного факультета при 2-м МГПИИЯ. До 1943 г. обучалась в Ставрополе.

Преподавала на курсах военных переводчиков вместе со студентами 3 курса Евгенией Ивановой, Галиной Масловой, Татьяной Абольниковой. С марта 1944 г. по май 1945 г. - с группой слушателей ВИИЯ КА на 1-м Украинском фронте для выполнения спецзадания ГлавПУР РККА. После окончания в 1945 г. ВИИЯ КА преподавала в этом институте до марта 1962 г. С июля 1946 г. - переводчица на Нюрнбергском процессе. Уволена в запас в звании капитана. С 1962 г. по 1980 г. преподаватель Военной Академии МО СССР.

Стеженский Владимир Иванович (1921-2000), писатель, переводчик. Родился в Москве, учился в МИФЛИ. В 1941 г. направлен для обучения на курсы военных переводчиков при Военном факультете иностранных языков в г.Ставрополь Куйбышевской области, с февраля 1942 г. военный переводчик разведотдела штаба 383-й стрелковой дивизии. После войны работал в Союзе писателей СССР. Автор 10 книг. В 2005 г. издан его «Солдатский дневник».

Степанов Владимир Михайлович родился в 1919 г. в Брянске. Окончил 1-й МГПИИЯ (факультет французского языка), в сентябре 1941 г. зачислен на курсы военных переводчиков при ВИИЯ КА в Ставрополе, после окончания - переводчик 24-й армии, прошел боевой путь от Сталинграда до Праги.

После войны - переводчик при советской части союзнической комиссии по Австрии, затем - редактор романского отдела ТАСС, обозреватель АПН.

Ступникова Татьяна Сергеевна (1923–2005) работала в Библиотеке им. Ленина, а потом – в отделе международного библиотековедения Библиотеки иностранной

литературы. Т.С. Ступникова владела немецким в совершенстве. Была переводчиком-синхронистом на Нюрнбергском процессе.

Из воспоминаний Т. Ступниковой: «Наконец, я в зале заседаний Международного военного трибунала. Меня, как и других новичков, пустили или, точнее, привели на очередное заседание суда для знакомства с обстановкой, в которой нам предстояло работать. Такая подготовка была необходима, и её, имея пропуск в кармане, можно было повторять, благо суд заседал ежедневно, кроме воскресенья, с десяти часов утра до пяти вечера с часовым перерывом на обед. В Нюрнберге каждый член советской делегации отдавал себе отчет в том, что любое неудачное или, точнее, негодное властям высказывание для него крайне опасно. Тем более опасно малейшее вольное или невольное отступление от линии поведения, предписанной нам, представителям Советского Союза, за рубежом. Это строгое предписание исходило от Коммунистической партии и в данном случае конкретно от специально созданной в Москве правительственной комиссии по руководству Нюрнбергским процессом. Писаны ли были эти строгие правила или как бы подразумевались сами собой, но их нарушение грозило в лучшем случае отправкой из Нюрнберга и потерей работы на Родине, а в худшем - тюрьмой и даже потерей жизни. Так это было в сталинские годы в многострадальном социалистическом Советском Союзе. И мы хорошо усвоили этот неписанный закон, перед которым все были равны: и генерал, и рядовой, и судья, и переводчик. Кара за малейшие ошибки и проступки, да и вообще ни за что, а просто так, по доносу завистника или секретного сотрудника, которых в советской делегации было более, чем достаточно, могла настичь нас везде. Каждый мог полагать, что расправа будет жестокой и беспощадной. Наши секретные агенты в Нюрнберге были, как правило, в чинах и погонах или же без погон и без определенных занятий. Правда, иногда им приходилось, большей частью для отвода глаз, выполнять задания, связанные с Международным процессом. Однако их основная работа заключалась в слежке за всеми и за каждым в отдельности в целях «разоблачения преступной связи советского гражданина с иностранной разведкой!». Доклады начальству о каких-либо высказываниях и действиях антисоветского характера они должны были писать регулярно. Поэтому, если таковых высказываний и действий не было, их следовало выдумывать. Как говорится, «ни дня без строчки». Служба соглядатаев должна была работать бесперебойно. Надежными помощниками профессиональных секретных агентов были добровольные осведомители - наши коллеги. Дружная совместная работа не мешала некоторым из нас строчить доносы на своих товарищей, вызывавших у них чувство зависти или неприязни. Мы, советские граждане, старались не распространяться на подобного рода исторические и в данном случае по существу политические темы. Мы были в буквальном смысле окружены стукачами, которые, чтобы выслужиться перед начальством или просто навредить несимпатичному человеку, а то и по указанию свыше могли ловко исказить или «тонко» прокомментировать любые твои высказывания, накатать на тебя любую наглую и беспардонную клевету, чреватую серьезными неприятностями. Поэтому, отвечая в те времена моим собеседникам, я всегда чувствовала нависшую надо мной опасность «разоблачения» кем-нибудь из слушателей то ли моего «антисоветского» подхода к проблемам Нюрнбергского процесса, то ли моей недопустимой «антимарксистской» оценки поведения главных военных преступников. Стандартный перечень всех вероятных и самых невероятных ошибок и промахов можно продолжить. Какое именно разоблачение последует, — это зависело и от того, кто писал донос: философ или, скажем, уборщица.

Дело было так. В один из жарких летних дней начала августа я мчалась по коридору в зал суда, в наш переводческий «аквариум», куда можно было проникнуть через боковую дверь в конце коридора. Нечего и напоминать, что нам надлежало быть на рабочем месте до того, как маршал суда провозгласит «Встать! Суд идет, то есть до открытия очередного заседания. Опоздания были нежелательны, а строгий американский начальник синхронистов имел обыкновение лично проверять нашу пунктуальность.

Потому-то я, ничего не замечая вокруг, бежала, напрягая все силы, чтобы не опоздать, но вдруг поскользнулась на гладком полу, пролетела по инерции некоторое расстояние и наверняка бы упала, если бы кто-то большой и сильный не подхватил меня. В первый момент я ничего не могла понять и только почувствовала силу мужских рук. Я оказалась в объятиях крепкого мужчины, удержавшего меня от падения. Всё это длилось, наверное, несколько секунд, которые показались мне вечностью. Когда же я очнулась и подняла глаза на моего спасителя, передо мной совсем рядом оказалось улыбающееся лицо Германа Геринга, который успел прошептать мне на ухо «\brsicht, mein Kind!» (Осторожно, дитя моё!). Помню, что от ужаса у меня внутри всё похолодело. За спиной Геринга стоял тоже почему-то улыбающийся американский охранник. Не знаю, как я дошла до двери в аквариум. Но и здесь меня ждало новое испытание. Ко мне подскочил откуда-то взявшийся французский корреспондент. Нас, переводчиков, все хорошо знали, так как мы ежедневно сидели в зале суда рядом с подсудимыми у всех на виду. Хитро подмигнув, корреспондент сказал по-немецки: «Вы теперь будете самой богатой женщиной в мире». И, очевидно, заметив мою растерянность, пояснил; «Вы - последняя женщина в объятиях Геринга. Неужели непонятно?» Да, этого мне было не понять, француз не учел главного, а именно того, что в объятиях нацистского преступника оказалась советская женщина. А этим всё сказано. Если бы на моем месте была англичанка, француженка или женщина какой-либо другой страны, находившейся по ту сторону железного занавеса, легко было бы представить себе такую концовку этого скорее смешного, чем грустного эпизода. В ответ на реплику корреспондента она подарила бы ему очаровательную улыбку и в перерыве между заседаниями согласилась бы пойти с ним в кафе-бар Дворца юстиции, чтобы отметить столь необычайное событие. Событие было действительно необычайным, ибо подходить к подсудимым разрешалось только защитникам в зале суда, да и то под присмотром МР. Никому не приходило в голову нарушать это строжайшее правило. К тому же американская военная полиция бдительно охраняла подсудимых, когда они гуськом направлялись в зал заседаний. Первым шел Геринг, за ним — его охранник, за охранником - Гесс со своим стражем и так далее один за другим все стальные в том порядке, в котором они сидели на скамье подсудимых. Получилось так, что, опаздывая, я бежала наперерез этой процессии и меня вынесло прямо на подсудимого № 1.

Первого июля 1946 года мне довелось принять участие в этом сражении в скромной роли синхронного переводчика. Моя смена в этот день началась с допроса доктором Штамером главного свидетеля защиты полковника Фридриха Аренса, командира 537-го полка связи, который осенью 1941 года стоял в районе Катынского леса. Для перевода короткие, ясные, повторяющиеся в различном словесном оформлении вопросы опытного защитника и по-военному четкие ответы свидетеля не представляли трудности, если не считать необходимости обеспечить предельную точность перевода. В данном случае каждое слово могло вызвать нежелательную дискуссию или, что еще хуже, упрек в адрес переводчика, которого главные действующие лица, когда дело принимает нежелательный оборот, превращают в козла отпущения. В зале суда Розенберг, казалось, продолжал обдумывать идеологические основы национал-социализма, не обращая никакого внимания на сидевших с ним вместе функционеров нацистской партии. Иногда он рисовал карандашные портреты. Через много лет я прочла в мемуарах Папена, что это были портреты вызванных в суд свидетелей. Перевод немецких документов. Этих документов было великое множество. Наши добросовестные коллеги — письменные переводчики не всегда справлялись с работой, тем более всегда срочной. Обычно вновь поступивший документ надо было перевести к утру следующего дня. Потому-то после работы у микрофона в зале суда мы нередко переключались на письменный перевод. Мы диктовали перевод нашим машинисткам, которые в Нюрнберге всегда были в боевой готовности и ждали нас, заготовив бумагу с копиркой и положив пальцы на клавиши своих пишущих машинок. Работа в таких условиях начиналась мгновенно, и переводчику

необходимо было выдержать задаваемый машинисткой темп, не теряя при этом качества перевода. Нашим английским синхронистам тоже приходилось нелегко, но всё же объем работы у них был меньше, чем у «немцев». Они переводили американских и английских обвинителей и судей, в том числе и председателя суда Лоренса, который требовал к себе особого внимания, ибо часто вклинивался в любую речь или в любой диалог своими спокойно произносимыми, но весьма категоричными замечаниями и репликами. Те, к кому они были обращены, предпочитали не возражать мистеру Пиквику. В случае необходимости английские синхронисты тоже переводили документальные материалы. Что же касается наших французских коллег, то им повезло. Французский язык звучал в зале суда значительно реже, чем немецкий или английский, и они, хотя и сидели вместе с нами в «аквариуме», чаще всего молчали, ожидая, когда в наушники поступит французская речь. Вот как раз этому-то, как показала вся наша последующая жизнь, не надо было завидовать. Для начинающего синхрониста нет ничего полезнее, чем постоянная длительная практика в переводческой кабине с наушниками на голове и микрофоном в руках. Для синхрониста с немецким или английским языком лучшей практики, чем Нюрнбергский процесс, как по объему работы, так и по содержанию не придумаешь. Признаюсь: иногда нам приходилось очень трудно. Ведь нас, советских переводчиков с немецким, английским и французским языками, письменных, устных и синхронных, было всего 40 человек, в то время как у американцев работало в общей сложности 640 переводчиков. Я привожу приблизительные цифры, к тому же эти цифры всё время менялись, но для сопоставления они годятся.

Скажу одно: вся наша переводческая братия работала не щадя живота своего. Мы, советские, не были приучены жаловаться. Однако это не означает, что Москва не имела никакого представления о наших переводческих затруднениях. Время от времени в наши ряды поступало пополнение. Правда, после нашего приезда это были, как правило, только письменные переводчики. Вспоминается такой эпизод. Однажды из Москвы прислали очень милую даму средних лет, преподавателя немецкого языка на юридическом факультете МГУ. Первый шок она пережила на улицах Нюрнберга, услышав везде и всюду баварский диалект, который без привычки понять невозможно. Мы сумели ее как-то успокоить, уверяя, что немцы, приезжающие в Нюрнберг из Берлина и других городов, тоже испытывают значительные затруднения с местным говором. Но уберечь преподавательницу МГУ от второго удара мы при всем желании не смогли. Он был нанесен адвокатом Геринга доктором Штамером. Сидя в зале суда по гостевому билету, наша соотечественница и коллега вдруг услышала ответ адвоката на вопрос председателя о том, сколько времени ему потребуется на представление документов и заключительную речь по делу его подзащитного. Последовал четкий ответ: «Доктор Стамер — зибен стунден» (Доктор Стамер — семь часов). Явные фонетические ошибки доктора Штамера привели нашу преподавательницу в полное смятение. И напрасно мы твердили ей, что адвокат действительно нарушил незыблемое правило фонетики немецкого языка, по которому сочетание букв л? следует произносить как и/т (Штамер, штунден), что адвокат заговорил на своем родном северном диалекте, потому что волновался, так как не был уверен в том, что суд даст ему испрашиваемое время. Слушая эти объяснения наша соотечественница все время повторяла: «За такую ошибку я ставлю студентам двойки». Розенберг инстинктивно классифицировал их по расовым признакам. Когда же пришла его очередь говорить, он, защищая себя, использовал весьма распространенную и потому хорошо знакомую и нам мысль о том, что идеи национал-социализма сами по себе прекрасны, но их претворение в жизнь всячески извращалось нерадивыми исполнителями. Остается загадкой, где же отцу-основателю нацистской идеологии удалось отыскать в этой идеологии какую-нибудь прекрасную идею! Больше у меня не осталось в памяти об Альфреде Розенберге ничего, если не считать маленького переводческого эпизода. Дело в том, что на процессе, как я уже говорила, синхронным переводчикам разрешалось переводить только на родной язык. Поэтому Розенберг слушал в наушниках перевод с

русского на немецкий, осуществлявшийся его соотечественниками. Всё шло своим чередом. И вдруг подсудимый сорвал с головы наушники и, повернувшись в сторону нашего переводческого –аквариума: « громко и сердито, так, чтобы мы слышали, сказал, обращаясь к немецкой переводчице на хорошем русском языке: «Не картины с изображением Бога - Gottesbilder, а иконы — Tkonen, матушка. И, хотя из биографии Розенберга нам было известно, что он родом из Прибалтики и даже успел после революции поступить в советское высшее учебное заведение, но всё же внезапность замечания, да еще на безупречном русском языке произвела на переводчиков шоковое действие. Я уже не говорю о виновнице происшествия, симпатичной молодой немецкой переводчице, которая, очевидно, просто перестаралась и, стремясь онемечить текст, использовала в синхронном переводе с детства знакомое ей слово «Gottesbild». Напомню, что картины на библейские сюжеты - обязательный атрибут интерьера немецкой семейной спальни, но они не являются священными предметами или Божьими образами, подобно русским иконам. Всё тут же уладил всегда спокойный и доброжелательный председатель суда Лоренс.

На допросах и в последнем слове Заукель уверял, что он непричастен к преступлениям нацизма, что он ничего не знал о существовании концентрационных лагерей и даже проявлял заботу об иностранных рабочих. Всё это была ложь, опровергаемая документами и свидетельскими показаниями. Допрос Заукеля заместителем главного обвинителя от США Томасом Доддом пришелся на мою смену. Я сидела в нашем «аквариуме» вместе со своими двумя коллегами, один из которых переводил с английского на русский Додда, я переводила с немецкого на русский Заукеля. Третий переводчик с французского молчал, так как ему переводить было нечего. Я сидела рядом с английским переводчиком и мы, как всегда, пользовались одним маленьким переносным микрофоном, по мере надобности передавая его друг другу. Надо иметь в виду, что допрос Заукеля происходил в конце мая 1946 года. К этому времени ежедневный синхронный перевод в зале суда дал переводчикам возможность накопить определенный опыт и привыкнуть к условиям работы. Потому в тот майский день, который мне было суждено запомнить на всю жизнь, всё, что касается перевода, шло своим чередом. Переводчики в данном случае не испытывали никаких трудностей, если не считать обычного напряжения, к которому привыкнуть нельзя. Казалось, ничто не предвещало каких-либо неожиданностей, хотя мы и должны были их ожидать, как и любой переводчик, в особенности синхронный, который должен уметь преодолевать затруднения незаметно для окружающих. Но именно на допросе Заукеля обвинителем Доддом случилось нечто невероятное и необъяснимое. Подсудимый разволновался и стал кричать, что он ни в чем не виноват и что его обманул Гитлер, что он всегда был идеалистом, защищающим справедливость. А Додд представлял суду и Заукелю все новые и новые доказательства виновности подсудимого, и упрямство последнего разбудило в обвинителе праведный гнев. Возмущенный упорным отрицанием Заукеля перед лицом неопровержимых доказательств его бесчеловечности и жестокости по отношению к иностранным рабочим, американский обвинитель жестко и беспощадно бросил в лицо Заукелю: «Вас надо повесить!» Заукель в ответ закричал, что его не надо вешать, что он сам честный рабочий и моряк. Такой эмоциональный диалог невольно захватил нас с коллегой. Всё это мы исправно и быстро переводили, и перевод бесперебойно поступал в наушники сидевших в зале русскоязычных слушателей. И вдруг с нами произошло что-то непонятное. Когда мы очнулись, то, к своему великому ужасу, увидели, что мы вскочили с наших стульев и, стоя в нашем переводческом аквариуме, ведем с коллегой громкий резкий диалог, под стать диалогу обвинителя и подсудимого. Но мало этого: я почувствовала боль в руке. Это мой напарник крепко сдавил мою руку выше локтя и, обращая ко мне столь же громко, как и взволнованный обвинитель, только по-русски, повторял; Вас надо повесить!» А я вся в слезах от боли в руке вместе с Заукелем кричала ему в ответ; «Меня не надо вешать! Я — рабочий, я — моряк!» Все присутствующие в

зале обратили к нам свои взоры и следили за происходящим. Не знаю, чем бы это кончилось, если бы не председатель суда Лоренс, добрым взглядом мистера Пиквика смотревший на нас поверх своих съехавших на кончик носа очков. Не долго думая, он спокойно сказал: «Что-то там случилось с русскими переводчиками. Я закрываю заседание». Всё обошлось как будто бы без последствий, если не считать синяка на моей руке. Однако вскоре мне по секрету сообщили, что кто-то из недремлющих проинформировал представителей компетентных органов, что я проявила сочувствие к подсудимому Заукелю и даже оплакивала его судьбу. Сведения были верными, однако никаких оргвыводов из этого доноса не последовало. А я старательно демонстрировала свои синяки — истинную причину моих горьких слез. Чтобы совсем покончить с этим случаем и отдать долг справедливости ушедшему от нас автору доноса, скажу, что за несколько дней до своей смерти, последовавшей через много лет в Москве от тяжелого заболевания, этот человек позвонил мне. Умиравший попросил у меня прощения за свою «ошибку». Бог его простит, раз у него хватило решимости покаяться».

Триста Иван Акимович родился в 1910 г. в Москве. В 1922 г. уехал на Кубу к отцу, окончил в 1931 г. юридический факультет Гаванского университета. С декабря 1936 г. - переводчик советника по артиллерии Николая Гурьева в Валенсии (Испания), переводчиком советника артиллерии Николая Александровича Клича, затем, до 1938 г. - переводчик Клечче И.А. (Аль-Баседа).

За участие в боях в Испании награжден орденом боевого Красного Знамени.

В 1940 г. поступил в 1 Московский медицинский институт, с 1941 г. по 1944г. - в действующей армии (рентген-лаборант Санитарно-эвакуационного госпиталя № 2912, Западный фронт). В 1944 г. отозван для учебы в ВИИЯ КА. Преподавал испанский язык на старших курсах института. С 1962 по 1970 г. - преподаватель переводческого факультета института иностранных языков им. М. Тореза. Автор учебников, переводов, книг.

Трояновский Олег Александрович (1919-2003). Лауреат Ленинской премии, чрезвычайный и Полномочный Посол, президент Ассоциации содействия ООН, почетный доктор Дипломатической академии МИД России. Родился 24 ноября 1919 года в Москве. Самые крупные достижения в дипломатической карьере Трояновского - посольские посты в Токио, Нью-Йорке и Пекине. О.А. Трояновский поступил на литературный факультет знаменитого тогда Института философии, литературы и истории (ИФЛИ), где давалось прекрасное гуманитарное образование. Его студентами или аспирантами были А. Твардовский, К. Симонов, А. Чаковский, Л. Безыменский. Институт углубил и закрепил знания Трояновского в области литературы и истории.

В 1941 году - призыв в армию, где требовались переводчики, и направление в Военный институт иностранных языков. Осенью 1942 года О.А. Трояновского назначили редактором-переводчиком в Совинформбюро, а с октября 1944 года он работал в созданном по договоренности между СССР, США и Великобританией совместном комитете по ведению психологической войны против Германии, находившемся в Лондоне. Вскоре Трояновский был зачислен в состав посольства как атташе. В Лондоне О.А. Трояновскому было поручено работать в составе советской делегации, участвовавшей в переговорах по разработке устава готовящегося Нюрнбергского процесса, в котором затем он принял участие в качестве секретаря советского судьи. В 1946 году - работа переводчиком на Парижской мирной конференции по разработке мирных договоров со странами-союзниками гитлеровской Германии, а в начале 1947 года - назначение в секретариат министра иностранных дел В.М. Молотова. В начале 1951 года по предложению ЦК КПСС О.А. Трояновский перешел на работу в редколлегию вновь созданного журнала на английском языке «Новости». С апреля 1953 года он работал

помощником министра иностранных дел и одновременно, в 1956 году, окончил Институт иностранных языков.

С 1958 по 1967 год О.А. Трояновский был помощником председателя Совета Министров СССР. Работая при Н.С. Хрущеве и А.Н. Косыгине, он принимал участие почти во всех встречах министров иностранных дел и на высшем уровне, привлекался к составлению проектов выступлений главы правительства и важных правительственных решений. В 1966 году А.Н. Косыгин пошел навстречу его настойчивому пожеланию и разрешил перейти на дипломатическую работу. Вскоре его назначили послом в Японию. В 1976 г. он получает назначение на пост постоянного представителя при ООН, на котором он проработал 9 лет. В начале 1986 года О.А. Трояновский получает назначение на пост посла в Китае. В 1996 году О.А. Трояновский избран президентом Ассоциации содействия ООН. Он является почетным доктором Дипломатической академии МИД России. О.А. Трояновский награжден двумя орденами Ленина (1976, 1982), орденом Октябрьской Революции (1979), тремя орденами Трудового Красного Знамени (1951, 1966, 1989), орденом «Знак Почета» (1969), медалями.

Из воспоминаний О.А. Трояновского: «В те самые дни, когда гитлеровцы напали на нашу страну, началась экзаменационная сессия в нашем Московском институте философии, литературы и истории. Я шел на квартиру к одному из своих товарищей, чтобы вместе готовиться к очередному экзамену, когда по радио объявили, что вскоре будет передано важное правительственное сообщение. Потом выступил В. М. Молотов с заявлением о начале войны. Помнится, мелькнула мысль, почему выступил Молотов, а не Сталин.

Несмотря на войну, экзамены продолжались. Пожалуй, это были самые легкие экзамены в моей жизни. Мысли как преподавателей, так и студентов были заняты, совсем не науками, поэтому зачеты ставились с беспрецедентной легкостью. В эти дни я перешел на 4-й курс литературного факультета. Примерно через три недели, в середине июля я был призван в армию и вместе с большой группой студентов отправлен в Тесницкие лагеря под Тулой. Здесь из нас должны были сделать солдат. Но все обучение сводилось к маршировке, так как ни винтовок, ни какого-либо другого воинского снаряжения в лагерях не было. Энтузиазм курсантов, по мере того как с фронтов поступали невеселые сообщения, таял. Тяжкое впечатление произвел приказ Сталина, который был зачитан перед строем где-то в августе. В нем объявлялись всяческие кары за сдачу позиций, дезертирство, невыполнение приказа. В середине сентября к нам в лагерь прибыла комиссия, которая стала отбирать курсантов, знающих иностранные языки. Естественно, особая нужда ощущалась в знатоках немецкого. Однако в некоторых случаях отбирали и тех, кто хорошо знал английский. Таким образом, я был направлен в Военный институт иностранных языков в качестве слушателя. Буквально несколько дней спустя - это было уже в первой половине октября; когда немцы подходили к Москве - наш институт погрузили на пароход и отправили в небольшой городок, который тогда назывался Ставрополем-на-Волге. Там нас разместили в бывшем туберкулезном санатории. Все шесть месяцев, что я пробыл там, я изнывал скуки. От всяких занятий меня освободили ввиду уровня моих познаний в области английского. В то же время отпускать меня в Москву начальник института генерал Бязи категорически отказывался, хотя периодически приходили запросы на слушателей со знанием английского. Видимо, он имел ввиду со временем использовать меня в качестве преподавателя. В апреле -1942 года, когда генерал уехал куда-то в командировку, пришел очередной запрос. Полковник, который исполнял обязанности начальника института, пошел навстречу моей просьбе и отправил в Москву в распоряжение управления кадров Генерального штаба. Однако оказалось, что и там не знали, что со мною делать. Тем временем генерал Бязи посылал телеграммы в Москву, требуя моего возвращения. Дело дошло до того, что я получил приказ возвращаться в Ставрополь; Меня в последний момент спасло то, что в учреждении под названием Советское информбюро была острая нужда в людях, хорошо

знающих английский язык. Я был командирован туда на должность редактора-переводчика. Начальником Совинформбюро был генерал-полковник А. С. Щербаков, кандидат в члены Политбюро, секретарь МК и МГК, начальник Главного политуправления Красной Армии, его заместителем – С. А. Лозовский, который одновременно был заместителем народного комиссара иностранных дел. Совинформбюро имело двойную функцию: оно составляло и публиковало сводки о ходе военных действий и в то же время готовило и отправляло за рубеж различные публицистические материалы о Красной Армии, о помощи тыла фронту, о зверствах гитлеровцев на оккупированных территориях и т. д. Переводческой работы было очень много, а редакторов-переводчиков всего четверо, в том числе и я. Так я проработал около двух лет. Летом 1944 года между СССР, США и Великобританией была достигнута договоренность о создании совместного комитета по ведению психологической войны против Германии с месторасположением в Лондоне. Фактически это была попытка координировать пропаганду, которую три державы вели против Германии. Советский Союз в этом комитете должна была представлять группа из трех человек, в которую был включен и я в ранге атташе. Мы отправились в путь в начале августа. Поскольку война еще продолжалась, наш кружной маршрут пролегал через Баку, Тегеран, Каир и Касабланку. В конце августа мы, наконец, приземлились в лондонском аэропорту. На месте выяснилось, что наш комитет психологической войны очень напоминал крыловский квартет, позиции его участников слишком отличались друг от друга, чтобы они могли координировать пропаганду на Германию. А война тем временем продолжалась. Живя в Лондоне, это чувствовалось почти ежедневно. Станции метро на ночь по-прежнему заполнялись людьми, которые спали на трехэтажных нарах, построенных еще в 1940 году, когда начались массированные налеты немецких бомбардировщиков на Лондон. Теперь начались налеты ракет Фау-1. Они появлялись над городом, так сказать, поштучно, но практически каждую ночь, взрываясь то в одном, то в другом районе. Когда английские истребители научились их сбивать, наступил следующий этап: появились

Фау-2. Это были уже баллистические ракеты. Поскольку они обладали гораздо большей скоростью, чем Фау-1, истребители были не в состоянии их сбивать, не было даже времени давать сигнал тревоги об их приближении. К тому же эти ракеты обладали значительно более мощной разрушительной силой, что делало жизнь лондонцев по-прежнему весьма беспокойной. Вскоре, однако, англо-американские войска достигли районов расположения немецких ракетных баз в северной Франции и Бельгии, и налеты прекратились. Прошло еще несколько месяцев, и наступил День Победы.

Федин Александр Иванович обучался на курсах военных переводчиков в Ставрополе в 1941 г. С 1943 г. на фронте - переводчик маневренной группы 561 отдельного радиодивизиона, переводчик группы радиоразведки средствами связи 51-й армии. Воевал на Украине, в Крыму и окончил войну в Прибалтике.

По окончании ВИИЯ с 1948 по 1949 г. - переводчик группы советских оккупационных войск в Австрии, в 1949-1954 гг. - преподаватель-переводчик объединенных офицерских курсов по подготовке командного состава для полиции и армии ГДР. С 1955 по 1959 г. - преподаватель суворовского военного училища в Тамбове. С 1959 г. - преподаватель Высшей школы МВД СССР, доцент кафедры иностранных языков Московского филиала института заочного юридического обучения при Академии МВД СССР.

Федосюк Юрий Александрович, журналист. (1920, Москва - 1993, Москва), советский российский филолог и журналист. В 1937 поступил в ИФЛИ. Окончил институт в 1941, после чего пять лет служил в армии. С июня по сентябрь 1943 г. учился на курсах военных переводчиков при Военном институте иностранных языков Красной Армии в г.Ставрополь Куйбышевской области. По окончании института (январь 1944г.) служил

военным переводчиком штаба 19 Армии 2 Белорусского фронта. С 1946 работал во Всесоюзном обществе культурной связи с границей (ВОКС), затем в Совинформбюро, Агентстве печати «Новости». Во время работы в ВОКСе начались московедческие исследования Федосюка, в чём ему помогал известный историк и московед Пётр Сытин. Статьи Федосюка о Москве публиковались в журналах «Вопросы истории», «Наука и жизнь» и др. Помимо этого, учёный занимался лингвистическими исследованиями, в частности, изучением фамилий, а в последние годы работал над книгой «Что непонятно у классиков? Трудные слова и понятия», которую закончил в 1989. Участвовал в деятельности Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры, Комиссии по истории московских улиц и других организаций. Выступал с лекциями о Москве. После войны - главный редактор АПН, журналист, заслуженный работник культуры РСФСР, автор семи книг. Скончался в 1993 году, похоронен на Введенском кладбище.

Фещенко Валентина Петровна родилась в 1921 г., обучалась на Военном факультете иностранных языков РККА в г.Ставрополь, после войны - старший преподаватель исторического факультета МГУ.

Хитрук Фёдор Савельевич (1917-2009). Режиссёр анимационного кино. Родился 1 мая 1917 г. в Твери в семье военного. Окончил художественное училище (Германия), художественный техникум и графическое отделение института повышения квалификации режиссёров кино в Москве. До 1941 г. работал художником-мультипликатором на студии «Союзмультфильм». Мобилизован в августе 1941 г., был курсантом пехотного училища им. К. Ворошилова в г. Уральск, служил в 13 запасной бригаде. С сентября 1943 по февраль 1944 г. обучался на курсах военных переводчиков при Военном институте иностранных языков Красной Армии в г. Ставрополь Куйбышевской области. В феврале 1944 г. в звании лейтенанта направлен в Днепропетровск переводчиком штаба 3 Украинского фронта. В августе 1944 г. переведен военным переводчиком штаба 17 воздушной армии. Окончил Великую Отечественную войну в Вене, в звании старшего лейтенанта. По окончании войны направлен в Берлин в распоряжение советской военной администрации в Германии. Демобилизован в ноябре 1947 г. Награжден боевыми медалями. После Великой Отечественной войны работал художником-мультипликатором, а с 1961 г. режиссером студии «Союзмультфильм». Народный артист РСФСР (1977), народный артист СССР (1990), Лауреат Государственных премий (1976, 1980) и Премии Президента РФ (1998). Призер Международных и Всесоюзных фестивалей. Создал популярные рисованные фильмы: «Каникулы Бонифация» (1965), «Винни Пух» (серия мультфильмов, 1969-1972); оригинальные, острые и лаконичные по форме фильмы: «История одного преступления» (1962), «Человек в рамке» (1967), «Фильм, фильм, фильм...» (1968), «Остров» (1973), «Дарю тебе звезду» (1979). Преподавал на анимационном отделении Высших курсов сценаристов и режиссёров в Москве. Основатель мультипликационной школы-студии «Шар».

Цвиллинг Михаил Яковлевич – адъютант и преподаватель ВИИЯ КА в годы войны.

Профессор Московского государственного лингвистического университета

Из воспоминаний М. Цвиллинга: «Не секрет, что в тридцатые годы люди нередко предпочитали скрывать свои языковые знания и умалчивать о приобретенной ими профессии во избежание неприятностей, да и в первые послевоенные годы немало переводчиков оказалось «в местах не столь отдаленных» по обвинению в пособничестве англо-американским империалистам, на том только основании, что по долгу службы обеспечивали контакты с союзниками при проведении конвоев с военными грузами или обслуживании аэродромов для дальних бомбардировщиков, выполнявших боевые вылеты

по челночной схеме. Правда, в то время едва ли была хоть одна профессия, представители которой были полностью гарантированы от подобных обвинений со всеми вытекающими отсюда последствиями, а потому даже такие мрачные перспективы (тем более, что многое стало известно лишь спустя годы) не удерживали потенциальных профессионалов от выбора в пользу данного вида деятельности. К началу моего профессионального пути, т.е. к сороковым годам прошлого века, представители этого поколения, ряды которого сильно поредели в результате бурных событий 20-х - 30-х годов, продолжали еще занимать видное место в сообществе специалистов по иностранным языкам - в качестве переводчиков, преподавателей, редакторов, составителей словарей и т.п. Я до сих пор испытываю чувство глубокой благодарности к принадлежавшим, к этой категории моим учителям, таким, как незабвенный Александр Михайлович Таубе (отпрыск остзейского дворянского рода), вошедший в историю лексикографии как составитель ряда военных словарей, непревзойденный в своей педантичной приверженности к бескомпромиссной точности в деталях Борис Эммануилович Шванебах (достойный представитель фамилии обрусевших немцев, имевшей немалые заслуги перед Российским государством еще во времена Империи), блистательный знаток немецкого языка и литературы Александр Андреевич Лепинг (во время 1-й мировой войны - штабс-капитан Российской армии), фамилия которого стала впоследствии нарицательным обозначением немецко-русских словарей, и многим другим. Конечно, был и другой источник пополнения языковых (и переводческих) кадров - репатриировавшиеся в Советский Союз революционеры-эмигранты и их дети, а также (главным образом, уже в 30-х годах) антифашисты, спасавшиеся от диктаторских режимов Гитлера, Муссолини, Хорти, Антонеску, а позднее и Франко. Многие из них оставили заметный след в своей области деятельности. Так, из немецкоязычных специалистов хотелось бы назвать австрийца Тео Ауэрбаха. В годы Великой Отечественной войны по заданию легендарного генерала Н.Н. Биязи, начальника Военного института иностранных языков Красной Армии (ВИИЯ КА, он создал уникальный разговорник-справочник бранных выражений и крепких словечек немецкого солдатского жаргона. Понятно, что фронтовым переводчикам, получившим еще в мирное время свою языковую подготовку под руководством интеллигентных старушек-«немок», именно таких коммуникативных средств больше всего недоставало для достижения желаемого «прагматического эффекта» при общении с военнопленными. Итак, как читатель понял, речь до сих пор шла о поколении, к которому принадлежат наставники автора, так что пора перейти к повествованию о некоторых моментах собственного профессионального пути. Мои сверстники, родившиеся в первой половине 20-х, это как бы первый эшелон «советских людей» - не в смысле «совок» или «homo sovieticus», а в объективно-историческом значении этого термина. Мы родились и сформировались в годы советской власти, и большинство из нас воспринимали тогдашние условия жизни, включая ее идеологическое обрамление, как естественные и неоспоримые.

Разразившаяся война, нападение гитлеровской Германии на нашу родину - СССР - могла вызвать у нас единственную реакцию: немедленно принять участие в битве со смертельным врагом. Добровольное поступление на военную службу стало с первых дней войны массовым явлением, на этом, в частности, и основывалось формирование народного ополчения, что позволило хоть частично компенсировать роковое промедление в реализации мобилизационных планов.

Для меня лично именно эти события оказались стимулом к выбору профессионального пути. Мне, правда, только должно было исполниться шестнадцать лет, и среднюю школу закончить я еще успеть не мог, но зато с детства свободно владел немецким языком: об этом позаботились мои родители, много лет проработавшие в загранпредставительствах Народного комиссариата внешней торговли.

В августе 1941 г., только что получив паспорт, я подал заявление на курсы военных переводчиков при военном факультете 2-го МГПИИЯ (впоследствии на этой базе был сформирован ВИИЯ КА, ныне переводческий факультет Военного университета),

куда и был зачислен как курсант-доброволец. Моя военная служба продолжалась 15 лет, в течение которых я не только учился и преподавал, но и выполнял самые разнообразные виды переводческой работы, включая трехмесячную боевую стажировку в начале 1945 г. на должности офицера-переводчика разведотдела штаба 42 стрелкового корпуса, воевавшего тогда в составе 3-го Белорусского фронта в Восточной Пруссии.

Однако весьма своеобразную деятельность военного переводчика целесообразнее осветить в специализированном издании, и здесь я на ней останавливаться не буду, тем более, что этот период моей «карьеры» частично освещен мною в журнале СПР «Мир перевода» («Как молоды мы были...», № 1/5, 2001 г., сс.40 - 53). На «широкую дорогу» в качестве переводчика я вышел вскоре после демобилизации, а точнее - в 1957 г., когда уже зрелым специалистом я, наконец, впервые попал в кабину синхронного переводчика.

Профессиональное сообщество синхронистов сложилось в нашей стране, можно сказать, стихийно. Настоящее боевое крещение первое поколение получило во время Нюрнбергского процесса 1946 г. Именно эта бригада, старшим в которой был преподаватель ВИИЯ КА Евгений Абрамович Гофман, надолго стала костяком зарождающегося цеха. Как младший коллега по кафедре, я получил возможность непосредственно приобщиться к опыту Евгения Абрамовича и даже пройти под его руководством первичную ознакомительную тренировку».

Чебышева Нина Ивановна родилась в 1919 г. в Москве, в феврале 1941 г. окончила военный факультет при 2-м Государственном педагогическом институте иностранных языков, преподавала, в ВИИЯ КА в г. Ставрополь, в Военной Академии им. Фрунзе,

до 1956 г. - вновь преподаватель ВИИЯ КА. С 1956 по 1982 г. - преподаватель, зав. кафедрой иностранных языков Военной Академии им. Дзержинского

Шмайлов Николай Григорьевич Родился в 1922 г. В августе 1943 г. с Западного фронта направлен на курсы военных переводчиков при ВИИЯ КА. После окончания курсов в декабре 1943 г. вновь был направлен на фронт. Уволился в запас в 1972 г. в звании полковника. Работал в Агентстве печати “Новости”

Шрайбер Исаак М. литературный переводчик. В составе действующей армии дошел до Польши, с октября 1945 г. обучался на французском отделении педагогического факультета ВИИЯ КА, который окончил с отличием, работал преподавателем на кафедре французского языка до весны

1950 г, выезжал в составе делегаций в качестве трехязычного переводчика в Чехословакию, Индию, Францию, Австрию, Албанию. В 1950 г. по доносу был исключен из партии, демобилизован. В 1955 г. полностью реабилитирован.

Шумилова-Мицкевич Маргарита Михайловна родилась в 1922 г. в Кировской области. Училась на английском факультете 2-го МГПИИЯ. С октября 1941 г. обучалась на Военфаке в Ставрополе. С 1943 г. служила переводчиком в Генеральном штабе. В 1945 г. работала в США, преподавала английский язык офицерам Генерального штаба в Москве. После войны работала во Всесоюзном институте научной и технической информации, затем - в Центральном научно-исследовательском институте Атоминформ Министерства среднего машиностроения.

Этуш Владимир Абрамович родился 6 мая 1923 г. в Москве. Актер, педагог.

В 1941 г. с 1 курса театрального училища им. Щукина призван в армию. Направлен для обучения на курсах военных переводчиков при Военном факультете иностранных языков Красной Армии в г. Ставрополь Куйбышевской области. С февраля 1942г. - заместитель начальника 70 укрепленного района Закавказского военного округа, с

начала 1943 г. - военный переводчик, помощник начальника штаба 581 стрелкового полка 151 стрелковой дивизии 4-го Украинского фронта, до октября 1943 г. - заместитель начальника штаба ПМШ-1 полка в Запорожье. В октябре 1943 г. был ранен и комиссован. Награжден Орденом Отечественной войны II степени, орденом Красной Звезды, медалью "За освобождение Кавказа". После войны окончил театральное училище им. Щукина, с 1945 г. актер театра им. Вахтангова. Владимир Абрамович Этуш ведет большую педагогическую деятельность: с 1945 г. он преподаватель театрального училища им. Щукина, с 1965 г. - доцент, ныне - профессор, ректор училища. Народный артист РСФСР (1964), Народный артист СССР (1984). Лауреат Премии «Хрустальная Турандот» (1994), Лауреат Государственной Премии РФ в области литературы и искусства (2001), награжден орденами За заслуги перед Отечеством II и III, IV степени (1995, 2003, 2008).

Роли в театре: Годунов ("Великий государь" Соловьева), Макс Венгер ("Заговор обреченных" Вирты), гаулейтер Рогге ("Кому подчиняется время" братьев Тур и Шейнин), Лаунс ("Два веронца" Шекспира, 1952), Блендербленд ("Миллионерша" Шоу), Купо ("Западня" Э. Золя), Журден ("Мещанин во дворянстве" Мольера, 1968), Отто Марвулья ("Великая магия" Э. Де Филиппо, 1979). Снимался в кинофильмах: "Кавказская пленница" (1967), "Приключения Буратино" (1975), "Иван Васильевич меняет профессию".

Эшпай Андрей Яковлевич. Марийский и русский композитор. Родился 15.05.1925 г. в г. Козьмодемьянск Марийской АССР. Первоначально обучался музыке под руководством отца - марийского композитора и фольклориста Якова Андреевича Эшпая. В 1941-1942 гг. учился на курсах военных переводчиков при Военном факультете иностранных языков Красной Армии в г. Ставрополь Куйбышевской области. А.Я. Эшпай: «Я много выступал в госпиталях, аккомпанировал певцам и, глядя на раненых, видел, как они рады нам как моя музыка нужна им». В 1943 году Андрей Эшпай поступил в Чкаловское пулеметное училище, выпускники которого направлялись на фронт. Однажды в училище приехали набирать студентов представители открывшегося в Ставрополе Военного института иностранных языков (ВИИЯ). Андрей, с детства владевший немецким, оказался в числе пяти курсантов, отобранных комиссией. Вскоре Институт переезжает в Москву, а в 1944 году девятнадцатилетний Эшпай с дипломом военного переводчика попадает на 1-й Белорусский фронт во взвод разведки. Он воевал в Польше и Германии. Бои были жестокие, особенно под Берлином и в самом городе. До сих пор, спустя почти тридцать лет после окончания войны, композитор помнит фронтовых друзей своей юности. И сейчас еще композитор иногда неожиданно находит своих боевых друзей. А. Эшпай вспоминает: «Дружба бойцов – совершенно особое чувство, я хорошо понял это там, под Берлином. «Я» - само это понятие исчезает, остается только – «мы». У меня были два любимых друга – Володя Никитинский из Архангельска и Гена Новиков из Ташкента. Мы были неразлучны, не раз выручали друг друга. Оба они прошли всю войну и погибли в боях за Берлин, в в последние часы войны». В 1953 г. окончил Московскую государственную консерваторию по классу композиции у Е.К. Голубева и по классу фортепиано у В.В. Софроницкого. По композиции совершенствовался там же в аспирантуре у А.И. Хачатуряна. К лучшим достижениям композитора принадлежит балет "Ангара" (1976). Автор 4 симфоний (1959, 1962, 1965, 1978), концертов для оркестра, для фортепиано с оркестром (1954, 1967, 1972), для скрипки с оркестром (1956, 1977). 1-й секретарь правления Союза композиторов РСФСР с 1973 г. Лауреат Государственной премии (1976), награжден орденом Отечественной войны I степени, орденом Красной звезды. Лауреат премий 5-го и 6-го Международного фестиваля демократической молодежи и студентов. Заслуженный деятель искусств Марийской АССР (1961) и Якутской АССР (1964), Народный артист СССР (1981), Лауреат Ленинской Премии (1986). Член Международного музыкального совета при ЮНЕСКО (1977). Почетный член Общества им. Ф. Листа (1979, США). Преподаватель Московской государственной консерватории.